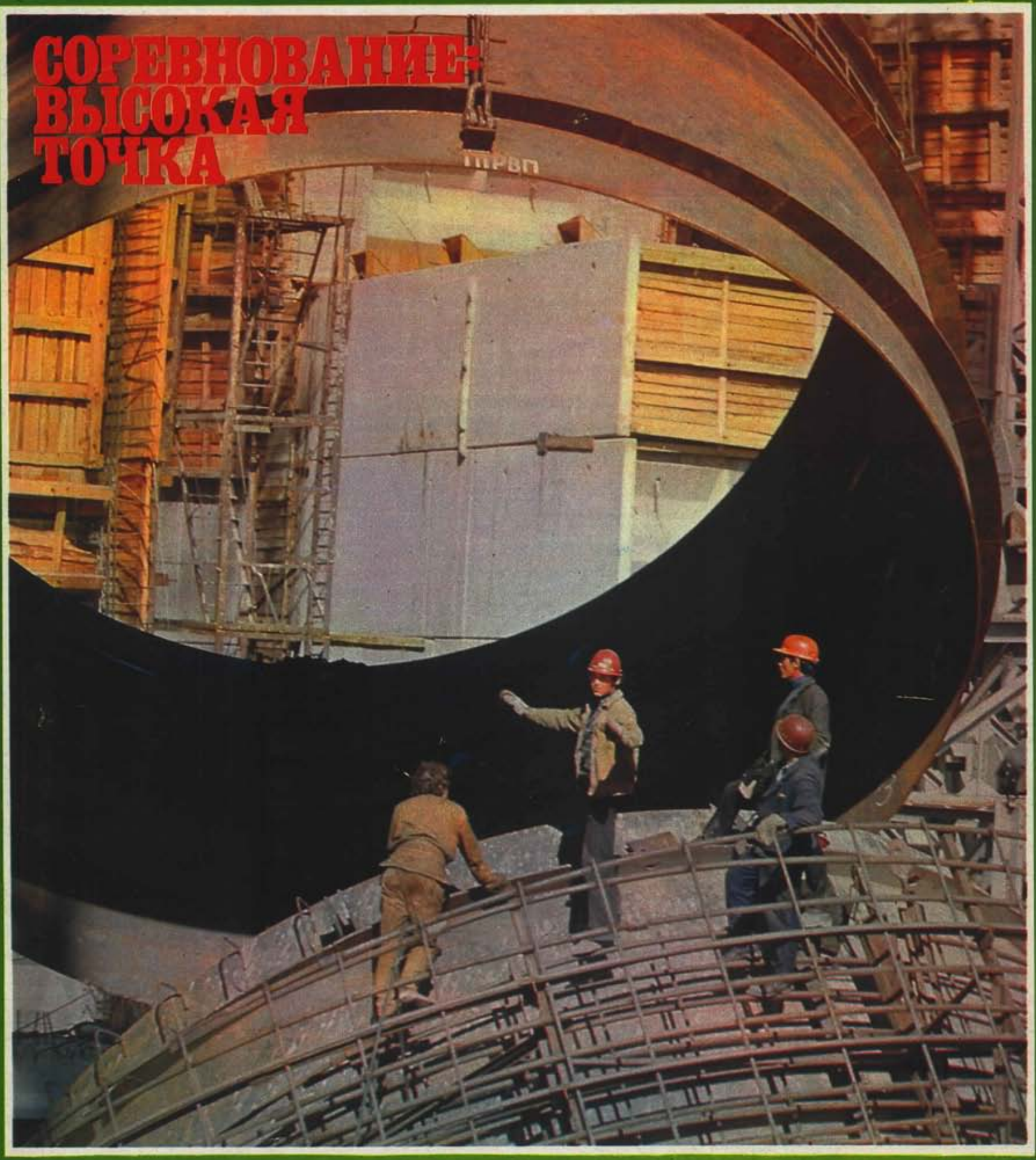

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1979

**СОРЕВНОВАНИЕ:
ВЫСОКАЯ
ТОЧКА**

В юбилейный год социалистического соревнования и первой пятилетки приняты важнейшие постановления партии и правительства «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Они охватывают весь комплекс нашего политического, экономического, нравственного

развития, нацеливают на успешное претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС.

Вопросы экономики и воспитания тесно связаны между собой. Об этом свидетельствуют каждая победа, каждое достижение в социалистическом соревновании. Опыт, накопленный в предыдущих пятилетках, во многом помогает сегодня — именно об этом размышляет писательница Елена Микулина в предлагаемой читателям статье.

Елена МИКУЛИНА

Я выступала перед слушателями Московского университета рабкоров имени М. И. Ульяновой с воспоминаниями о встречах с ударниками и стахановцами 1929—1936 годов. В перерыве ко мне подошел молодой человек.

— Вы сказали, что человек, до-

опыт, мастерство? Отдашь — другой возьмет и встанет на твое место! Так не лучше ли, зажав в кулак все, что имеешь, затаиться, смолчать там, где ждут твоего совета и поддержки? И становится человек, живущий в мире, где властвует закон конкуренции, злым, острым, жадным... Мелькает его душа, беднеют чувства. И довлеет над ним страх! Где уж тут думать ему о других, выжить бы как-нибудь самому. О какой доброте может идти речь в мире зла?

К счастью, мы живем в мире, где

И опять молчание. Долгое. Смущающее. И, наконец, мальчишеский голос из последних рядов:

— Опять Петров! Что же, вы из него икону хотите сделать?

— И я могу высказаться, — откликнулся с другого конца зала высокий худощавый человек.

Так начался разговор, открывший, честный. Мысли выступавших в тот день строителей сводились к следующему:

— Ну, допустим, бригадир — хороший организатор. Но чем он отличается от бригадира, скажем, два-

нашей бригаде самые высокие показатели, а нам не присуждают первое место, не дают звания бригады коммунистического труда. А все потому, что бригадира невзлюбили постройком и парткомом». Письмо было тревожным. Я выехала в Ангрэн.

Увы, правда оказалась не на стороне авторов письма. Бригада Бутримова действительно имела самые высокие показатели. Но и здесь, в Ангрэне, так же как и на московской стройке, оказалось недостаточно данных для того, что-

ДОБРОТА

бывшийся большого трудового успеха, становится добрее. Вы случайно не оговорились? — спросил он. — Какая связь между рекордом и добротой?

Этот вопрос взволновал меня. В самом деле, почему, сталкиваясь со стахановцами, ударниками коммунистического труда, я неизменно наблюдала в каждом из них стремление передать свои знания другому, тому, кто рядом? Почему с каждой новой ступенью в труде их горизонт расширялся, охватывая уже не только свою бригаду или цех, но и весь завод, все государство? Какими нитями крепится связь между трудом и тем комплексом чувств, которые определяют нашу душу?

Ответить на эти вопросы однозначно нельзя. Но, думается, главное — уверенность, которую человек тогда раздает широко жестом свои знания, свой опыт, свое мастерство. Ведь чем чаще он это делает, тем больше убеждается в своих силах. В этом и смысл социалистического соревнования, в этом его коренное отличие от конкуренции, на которой основан мир капиталистический.

Подумайте сами. Что порождает конкуренция в человеке? Прежде всего неуверенность в своих силах, в завтрашнем дне, в праве на труд по своим способностям и знаниям. Разве возможно при таком положении раздавать накопленные знания,

звериный закон конкуренции заменен светлым понятием — социалистическое соревнование, которое каждому открывает путь к самоутверждению, к широте чувств.

Помните обращение «Правды» ко всем журналистам, читателям о поисках достойных кандидатур для литературных портретов героев нашего времени? Это было в конце пятидесятых годов. Я, тогда спецкор «Строительной газеты», начала свой поиск с одной из московских строительных площадок. Чего греха таить, почти все мы, журналисты, писатели, начинаем искать своих героев прежде всего на доске показателей, в списках отмеченных. А в этот раз я поступила иначе. Приехала на стройку в обеденный перерыв, села в красном уголке и стала ждать, пока сами по себе соберутся на отдых люди.

На меня посматривали вопросительно: объявления о лекции не было, собрание не намечалось, так почему же сидит посторонний человек? Чего ждет? И когда я сказала: «Помогите мне выбрать героя для очерка», — в зале наступила тишина. Она длилась минуту, другую.

И вдруг:

— Я предлагаю написать очерк о нашем бригадире Петрове. Он человек зрелый, оформившийся, работает хорошо, мы все его знаем.

Высказав все это одним залпом, заведующая красным уголком поправила на плечах пуховый платок и удовлетворенно оглядела зал.

дцатых годов? А время-то теперь иное. У нас идет соревнование за звание бригад коммунистического труда. А понимает ли наш Петров высокий смысл этого слова? Сам-то он безгрешен — не пьет, не прогуливает. За свою бригаду — горой. Всегда достанет для нее выгодную работу. А на другие бригады ему наплевать. Пусть сами о себе заботятся... Разве ж так соревнуются? И разве таким должен быть человек сегодняшнего дня? Вот если бы Петров...

И рисовался строителями светлый образ бригадира, человека, которому дороги интересы не только своей маленькой бригады, но всего коллектива, всей стройки, человека, для которого очень важно, чтобы друг не отставал в пути.

Так узнала я, насколько требователен к своему герою коллектив, какие высокие моральные, нравственные требования к нему предъявляет. И поняла я: никакие справки из отдела труда и зарплаты и даже портреты на доске почета еще не есть вехи правильного пути писателя или журналиста к герою своего произведения.

Так и не написала я тогда очерк о строителе. Ушла с площадки огорченная, как говорят, не солоно хлебавши.

Но через несколько дней в редакцию пришло письмо из Узбекистана, из города Ангрэна, где тогда строилась ГРЭС. Это письмо продолжило разговор о герое, начатый мной на московской стройке. В злой, раздраженной форме авторы письма жаловались: «Нас обижают. В

бы коллектив счел бригаду достойной высокого звания. В один ряд с мастерством уже встали понятия «взаимопомощь», «честное отношение к коллективу», в котором трудисься».

А бригада Бутримова не хотела делиться своими знаниями с новичками, замкнулась, отгородилась от всех стремлением к высоким зарплатам. И это было настолько несообразно с принципами социалистического соревнования, что коллектив возмутился и потребовал присуждения первого места бригаде Самата Рахматова.

Утром я разыскала Рахматова. Невысокий черноглазый человек глянул на меня испытующе. В его узких глазах под легким припухлыми веками были доброжелательность и в то же время нетерпение:

— Сегодня у нас работа сложная, вы не долго меня задержите?

Не получилась у нас в тот раз беседа. О Бутримове Самат Рахматов сказал коротко:

— Не понимаю одного — ну как можно обижаться на коллектив? Один человек может быть не прав, два человека, три... Но весь коллектив? Думаю, ошибся Бутримов, когда допустил, чтобы написали письмо в газету. Не подумал. Но он человек неплохой, каменщик отличный. Я думаю, он больше не будет сердиться. Заглянет в свое сердце и все поймет.

Рахматов улыбнулся и сразу помолодел. На минуту показался совсем мальчиком. Но вот улыбка сошла, спрятались белоснежные зубы, и я снова увидела испытующий

взгляд много думающего, серьезно-го человека. Значительная часть бригады Рахматова, как говорят на стройке, «разные люди». Среди них и совсем молодые ребята, у которых трудно сложилась судьба, и старики, и высококвалифицированные рабочие.

В бригаду охотно принимают новичков и учат их не только мастерству, но и жизни.

Год назад Самат, оставив свою старую бригаду, взял отстающую. Начальник участка возражал, товарищи удивлялись, но Самат настоял на своем. Он не переоценивал свои силы, переходя в отстающую бригаду, знал: помогут друзья. И действительно, несколько месяцев подряд прежняя бригада Рахматова в полном составе участвовала в еженедельных совещаниях вновь созданной. Вместе подводили итоги сделанного, разбирали ошибки, выносили суждения, намечали дальнейшие планы. Содружество лучших с самыми слабыми поднимало последних в собственных глазах, а затем и во мнении всего коллектива.

Коллектив, которым руководил тогда Изаков, первым на Урале вступил в социалистическое соревнование за звание предприятия коммунистического труда. Первым получил это звание и с достоинством несет его долгие годы. И сейчас это предприятие — пример для многих, о нем говорили на Всесоюзной конференции в Ленинграде, посвященной пятидесятилетнему соревнованию и первой пятилетки. Десять лет назад коллектив завода резко вырвался вперед, и не только по производственным показателям, но и... по душевной щедрости.

Изаков объяснял это так: «Должен сказать, что дружеская забота о многих и многих людях, попавших в ту или иную беду, оказывает огромное влияние на моральный дух нашего коллектива. Каждый из нас видит в этом реальное воплощение великого принципа: «Человек человеку — друг, товарищ, брат», — и рассказал о том, как завод помогал людям, которых поразила болезнь. Трое из них назы-

Вот что написала совсем недавно Якову Изакову Надежда Согулякина: «...Я каждый день вспоминаю о заводе, о вас. Ничто не забыто. Работаю завучем, дел много. Три месяца была на курсах в Киеве. Занимаюсь лекционной работой. Воспитываю сына Алешку. Он учится в третьем классе средней школы и во втором — музыкальной, по классу баяна. Готовится к вступлению в пионеры. Летом мы с ним будем в Москве, заедем к вам, в Свердловск. Здоровье мое теперь нормальное, если не считать «мелочей».

Крепко вас обнимаем. Надя, Аляша. Очень ждем писем».

А вот письмо от Виктории Дудиной.

«Дорогие! Долго думала, мучилась угрызениями совести. Вы обо мне помните, а я так долго вам не писала. Главное — не болею, хотя очень много сил отдаю работе. Вниманием меня не обходят, за работу ценят. Есть награды. Отличник народного образования. По результатам аттестации получила звание

роль Социалистического Труда. Вре-зались в память его слова: «В чем смысл движения за коммунистическое отношение к труду? В слиянии требований социалистического соревнования с лучшими человеческими качествами вообще. Думаю, — сказал Затворницкий, — что хорошая работа и любовь к Родине — эти понятия очень близки друг к другу».

Я не случайно вспомнила сейчас о Затворницком. Ведь он тоже работает на московской стройке, одной из тех, где много лет назад я искала и не нашла героя для своего очерка. Теперь, бесспорно, им бы стал Затворницкий. И не только героем очерка, но и большой книги. Затворницкий и члены его бригады по доброй воле, по личной инициативе взяли на себя гарантийную ответственность за качество сдаваемых жилых домов. Что это означает?

Бригада закончила дом. Сдала его на «отлично». Кажется, все. Можно уйти с объекта, забыть его, приступить к новой работе. Однако

СИЛЬНЫЕ

ва. Пришла уверенность в своих силах. Мастерство породило любовь к профессии, гордость за свой коллектив. И понятно стало, почему бригада Самата Рахматова готова в нерабочие часы устроить комфортабельный душ для детского садика, дежурить в дружине по охране порядка, взять под свое крыло новичка или человека оступившегося.

Тогда я написала очерк о бригадире Самате Рахматове и, наблюдая за его дальнейшей деятельностью, знаю: я не ошиблась в выборе героя.

Шахтерская заповедь гласит: если у твоего товарища шахтера погасла лампочка, ты должен светить ему своей. Эта же формула — «делись огнем» — стала законом помощи всем, кто находится рядом.

Несколько лет назад директор Свердловского завода медицинских препаратов Яков Изаков писал мне:

«У нашего завода появилось множество друзей, у нас огромная переписка. Меня часто спрашивают: зачем вам, человеку пожилому, занятию производством, так много времени отдавать чужим людям, их устройству в жизни? Иногда я и сам думаю: зачем? Но тут же отвечаю: связь с людьми, возможность помочь в беде, ощущение, что активно участвуешь в создании нового общества, — все это является для меня той живой водой, которая наполняет человека горделивым сознанием — я приношу пользу людям. А какое это удивительное чувство — быть нужным людям!»

вают себя приемными дочерьми коллектива свердловского завода. Одна — студентка Симферопольского педагогического института Надя Согулякина родом из Запорожской области, из села Ново-Даниловка. Мать ее — колхозница, отец погиб на фронте. Вторая дочь завода — Виктория Дудина — преподавательница из города Енакиево, третья — Машенька Шестакова, свердловчанка.

Бывали дети полка. На пепелищах русских деревень подбирали солдаты сирот, как бы усыновляя их, согревая теплом своих сердец.

Во многих советских семьях есть приемные дети, сполна получающие материнскую и отцовскую ласку. Но дети завода! Для меня это было волнующе и ново. Где, в какой стране можно увидеть такое?

Писать о добром нелегко: пишущего подстерегает опасность скатиться к сладкой сентиментальности.

Но то, что двигало сердцами свердловчан, было очень далеко от сентиментальности и благотворительности. Это было дружественной помощью, и очень действенной: не только препаратами — заводчане ездили к своим подопечным, помогая устроить жизнь, поддерживали морально. Не буду вдаваться в подробности этой необычной дружбы. Главное, она продолжалась долгие годы. Помогла встать на ноги в буквальном смысле этим молодым женщинам. Теперь у завода есть новые подопечные, но первые три дочери не забыты.

«Старший учитель», единственное в нашем городе, а месяц назад оформили документы на заслуженного учителя УССР. Перед этим давала открытые уроки, читаю лекции, руковожу историками города, имею и много других общественных поручений. По словам людей, я теперь веселая, энергичная. Иногда, прокручивая в мозгу свой собственный фильм, я в каждом кадре вижу вас, свердловчан, и ваше участие в моей жизни. Спасибо! Виктория».

Радуются в Свердловске письмам молодых женщин. Приятно сознавать, что помощь коллектива была оказана вовремя, что стали «дочери завода» полезными, ценными людьми нашего общества.

А я себя чувствую в долгу и перед коллективом завода медпрепаратов и перед его директором. Мало я написала о них, мало. А ведь они настоящие герои не только очерков, но и книг о наших современниках.

Жизнь дает нам ежедневно новые и новые примеры высокой нравственности советских людей. В канун пятидесятилетнего юбилея обращения XVI партийной конференции 1929 года «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» я за «круглым столом» редакции «Строительной газеты» неожиданно встретилась с теми, кто стоял у истоков социалистического соревнования строителей, и теми, кто продолжает сейчас их рабочую эстафету.

Был там и бригадир комплексной бригады треста Мосстрой-1 Владимир Андреевич Затворницкий, Ге-

Владимир Андреевич Затворницкий вручает новоселам ключи от новой квартиры, заметьте, вручает сам, а не через домоуправление, и одновременно дает жильцам свой телефон. И говорит: если обнаружите недостатки — прошу позвонить по этому телефону. Наша гарантия на два года. Все неполадки мы будем устранять сами, бесплатно. Это наш долг.

— Ну и как? — спросила я Затворницкого. — Много звонков?

— Сначала было немало, — ответил он. — Но зато теперь их почти не бывает.

— А нужно ли было вам брать на себя такую обузу, такую ответственность?

— Представьте себе, нужно. Очень. — Владимир Андреевич улыбнулся. — Это помогло воспитывать коллектив. А он сейчас маленький. В бригаде семьдесят человек. Среди них много новичков.

— Помогло?

— Очень. Повысило ответственность каждого, вызвало необходимость взаимоконтроля, требовательной дружбы. И на технической части нашей работы сказалося.

— Каким образом?

— Да ответственность за качество заставила нас пересмотреть технологию строительства, по-иному расставить звенья в бригаде...

Удивительна память человеческая. Стоило Затворницкому произнести фразу — «требовательная дружба», как память вернула меня в послевоенные годы, на завод «Красный богатырь», в бригаду

Наша обложка:
МОНТАЖНИКИ.

Фото
Алексея
МАСЛОВА

- 1 Елена МИКУЛИНА. «ДОБРОТА СИЛЬНЫХ».
- 3 Лариса БЕСЕДИНА, начальник штаба «Комсомольского прожектора». «КОМПРОМИССЫ ИСКЛЮЧАЮТСЯ».
- 4 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 6 Василий СУХОМЛИНСКИЙ. «ПИСЬМА К СЫНУ».
- 8 Рассказ Леонида МАРТЫНОВА «ЯВЛЕНИЕ ПТИЦЫ УНДЕРВУД».
- 11 Стихи Артема АРУТЮНЯНА.
- 12 Адольф ДИХТЯРЬ. «ХЛЕБОВ РАЗЛИВ БЕЗБРЕЖНЫЙ». Документальный рассказ.
- 15 КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ... «САЛЮТ». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 16 «ИЗЮМИНКА НА СЧАСТЬЕ». Фоторепортаж Юрия НЕМЦОВА и Сергея КИРЮШИНА.
- 18 Борис ВАСИЛЬЕВ. «ТЕЛЕГРАММА».
- 20 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. «КУРШСКАЯ КОСА». Фотоочерк Леонида ЖУХОВИЦКОГО и Сергея ВЕТРОВА.
- 22 Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО.
- 25 НОВОЕ ИМЯ. Стихи и рассказы Риммы ЧЕРНАВИНОЙ.
- 26 Мария БОГДАНОВА. «ЧАС МАСТЕРСТВА». Рассказ о творчестве Святослава РИХТЕРА.
- 28 Повесть Генриха БОРОВИКА «МОМЕНТ ИСТИНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Клавдии Зеновой. И там, тогда на галошном конвейере, шел разговор о качестве изделий. Тогда галоша была главной обувью. Время было послевоенное, трудное. Молоденькая Клавдия Зенова, только что назначенная бригадиром, повинуюсь велению сердца, затеяла тогда на «Богатыре» невиданное. Не изменяя технологии сборки, она за короткий срок довела выход первого сорта галош до 95 процентов. И сделала это так же, как сегодня Владимир Затворницкий, — опираясь на требовательную дружбу и взаимоконтроль.

Рядом с Клавдией Зеновой возникают из прошлого лица других героев моих очерков и книг: кузнеца Бусыгина, ткачихи Марии Виноградовой, машиниста Василия Дубины, виноградаря Марии Брынцевой, председателя колхоза «Украина» Ильи Поддубного и многих, многих других. Но, пожалуй, отчетливей всех всплывает загорелое лицо экскаваторщика Бориса Коваленко, которому я посвятила документальную повесть «Ты жив, Борис!».

Этот улыбочивый парень остался в памяти знавших его людей навсегда живым. А мне все еще кажется, вот войдет он в комнату, тряхнет кудрявым чубом и крикнет: «Привет от волжских судаков!» Правда, через несколько лет нашей дружбы он уже говорил «Привет от днепровских щук», а затем «Привет от нильских крокодилов». Беспокойный, требовательный характер Коваленко толкал его все к новым и новым свершениям. С волжской стройки он перешел со своей бригадой на Днепр, на строительство Кременчугской ГЭС, а затем на Асуанскую плотину.

Дружба с Борисом Коваленко давала мне не только радость, она поддерживала меня. Много в жизни я проверяла меркой Бориса. А как бы поступил он? Как расценил бы то или иное событие? И я не жаловалась, когда Борис наваливал на меня часть своих забот, своих хлопот. Он делал это не задумываясь, считая, что каждый человек разделяет его требования к жизни, к людям. Он и сам брал на свои плечи заботы о многом и многих.

Разными гранями своего характера поворачивался Борис к людям. То залихватским парнем, то трудолюбивым безотказным, то нежным мужем и отцом, а вдруг совсем мальчишкой. Бывали у Бориса и дни, когда мир виделся через серую дымку печали, но больше знал он и дней радостных, поднимавших его на высокий гребень человеческого счастья. Словом, это был человек, выращенный Советской властью, получивший от нее осознанную убежденность в своем праве не только владеть страной, но и управлять ею.

Удивительно интересно, волнующе было наблюдать за жизнью этого простого парня, за его душевной и политической зрелостью.

Захотел стать мастером своего дела — стал. Поручили руководить бригадой — отдал ей всего себя. В

стремлении работать продуктивнее разработал новую, более емкую конструкцию ковша экскаватора, добился ее внедрения. Научился преодолевать свои слабости, предпечел должности снабженца трудную работу в забое. Да и здесь не ограничился заданием, замахнулся на объединение в одну комплексную бригаду и взрывников, и экскаваторщиков, и водителей самосвалов. Оценка работы по конечному результату — вот девиз этой комплексной.

Мужал Борис, становился более опытным в организации труда и одновременно богател душой. И когда довелось ему работать на Асуанской плотине, он подходил там ко всему увиденному с позиций настоящего советского человека. И писал мне из Египта: «...Богатство и нищета здесь неотделимы. И не могу понять, как смиряются здешние рабочие с такими порядками... По ночам сижу на крыше нашего дома, смотрю на Нил, на камни и готов выть, как собака, от тоски по своей Родине. Какая она у нас замечательная!»

Нравственный облик Бориса, выпестованный нашим строем, и там, в Египте, сказался. Шли оттуда вести: «Взял на воспитание подростка араба. Обучаю его работе на экскаваторе. Договорился с бухгалтерией, чтобы оплачивали парнишке труд из моей зарплаты. А когда кое-кто удивился — «зачем?» — я ответил: «Да чтобы не обиделся парень, не подумал, что я подкачку ему даю. А так — платит стройка».

Нарушая общепринятый порядок, Борис кидался на помощь арабским рабочим, тащил в советскую мастерскую сломанные ими детали, чтобы не вычли у них стоимость ремонта из зарплаты. И непонимающе смотрел на тех, кто упрекал его в нарушении чужих порядков.

— Как же иначе? Разве вы прошли бы мимо? Да ведь этот рабочий должен отдать за починку детали половину зарплаты!

Вот каким был этот парень, Борис Коваленко. Потому и память о нем жива (он трагически погиб, возвращаясь из Асуана), потому и названа его именем улица в городе Тольятти и многие бригады строителей соревнуются сейчас под девизом: «Работать, как Коваленко!»

А друзья его, товарищи по труду и жизни, пишут мне: «Хоть и работаем мы теперь в разных местах и награды получали каждый за свое дело, но по-прежнему считаем себя коваленковской бригадой!»

Не помню, у кого я прочла строчки: «Воображение, память переносят нас через моря, где мы чуть не погибли, через мрак, в котором исчезли наши иллюзии, через бездну, поглотившую наше счастье, — они возвращают нас в счастливые минуты нашей жизни, опуская все тяжелое». Такими светлыми минутами для меня было общение с героями наших пятилеток, в которых я находила и нахожу великую нравственную силу и чья жизнь достойна стать примером для воспитания новых поколений.

Лариса БЕСЕДИНА,
начальник штаба
«Комсомольского
прожектора»
Белгородского витаминного
комбината

Качество нашей работы... Об этом начал серьезный разговор в письме слесаря Кима Андреева («Смена» № 17). Коллективный критический анализ, к которому мы приглашаем всех читателей, продолжает исследование этой проблемы, жизненно важной для нашей экономики, для комсомола, активно участвующего в завершении четвертого года пятилетки, в совершенствовании хозяйственного механизма. Продолжая обсуждение, мы предлагаем еще один поворот темы:

в борьбе с различными недостатками на производстве, часто нелегкой, остроконфликтной, требуется высокая степень ответственности комсомольцев, умение быть настойчивым и упорным в достижении цели; всегда ли эти качества присущи молодым производственникам?

СМЕНА

**Коллективный критический анализ:
работа в тягость, работа в радость**

КОМПРОМИССЫ ИСКЛЮЧАЮТСЯ

Иногда приходится слышать: молодежь стала неактивной, инициативу проявляет редко, расшевелить ее трудно... Поневолье задумываешься: что же, так разом изменились в одну сторону характеры у молодых? Люди пассивные по натуре, для которых всякое начинание, всякая инициатива в тягость, наверное, были во все времена, но неужели они стали преобладать среди нынешней молодежи?

Думаю о своей работе в «Комсомольском прожекторе», о наших рейдах, выступлениях, проверках... Работу в «КП» нельзя себе представить без инициативы, она, собственно, на инициативе строится, а идут к нам ребята охотно — говорят, что интересно заняться действительно живым и, что важно, по-настоящему полезным делом. Так что, может, дело-то не в повальном изменении характеров нынешних молодых людей?

Считаю, что там, где деятельного, инициативного общественика действительно, а не на словах ждуть, — несмотря на все хлопоты, которые может причинять его деятельность, — сожалеть о пассивности молодежи причин не будет. Живая, результативная работа обязательно увлечет ее.

И тут, мне кажется, самое время перейти от активности как таковой, активности в чистом виде — как желания вмешаться, что-то предпринять — к активности квалифицированной, профессиональной, если будет так позволительно выразиться об общественной работе. Хотелось бы еще употребить это выражение и потому, что оно очень в ходу среди молодежи. И думается, это не просто модное словечко, за ним ясно чувствуется тот подход, тот комплекс требований, с которым молодежь сейчас старается подходить ко всякому делу. Взятая за дело, не будь в нем дилетантом — по-моему, разумно.

Расскажу сначала о двух наших рейдах.

Не будет большим открытием признание, что одним из самых вредных пороков, который часто в буквальном смысле вяжет руки «прожекто-

ристам», является желание «не выносить мусор из избы». Именно оно вызывает ситуацию, о которых я уже говорила выше. Люди словно забывают, что изба-то без мусора чище. Но бывают и другие случаи. Когда «сор» становится таким привычным, что его уже и не воспринимают за таковой. Свежий взгляд «прожектористов» становится тут попросту необходимым.

Пришли мы как-то проверять состояние технологии, оборудования, соблюдение правил охраны окружающей среды в цехе витамина В. Начальник цеха И. П. Серпуховитин встретил нас спокойно, можно даже сказать, радушно. Рейд наш его несколько не встревожил.

— Всегда рады «прожектористам», но у нас все в порядке. Вот вам сопровождающие, можете убедиться сами.

Мы «убедились». Да так, что потом тот же начальник цеха просто за голову схватился. Недостатков обнаружилось достаточно. Потом на совещании у главного инженера комбината он поблагодарил нас за помощь, а в нашу газету «Луч», где мы обязательно помещаем подробные результаты рейдов, пришел ответ за подписью секретаря партбюро цеха с конкретным перечислением принятых мер: улучшено состояние промсанитарии, устранены дефекты трубопроводов, оборудования... Запомнились слова Серпуховитина на том же совещании:

— Кто бы мог подумать, что «Комсомольский прожектор» проводит свои проверки с такой глубиной и знанием дела!..

А иначе и не должно быть. Иначе какой смысл в проверке? Вот почему мы каждую рейдовую бригаду составляем с учетом специфики предстоящей работы. Например, Саша Одновалов из АСУ в любой технологии разберется, так же как и Женя Талашенко, — он аппаратчик, но опыт у него такой, что он и инженеру не уступит. И обязательные выводы и предложения в конце наших актов в технической или экономической безграмотности сейчас не упрямство.

Потом решили мы взяться и за цех В. С технологической стороны рейд провели на уровне. Отметим и то, что

оборудование устарело, и то, что цех по современным меркам работает малоэффективно, и загазованность не пропустили... Но вспоминается сейчас вся эта работа без всякого удовольствия, хотя и была выполнена вполне грамотно. А вспоминается она так потому, что оказалась в общем-то... ненужной. Когда мы пришли со своими выводами к руководству комбината, выяснилось, что ничего нового, неизвестного в них нет. Именно реконструкция этого цеха сейчас и занято предприятие. Идет серьезная, методичная работа по подготовке к ней.

— Непрофессионально выступили, — отреагировали ребята.

А ошибка была допущена с самого начала, когда рейд только планировался. Хорошо, у нас тогда было уже немало за спиной другой работы, нужной, результативной, а представить себе новичка, для которого этот рейд был первым, и вот — результат... Вернее, полное его отсутствие. Ведь тут получается так: еще один прокол — и желания работать у него наверняка поубавится. Значит, может не состояться «прожекторист», хотя желания было хоть отбавляй.

Так что от желания участвовать в общественном контроле до квалифицированной активности настоящего дозорного, приносящей конкретные результаты, дистанция определенно размера. Ее надо преодолеть. И во многом именно от того, в чем будет заключаться опыт ее преодоления, зависит, быть человеку активным обществеником или нет. Потому что этот опыт или будет открывать ему все новые и новые возможности как выявления недостатков, так и борьбы с ними, или наоборот — научит думать, что работа, приносящая серьезную пользу, тут невозможна. Подчеркну еще раз: вкус к работе появляется там и тогда, где и когда она приносит плоды. Плоды, за которые можно было бы уважать себя. Которые очень помогают в дальнейшей работе. Потому что авторитет в нашем деле — необходимое оружие.

Что же нужно для такой работы в общественном контроле? Умение найти верное ее направление. Самое нужное и предприятие и людям. А для этого необходимо знать все их

заботы, проблемы, трудности. Один наш промах я уже упоминала. Вспоминается и такой эпизод. Однажды — я тогда только пришла в «КП» — на заседании штаба было решено провести проверку внутрисююзной работы комсомольских бюро цехов... А так как у нас очень сложной график работы, а все члены штаба, естественно, тоже работают посменно, то распределение их по цехам стало довольно сложной процедурой. Такой сложной, что как члену штаба «КП» мне было поручено проверить состояние комсомольской работы в цехе, где я в то время являлась секретарем комсомольской организации. Я растерялась, а мне говорили: ничего, прояви принципиальность... Комсомольская работа в цехе тогда не ладилась, накануне было сорвано собрание. Задание просто выбило меня из колеи. Неудобно как-то отказываться от первого же поручения в «КП», но и выполнять его... А потом выяснилось, что все эти «терзания» были попросту напрасны — проверка внутрисююзной работы в компетенцию «КП» никак не входит.

Как же такое могло произойти? Думаю, штаб тогда еще просто не нашел себя на комбинате, вот и искал на ощупь, чем заняться. Причем искал, где поближе. Поручения давались по принципу: лишь бы чем занять «прожектористов». А комитет комсомола не организовал учебу для дозорных, чтобы они вошли в курс дела и могли четко ориентироваться в своих правах и обязанностях. Вот и сложилась из всего этого нелепость. А там, где новички сталкиваются с подобными мероприятиями или подолгу ходят стороной от острых, волнующих всех вопросов, ограничивая свою деятельность выпуском «молний» с фамилиями тех, кто опоздал или не пришел на субботник, ждать, когда угаснет наступательный пыл начинающих обществеников, наверное, долго не приходится. Поймите, я не против таких «молний», сама их выпускаю, но разве только такое по плечу «КП»? Серьезных-то дел для нас вокруг достаточно.

Так что нужно постоянно оснащать дозорных знаниями. Знанием производства, его перспектив и проблем.

Знаем своих собственных прав и задач. Знаем того, где у «прожектористов» еще плохо используемые возможности, на отсутствие которых они порой жалуются. Например, какие огромные возможности открывает перед нами совместная работа с органами народного контроля, координирование с ними перспективных и текущих планов, проведение совместных рейдов и смотров.

Однако это только одна сторона дела — технологическая, организационная. Она важна, но, может быть, еще важнее другие моменты деятельности общественников — морально-нравственные. Потому что именно от них в первую очередь зависит, придет ли успех. Особенно нелегкий успех. Когда все решают такие качества дозорных, как умение не остановиться, не свернуть с пути, когда может, и кажется, что формально дело вроде бы и завершено, но чувство правды, справедливости подсказывает другое.

Как-то наша рейдовая бригада проверяла общежитие комбината. Вывод оказался следующим: комендант Е. Десятова злоупотребляет своим служебным положением. За неучтенную дополнительную плату, а говоря проще и точнее — взятку, она пускала в общежитие «на постой» посторонних людей. При этом она еще и выделяла в ответственные им комнаты лучшую мебель, телевизоры, холодильники. А рабочие комбината в это время жили в тесноте, в условиях гораздо худших.

Мы привлекли к проверке проживающих в общежитии рабочих, составили акт, собрали под ним многочисленные подписи — нельзя было упустить время, ведь коменданту хватало бы и двадцати минут, чтобы выселить «нелегальных» сразу после нашего ухода... А в администрации комбината нам не поверили... Более того, полупрозрачные-полупрозрачные преграды пытались раскусить этот орешек. «Но почему?» — не понимали мы. «Не по вашим зубам». Десятову легко пожурили — и все. Окончен рейд.

Мы с этим не согласились. Решили добиваться принятия других, соответствующих мер. Стали добиваться — никак. Прошел месяц, другой. О нас уже пошли слухи: скандалисты, «копатели», клеветники... Обидно было. Появлялась мысль вообще оставить это дело. К тому же вся эта история мешала остальной нашей работе: ведь подобная ситуация обязательно бьет по авторитету «КП». Одни начинают думать о его недобросовестности, другие — о беспомощности, бессилии. Как поднимать потом этот авторитет?

Полгода наши попытки добиться принятия мер по этому рейду не приносили никакого результата. Но в конце концов уже новое руководство комбината поняло нас. Коменданта уволили, в общежитии навели порядок.

Трудный это был урок, но и полезный: уверенность в своей правоте и готовность отстаивать ее, как бы трудно это ни давалось, — разве это личные качества «прожекториста»? Нет, они неотъемлемые составные части его квалификации. Такое уж это дело. Дело, которое, если им честно, серьезно заниматься, в человеке эти качества воспитывает. Качества, важные не только для успеха дела, но и для самого человека.

Для себя я уже давно сделала вывод, что работа в «КП» — самая настоящая жизненная школа, уроки в которой дают незаменимый опыт. Я, например, думала, когда начинала, что важно только честно, грамотно проводить проверки, а результаты придут сами собой. Оказалось, что и их нужно добиваться, и препятствия на этом пути бывают и посложнее, но все-таки и они преодолимы. Были и иные уроки.

Несколько лет назад считалось, что плачевное состояние дел у нас на комбинате с физкультурой и спортом обусловлено отсутствием хорошей базы и методистов. С тех пор у нас появились спортивный зал, лыжная база и, самое главное, — два методиста. Стали мы проверять, как идет работа теперь. Проверили два дня. Ни в один из них мы не смогли встретиться со штатными методистами С. Исаенко и Л. Звягинцевой. Их просто не бывало на месте. Ничем не смогли помочь ни отдел кадров, ни табельщица заводоуправления, которая тем не менее исправно проставляла им рабочие дни. Очевидно, видеть их для этого ей было не обязательно. Не оказалось их и в спортзале. Практически на комбинате не нашлось человека, который бы мог ответить, где находятся методисты, кто контролирует их работу. Как выяснилось, и в другие дни встретиться с этими товарищами непросто. Председатель цехкома Пржевальская делала такие попытки неоднократно — безрезультатно. Председателю другого цехкома Гончаренко повезло больше: она их видела! Правда, всего раз за семь месяцев, но и это ведь уже что-то... А если серьезно, то физкультурная работа по-прежнему была запущена, отчеты ответственных работников изгавливались по одному принципу — «липа». Многие на комбинате уже задавались вопросом: за что же получают деньги наши штатные методисты?

Обо всем этом мы написали в акте и отчете о рейде, опубликованном в нашей многотиражной газете. И тогда методисты «нашлись». Меня вызвали в партком с документами по рейду. Когда я пришла, там были Исаенко и Звягинцева. Я была уверена, что предстоит разобраться в их деятельности, немного волновалась — уличать людей в глаза в таких вещах не очень-то приятное занятие все-таки. Даже подумала, что, может быть, мы слишком резко написали. Но оказалось, что разбираться предстоит в... нашей деятельности. Оказалось, что они обвиняют... нас. В искажении фактов и еще во многих преувеличениях. И защищаться, так сказать, нужно на самом-то деле мне...

Однако партком признал все заключения и выводы «КП» правильными. Своей жалобой Исаенко и Звягинцева еще более усугубили свое положение... А я, вспоминая это нелегкое объяснение, думала потом, что, приходя в «КП», мы готовим себя к тому, чтобы наступать... А ведь наступать-то будем не только мы. Ведь тут зачастую борьба. Борьба с людьми. Не стоит обольщаться, что, как только явится правда, сразу все всё поймут и признают. Не всегда люди находят в себе силы признать свою неправоту, свои ошибки. Причины тут разные, иногда они заложены в самих людях, иногда в обстоятельствах, в которые они поставлены. И тогда бороться надо. Важно только не забывать, что и когда борешься с людьми, то борешься за людей. За лучшее в них, против того, что пришло в противоречие с моралью нашей жизни. Каждый рейд «прожектористов» должен быть и нравственным уроком. И для них самих и для тех, кто им оказался затронут или даже сильно задет.

Думаю, нравственные выводы каждого рейда должны быть для всех не менее конкретны и очевидны, чем заключения практического плана.

Наверняка на деятельность Исаенко и Звягинцевой реагировали бы иначе, если бы открылось, что у них просто не получается работа — ну, там, не хватает знаний, опыта и т. д. Но вот что люди считали нормальным получать зарплату, практически ничего не делая и не желая делать, всех возмутило особенно. Получать за ра-

боту — это же не просто экономический принцип в нашем обществе. Нравственный его аспект не менее важен. И помню, как говорила молодежь, когда заходила речь о работе штатных методистов:

— Да-а... устроились неплохо. Только зарплату получай, а делать ничего не надо...

Нужен был этот рейд, полезен. Но разве менее нужен был всем членам «КП» и тот урок нравственности, которыми он стал для нас?

Было за цехом синтеза витамина А-100т тихое болотце. Оно росло и росло, появился даже камыш. Считалось, что это подземные ключи бьют. Из-за этого болотца стала проседать, обваливаться почва как раз там, где проходили канализация, водопроводы. Вот мы и заинтересовались: такого ли уж природного происхождения эта водичка. Привлекли цеховую лабораторию, сделали анализы, и выяснилось, что вода эта оборотная. И должна она поступать с комбината на соседний завод металлоконструкций. Она была совершенно необходима для различных технологических нужд, но поступала в землю. За минуту мы набрали десять литров. Значит, в час ее уходило шестьсот. А сколько уходит прямо в почву, если уже до болота дошло? А сколько было затрачено перед этим средств на то, чтобы ее очистить?

Стали мы искать, кто отвечает за водопровод, по которому она течет, а точнее — из которого вытекает. Выяснили — СУ-6. И еще выяснили, что ремонтом этого объекта оно уже не занималось неизвестно сколько лет. Составили обо всем подробный акт, написали письмо и отправили со всей документацией в СУ. Ждем — никакого эффекта. Вода льется, камыш силу набирает. Звоним. Да, говорят, ваши документы получили, но сейчас нет людей.

Потом не было материалов. Потом — бульдозера. Звонить снова?

Мы собрали всю документацию, представили руководству комбината, рассказали о своих безрезультатных переговорах и предложили: перекрыть воду. Видимо, единственное средство. Разговор шел серьезный, деловой, и наше предложение приняли. Когда воду перекрыли, сразу нашлись и люди, и материалы, и бульдозер. Ремонт занял три дня.

Признаюсь, эту незапланированную работу мы все вспоминаем с удовольствием: сработали четко, солидно, со знанием дела, добились своего. Действовали с уверенностью в своих силах.

Успешные рейды, накопленный опыт не притупили нашу активность. Наоборот, чувствуя свои возможности, мы постоянно ищем, где они принесут наибольшую пользу.

Деятельность «Комсомольского прожектора» прямо направлена на совершенствование хозяйственного механизма. Это важная форма участия молодежи в управлении производством. Необходимость такой работы, такого участия еще раз подчеркнута в недавно принятом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Этот документ заставил нас еще больше утвердиться в мысли: в работе нужны смелые, оперативные решения. Пусть они нелегко даются порой, пусть порой ради них приходится преодолевать психологические барьеры в себе, ломать какие-то застарелые привычки в своей работе, бороться с косными представлениями о возможностях и правах «КП» — без этого нет успеха. Без такой последовательно нарастающей активности становится проблематичным сам смысл деятельности «Комсомольского прожектора».

Конкурс одного стихотворения

Сегодня мы вновь обращаемся ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в нашем конкурсе, который будет продолжен и в 1980 году. Девиз конкурса прежний — «Пою мое Отечество».

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кипучая, многогранная, наполненная героикой трудовых свершений, послужит основой, на которой возникнут ваши стихи.

Лучшие стихотворения мы опубликуем на страницах журнала. Победители конкурса-79, итоги которого жюри подведет в конце года, будут награждены почетными дипломами и премией журнала «Смена».

Напоминаем: вы должны прислать только одно стихотворение с указанием фамилии, имени, отчества, профессии и домашнего адреса; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Борис ЖУКОВСКИЙ,

конструктор,
Кривой Рог

*Мы рассветы встречали улыбками,
Мы глазами бредили синими.
Уходили в армию хлипкими,
Становились в армии сильными.*

*Взмogli стрижки «под бокс»
под пилотками.*

*По тревоге вставали первыми,
Уходили в армию робкими,
Становились в армии смелыми.*

*А дороги свивались кольцами,
Становились мышцы бугристыми...
Уходили служить комсомольцами,
Возвращались домой коммунистами.*

Михаил СКЛЯРОВ,

инженер-сантехник,
Свердловск

Комсомольская путевка

*Она на книжечку похожа,
все сказанное
в ней светло —
девичья
и сила молодежи,
и крылья сердца, и тепло.*

*А на обложке
всем значением
ее названия строка
вписалась
золотым тиснением
в цвет
комсомольского значка.*

*Чуть-чуть взволнованно, неловко
взял парень у секретаря
в степь
комсомольскую путевку,
в ее ковыльные края...*

*Она ничуть не потускнела,
путевка та
в край целины,
где комсомол
так много сделал.
где труд и хлеб — для всей страны!*

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Леонид ТИМОФЕЕВ,
врач,
Уфа

Баллада об операционном столе

Служил он честно
В медсанбатах,
Судьбу солдатскую деля.
И на него порой
С халатов
При взрывах
Сыпалась земля.

Он сделан был
Из прочной стали,
Не раз испытан на излом.
Но и его
Осколки брали,
Корежа сталь
В металлолом.

Работал он
И днем
И ночью,
Без перерывов на обед.
И видел много раз
Воочью,
Как нож людей
Спасал от бед.

За годы в операционных
Так много горя
Он узнал,
Что стал почти
Одушевленным
Отполированный металл.

Стол был свидетелем
Такого,
Когда хирург,
Под утро зол,
Прооперировав больного,
Ложился
Сам на этот
Стол.

Дела военные
Минули
И снятся лишь
Теперь во сне.
Молчат стволы.
Не свищут пули.
Но оперблок на карауле,
И стол,
Как прежде,
На войне.

Елена НАУМОВА,
швея-мотористка,
г. Киров

Портовики

«Такой характер у реки,—
Портовики мне говорили,—
Неугомонный, шаловливый,
Но все проказы нам близки.
Здесь надо чувствовать и знать,
Когда, в какое время года
Забеспокоится погода,
Когда наступит благодать».
Мне бригадир портовиков
Рассказывал степенно-важно,
Что много знает он отважных
На лесосплаве рыбаков.
Мы уплывали с ним не раз
На лодке старой, но добротной,
Туда, где волны так охотно
Дождем окатывали нас.
Он говорил: «Портовики—
Народ надежный, и, наверно,
Река не терпит слаботерпных,
Такой характер у реки».

Николай НИКИШИН,
журналист,
Москва

В ту полночь его не ждали—
Они стерегли другого...
Метнулась полоска стали,
И старший шепнул: «Готово!»

Утром в избе ячейки—
Перед последней дорогой—
Под знаменем на скамейке
Лежал он, худой и строгий...

И, пряча ножи под шубы,
В овраги ушли бандиты...
У знамени стиснул зубы
Бандитами не убитый,—

Как будто все ждал ответа,
От мертвого ждал, от друга,
Которого у сельсовета
Всю ночь заметала вьюга.

Убийц по живому следу
Вскоре нашли отряды...

Когда-то давно от деда
Слышал я эту балладу.
И старое—лишь в рассказах...

Не знал я тогда, что кровью
Мой дед был другу обязан.
Но помню: в ту полночь злую
С тем парнем и я был связан:
Ведь то, что теперь живу я,—
Я этим ему обязан!

Валерий ШЕВЧЕНКО,
строитель,
г. Дмитров

Штукатур

Комнат неотбеленных просторы...
Но давно закончен перекур.
Наноса на обрызг слой раствора,
Стены одевает штукатур.
Расторопен, точен и неистов—
Мастерок взлетает до плеча!
И раствор ложится, словно листья
Меж кувшинок желтых кирпичи.
Полутерком волны разгоняя,
Он выводит линию угла—
Комната теперь совсем другая:
И уюта больше и тепла.
И когда он снова делал обрызг,
Я невольно строки подстерег:
Чтобы дать работе этой образ,
Сделан в виде сердца мастерок!

Татьяна ОЛЕЙНИКОВА,
воспитатель,
Белгородская обл.

Колыбельная сыновьям

Баюшки-баю, маленькие,
ночь еще велика.
Спите, мои солдатики
будущего полка.

Спите. Тепло укрыла ли—
ночью не раз посмотрю.
Вырастете, я крыльями,
будет час, одарю.

Спите... Для вас отсчитаны
в жизни свои бои.
Спите, мои защитники,
маленькие мои.

Владимир МАНИН,
слесарь

Утро на полигоне

Остывают огни,
исчезают в заре.
Вот рассвет,
поначалу он жмет к земле,
Лишь потом,
словно выплеснув силу огня,
Он становится прочным сиянием дня.
Но куда еще не упала роса,
За горами—рассвет,
до него—полчаса.
Здесь живет тишина,
хоть и доты стоят,
Здесь рассветы о прошлой войне говорят.
Звук мотора едва разорвал тишину,
Вскрикнул лес,
словно вспомнил внезапно войну.
Впрочем, дело не в этом,
а в том,

что порой
Подниму я осколок,
от влаги сырой,
Ржавый весь.
«Неопасный»,—подумаю я.
Но в воронках,
как в оспинах, эта земля.
В этом поле громадном нет жизни.
На нем
Лишь трава неустанно растет под огнем.
Под огнем,
артогнем
вечно будет трава,
Словно память людская, свежа и жива.
Нам на плечи возложены крылья погон,
Мы на страже—
поэтому здесь
полигон.

Юрий ФРОЛОВ,
инженер,
Московская обл.

Подарок

Стамески, молотки, рубанки
Легли на стол передо мной.
Мне показалось—пахнет дранкой
У нас в квартире городской.

Я у отца труду учился.
За верстаком был рядом с ним,
Отец мой фабрикой гордился,
А фабрика гордилась им.

Порой мой путь был в жизни труден,
И я скажу не для словца:
Мне показал дорогу в люди
Подарок моего отца.

Лев ЕГОРОВ,
помощник капитана,
Ленинград

Ледокол

Нам не внове с Арктикой тягаться,
Караваны через льды водить:
Север должен есть и одеваться,
Петь и строить, мыслить и творить.

Оставляя на ледовом поле
За кормюю борозду-канал,
Ледокол, послушный нашей воле,
Лед долбил,

давил,
ломал,
пахал.

Ледокол без устали работал.
Отступил,
шел снова на прорыв...
Распахнулись Карские ворота,
Голубую улицу открыв.

Аида СОБОЛЕВА,
машинистка,
Москва

Малыш притопал с важным видом в садик
И всем ребятам новость рассказал:
«Вчера мы с папой были на параде,
Я танки настоящие видал!»
Тень зависти на милых детских лицах.
Галдят наперебой мальчишки: «Ну-у?!»
И вот уж свет по лицам их струится—
Бегут играть в извечную «войну»...
А в вышине лазурной ярко светит
Над ними солнца золотой пятак...
Как это хорошо, что наши дети
Лишь на параде могут видеть танк.

Владимир ДЬЯЧЕНКО,
журналист,
Чита

Первый барак

Мы жили тогда в бараке,
Мы под скулеж пурги
Пилами и топорами
Ломали законы тайги.
Мы спали
на жестких
кошмах,
Нам виделся космодром,
Нам снился обжитый
космос
И первый на Марсе дом...
От Тынды столичной мчатся
Составы на всех парах,
А мы вспоминаем часто
Наш первый зимний
барак.
Стоит, неказист и
скромн,
И пусть обречен на слом,—
Мы в каждом красавце
доме
Согреты его теплом!

Петр ИВАНОВ,
рабочий,
Рязань

Взлетная полоса

Бывает, в ясную погоду
Пронзит доступность высоты,
И вслед взлетевшим самолетам,
Как лучшим птицам, смотришь ты.
Вновь крылья пробует эпоха.
И, как ее примерный сын,
Ты веришь, что твоя дорога—
Начало взлетной полосы.

Юрий ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО,
студент,
Москва

Комиссары

В горизонт без устали радары
сетками-антеннами глядят,
и незримо стали комиссары
за спиной стриженных ребят.
И в потертых кожанках с ремнями,
с пулями, вошедшими в сердца,
вы в одном строю сегодня с нами,
в нашей жизни—вашей нет конца.

Леонид НЕСТЕРЕНКО,
инженер,
Краснодар

Кузнец

Кует кузнец кусок железа,
Не по старинке, молотком,
А молотом в две тонны весом,
Кует со знанием, с огоньком.
Здесь слились вместе мощь машины,
Расчет ума и крепость рук.
Спокон веков кует мужчина,
Кует оружие и плуг.

ПИСЬМА

Василий СУХОМЛИНСКИЙ

Добрый день, дорогой сын!

Ты побуждаешь меня писать целые трактаты. Сперва о дружбе и любви, потом — о женственности, теперь же ты просишь сказать отцовское слово о красоте. Ну, что же, я скажу, только пусть мои слова останутся в твоём сознании на всю жизнь.

С того времени, как человек стал человеком, с того мгновения, когда он засмотрелся на красоту вечерней зари, он стал всматриваться в самого себя. Красота — это глубоко человеческое. Это радость нашей жизни. Человек стал Человеком потому, что увидел глубину лазурного неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней зари, багровый закат перед ветренным днем, трепетание марева над горизонтом, бесконечную даль степей, синие тени в сугробах мартовского снега, журавлиную стаю в голубом небе, отражение солнца в мириадах капель утренней росы, серые нити дождя в пасмурный осенний день, фиолетовое облачко на сиреневом кусте, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника — увидел и, изумленный, пошел по земле, создавая новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой — и в твоём сердце расцветет благообразие. Перед человеком открылась радость жизни потому, что он услышал шепот листьев и песню кузнеца, журчание весеннего ручейка и переливы серебряных колокольчиков жаворонка в горячем летнем небе, шуршание снежинок и стон метели за окном, ласковое плескание волны и торжественную тишину ночи — услышал и, затаив дыхание, слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни. Умей и ты слушать эту музыку. Дорожи красотой, береги ее.

Высшая красота — в человеке, вершина человеческой красоты — это красота женщины. Восторженное отношение к женской красоте воплотили в бессмертных художественных образах великие поэты — Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Целомудренно воспитая ими красота живых женщин — тех, в которых они сами были влюблены, — стала мерилом нравственности чувства любви для многих поколений. Красота женщины не порождена половым инстинктом и не представляет собой чего-то нераздельного с половыми потребностями. Запиши себе в записную книжку и запомни слова Белинского: «Вот прекрасная молодая женщина: в чертах ее вы не находите никакого определенного выражения — это не олицетворение чувства, души, доброты, любви, самоотвержения, возвышенности мыслей и стремлений... Оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего; вы не влюблены в эту женщину и чужды желанию быть любимым ею, вы спокойно любуетесь прелестью ее движений, грацией ее манер, — и в то же время в ее присутствии сердце ваше бьется как-то живее, и кроткая гармония счастья мгновенно разливается в душе вашей».

Во внешней человеческой красоте воплощены наши представления об идеале прекрасного. Внешняя красота — это не только антропологическое совершенство всех элементов тела, не только здоровье. Это внутренняя одухотворенность — богатый мир мыслей и

чувств, нравственного достоинства, уважения к людям и к себе, скромность. Средоточие духовной жизни, зеркало мысли, выразитель чувств — человеческие глаза. Чем выше нравственное развитие и общий уровень духовной культуры человека, тем ярче отражается внутренний духовный мир во внешних чертах. Это свечение души, по выражению Гегеля, все больше проявляется, понимается и чувствуется современным человеком. Внутренняя красота отражается на внешнем облике. О внутренней пустоте свидетельствует даже то, что человек стремится прибавить к своей внешности черты, или вообще не свойственные нормальным человеческим представлениям о красоте, или же унижающие человеческое достоинство.

Единство внутренней и внешней красоты — это эстетическое выражение нравственного достоинства человека. Нет ничего зазорного в том, что человек стремится быть красивым, хочет выглядеть красивым. Но, мне кажется (как думаешь ты?), надо иметь моральное право на это желание. Нравственность этого стремления определяется тем, в какой мере эта красота выражает творческую, деятельную сущность человека. Ярче всего красота человека проявляется тогда, когда он занят любимой деятельностью, которая по своему характеру подчеркивает в нем что-то хорошее, свойственное его личности. При этом его внешний облик как бы озарен внутренним вдохновением. Не случайно красоту дискобола скульптор воплотил в момент, когда напряжение внутренних духовных сил сочетается с напряжением сил физических, в этом сочетании — апофеоз красоты. В девушке, помыслы которой — о творчестве, красота ярче и глубже, чем в такой же девушке, изнывающей от безделья. Безделье — враг красоты, помни это, сын. Красив человек труда — комбайнер, тракторист, летчик за штурвалом своей машины, садовод у любимого дерева. Внутренняя, духовная красота озаряет лицо ученого, мыслителя, поэта, изобретателя в момент, когда разум воодушевлен, озарен светом творчества. Если хочешь быть красивым — трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в любимом деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества.

Красота — спутник вдохновения. У О. Гончара есть прекрасная новелла — «Подсолнечники». В ней рассказывается о скульпторе, которому поручили изваять бюст девушки — мастера высоко урожая подсолнечника. Лицо девушки поразило мастера некрасивостью. Оно не вдохновляло, и скульптор отказался от работы. По дороге на станцию ему пришлось ехать мимо поля цветущих подсолнечников. Здесь он увидел и свою героиню — она работала. Но теперь ее лицо выглядело другим. Оно было воодушевлено чувством красоты труда, во внешних чертах светила красота внутренняя. «Она красива!» — воскликнул художник, в своем воображении он уже лепил черты лица девушки.

Внешняя красота имеет свои внутренние, нравственные истоки. Любимое творчество делает человека красивым, преобразует черты лица — делает их тонкими, выразительными.

Красоту создают и тревога, забо-

та — то, что обычно называют «муками творчества». Как горе откладывает на лице неизгладимые морщины, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, делающим лицо красивым. И, наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности.

Если внутреннее, духовное богатство создает человеческую красоту, то бездеятельность, и тем более безнравственная деятельность, эту красоту губит. Когда соприкасаешься с многими молодыми людьми в большом коллективе, то среди ярких, запоминающихся лиц видишь лица, которые ничем не обращают на себя внимание — они мелькают, но не запоминаются. Духовная пустота делает безликой внешность человека.

Безнравственная деятельность уродует. Привычка лгать, лицемерить, пустословить постепенно создает блуждающий взгляд: человек избегает прямо смотреть в глаза другим людям; в его глазах трудно увидеть мысль, он прячет ее. Подхалимство, угодничество не только придают выражение подобострастия глазам, лицу, но накладывают отпечаток на все тело. При встрече с подхалимом и угодником мне кажется, что он, дабы угадать мысли начальника, слушает не только ушами, но прислушивается всем телом — руками, ногами, даже спиной, готовой в любую минуту изогнуться то ли в подобострастной покорности, то ли в извинении. Ничто так не обезображивает, как угодничество: человек становится не самим собой, он как бы стремится вылезть из собственной кожи. Зависть, эгоизм, подозрительность, боязнь того, что «меня не оценят», — все эти чувства постепенно огрубляют черты лица, придают ему угрюмость, нелюдимость. Быть самими собой, дорожить своим достоинством — это живая кровь подлинной человеческой красоты.

Идеал человеческой красоты — это вместе с тем и идеал нравственности. Единство физического, нравственного, эстетического совершенства — это и есть та гармония, о которой так много говорится. Нельзя сделать прекрасной нашу жизнь, не сделав прекрасным человека и одно из самых благородных человеческих чувств — любовь. Вершина общечеловеческой красоты будет достигнута тогда, когда каждый из миллионов членов нашего общества, говоря образно, засверкает своей внутренней красотой. Каждый будет, по словам М. Горького, как звезда друг перед другом. Я твердо убежден, что при коммунизме все люди будут красивыми. Иначе и быть не может, потому что внутренняя и внешняя красота будет расцветать одновременно.

Ты — творец собственной духовной красоты. От тебя же зависит красота людей, живущих с тобой рядом.

Посылаю тебе «Избранное» Грина. Эту книгу надо читать не только умом, но и сердцем. Читать не только строчки, но и между строчек.

Желаю тебе доброго здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо пробудило большую тревогу. Оно заставило задуматься над теми тайнами человеческой души, которые трудно поддаются воспитанию, о которых воспитатели нередко забыва-

ют... Ты пишешь с возмущением: к студенту приехала мать, колхозница из далекого села, и он, стыдясь того, что у него мама — простой сельский человек, трусливо спрятался от нее, передав через товарища, что он в отъезде... не забыв между тем сказать, чтобы корзину с курицей, салом и калачами мать оставила...

Ты возмущаешься, а я размышляю. Мне кажется, что самая сложная сфера коммунистического преобразования мира — отношения между людьми, утверждение в человеческом сердце подлинной человечности. До тех пор, пока не будет утверждено все самое лучшее, человеческое в самом человеке, в его мыслях и чувствах, нечего и говорить о победе коммунистических отношений.

Один теоретик педагогики недавно сказал: настоящее идейное воспитание начинается с того момента, как ребенок надел красный пионерский галстук. Это большая ошибка. Идейное воспитание начинается с того момента, как ребенок произнес слово **мама**. Каким станет существо, родившееся от человека и имеющее человеческий облик, — в огромной мере зависит от того, как это существо относится к матери, какие чувства переживает оно, произнося слово **мама**. Сыновний долг — это испытание на человечность.

Есть старинная украинская легенда. Был у матери единственный сын. Женился он на девушке изумительной, невиданной красоты. Но сердце у девушки было черное, недоброе. Привел сын молодую жену в родной дом. Не влюбила сноха свекровь, сказала мужу: «Пусть не заходит мать в хату, посели ее в сених». Поселил сын мать в сених, запретил ей заходить в хату. Боялась мать показаться злой снохе на глаза. Как только сноха шла через сени, мать пряталась под кровать.

Но мало показалось снохе и этого. Говорит она мужу: «Чтобы и духом матери не пахло в доме. Пересели ее в сарай». Переселил сын мать в сарай. Только по ночам выходила мать из темного сарая. Отдыхала однажды вечером молодая красавица под цветущей яблоней и увидела, как мать вышла из сарая. Рассвирепела жена, прибежала к мужу: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой, убей мать, вынь из ее груди сердце и принеси мне». Не дрогнуло сердце сыновнее, околдовала его невиданная красота жены. Говорит он матери: «Пойдемте, мама, купаемся в реке». Идут к реке каменистым берегом. Споткнулась мать о камень. Рассердился сын: «Что ты, мама, спотыкаешься? Почему не смотришь под ноги? Так мы до вечера будем идти к реке».

Пришли, разделись, искупались. Сын убил мать, вынул из ее груди сердце, положил в кленовый листок, несет. Трепещет материнское сердце. Споткнулся сын о камень, упал, ударился коленом, упало горячее материнское сердце на острый утес, окровавилось, встрепенулось и прошептало: «Сынчик мой родной, не больно ли ты ушиб колено? Присядь, отдохни, потри ладонью ушибленное место».

Зарыдал сын, схватил горячее материнское сердце ладонями, прижал к груди, возвратился к реке, вложил сердце в растерзанную грудь, облил горькими слезами. Понял он, что никто никогда не любил его так преданно и бескорыстно, как родная мать.

Продолжение. Начало в №№ 15, 17.

К СЫНУ

И столь огромной и неисчерпаемой была материнская любовь, столь глубоким и всесильным было желание материнского сердца видеть сына радостным и беззаботным, что ожило сердце, закрылась растерзанная грудь, встала мать и прижала кудрявую голову сына к груди. Не мог после этого сын возвратиться к жене-красавице, постылой стала она ему. Не вернулась домой и мать. Пошли они вдвоем степями и стали двумя курганами. И каждое утро восходящее солнце первыми своими лучами озаряет вершины курганов...

Такова легенда, созданная народной мудростью. Нет любви сильнее материнской, нет нежности нежнее ласки и заботы материнской, нет тревоги тревожнее бессонных ночей и несомкнутых глаз материнских. «Если в сердце сыновем загорелась искра в тысячу раз меньше материнской любви,—говорит украинская народная мудрость,—то и тогда эта искра горела бы всю жизнь человеческую неугасимым пламенем».

Человечество существует потому, что существует материнская любовь. Нет ничего святее и бескорыстнее любви Матери: всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна по сравнению с нею,—я думаю, что в этих словах В. Г. Белинского нет ни капли преувеличения.

Сыновняя благодарность... Сколько горьких дум и скорбных минут переживает материнское и отцовское сердце, чувствуя, что сын или дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли о добре, сделанном для них матерью и отцом. И нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек своей жизни, чем радость, источник которой есть признательность детей за добро и благо, созданные родителями во имя добра и блага детей. **Неблагодарный сын, неблагодарная дочь** — в сокровищнице народной морали это, пожалуй, самое острое, самое глубокое осуждение человеческих пороков. Именно у трудового народа нам нужно учиться воспитанию чистого, благородного сердца, в неисчерпаемом источнике народной морали нам нужно черпать духовную энергию, без которой невозможны подлинная человечность, дружба и товарищество, братство свободных людей. Учись, сын, у народа, учись и на хорошем и на плохом.

Я не знаю того студента, который постыдился своей матери — простой крестьянки-труженицы, но с уверенностью говорю, что это страшный человек. На него нельзя положиться в трудную минуту — он предаст. И тогда, когда он станет семьянином, отцом, мужем, он ежедневно будет совершать десятки и сотни маленьких предательств, из которых слагается одно большое предательство, он будет калечить своих детей и тиранить жену, будет воспитывать в душах своих детей мелкий эгоизм, себялюбие, презрение и равнодушие к людям.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Меня удивили вот эти слова из твоего письма: «Вы пишете так, будто бы я завтра собираюсь жениться и через год воспитывать детей...»

Человека надо учить всему заблаго-

временно. Трудиться по-настоящему человек начинает лет с восемнадцати, а учат трудиться его начиная с того времени, как он сделал первый шаг. Так и с подготовкой к продолжению рода человеческого. Учить воспитывать своих детей — это значит учить человечности. Не через год — так через пять лет у тебя будет семья, будут дети. Меня поражает вот что. Подростка, юношу учат многому: обрабатывать землю и выращивать хлеб, управлять трактором и работать на токарном станке, но как воспитывать детей — этому никто и не думает учить. Учат иногда уже тогда, когда у человека есть дети... А между тем это самое главное.

Каждый день начинается для меня детской радостью. Я вижу в радостных детских глазах восхищение красотой раскрывшегося цветка розы, вижу изумление, удивление ребенка, созерцающего что-то необычное, новое — удивительной формы облачко в синем небе, пеструю бабочку среди листьев... С радостью показывают дети подарки мам и пап. Как хорошо, что и общество и родители дают детям много радостей. Но при виде радостных, безмятежных детских лиц в мое сердце закрадывается тревога. Меня тревожит вопрос, над которым должен задуматься каждый будущий отец, и ты задумайся. Зажигает ли наш большой, поистине неугасимый факел любви к ребенку ответную искорку благодарности в его сердце? Чувствует ли ребенок, что радости и блага его жизни — это труд и пот родителей, забота многих и многих «неродных», но дорогих для него людей — дорогих потому, что без них он не мог бы жить, хотя, часто бывает, ему и в голову это не приходит?

Продолжить самого себя, повторить себя в своем ребенке — это величайшее счастье родителей. Ты будешь смотреть на своего ребенка, как на изумительное, неповторимое чудо. Ты готов будешь отдать все, лишь бы сыну твоему было хорошо. Но не забывай, что он должен быть прежде всего человеком. А в человеке самое главное — это чувство долга перед теми, кто делает тебе добро, чувство признательности и благодарности. За добро, которое ты будешь давать ребенку, он переживает чувство признательности, благодарности лишь тогда, когда он сам будет делать добро для тебя — отца, для своей матери, вообще для людей старших поколений. За добро ребенок должен платить добром — это важнейший закон родительского воспитания.

Помни, что детское счастье по своей природе эгоистично: добро и благо, созданные для ребенка старшими, он воспринимает как нечто само собой разумеющееся. До тех пор, пока он не почувствовал, не пережил на собственном опыте (а опыт сам к нему никогда не придет), что важнейший источник его личной радости — это труд и пот старших, он будет убежден, что мать и отец существуют лишь для того, чтобы приносить ему радость и счастье. С первого взгляда это кажется парадоксальным: в честной трудовой семье, где родители души не чают в детях, отдавая им все силы своего сердца, дети иногда вырастают бессердечными. Но никакого парадокса здесь нет: ребенок вырастает лишь потребителем радостей, а это самое страшное, что может быть в воспитании, потому что величие и кра-

соту добра переживает лишь тот, кто знает высшую человеческую радость — радость творения добра для людей. Только эта, поистине бескорыстная и поэтому подлинно человеческая радость является силой, облагораживающей юное сердце.

Как же добиться, чтобы золотые крупинки, которые мать и отец дарят сыну, дочери, превращались в золотые россыпи для других людей, для родителей? Самое главное — надо учить ребенка видеть и чувствовать, понимать и переживать всем сердцем, что он живет среди людей; для каждой искорки его радостей и благ кто-то сжигает свою силу, свой ум; каждый день его безмятежного и беззаботного детства кому-то прибавляет забот и седин.

Когда у тебя родится ребенок, учи его видеть и чувствовать людей — это, пожалуй, самое сложное в трудном деле воспитания человека, повторение себя в сыне, в дочери.

Помни, что раннее детство — с тех пор, как ребенок осознал сам себя, — является школой сердечности. Создание, творение добра для людей начинается с заботы ребенка о красоте, о красивом. Все, что доставляет человеку эстетическое наслаждение, радость, имеет чудодейственную воспитательную силу.

Молодые отец и мать должны проектировать человека, думать над содержанием каждого урока школы сердечности: что должен делать ребенок, чтобы его сердце было чутким к окружающему миру, чтобы он сердцем чувствовал, что живет среди людей. Пусть в твоей семье будет свой, семейный праздник, в день которого ребенок творит радость для родителей. Во многих семьях у нас — это осенний Праздник Розы. Ты, конечно, помнишь, как в годы детства вместе с Олей сажал куст розы. Помнишь, как ухаживал за кустом, поливал его. Дети быстро загораются желанием выполнить этот несложный труд, но быстро и охлаждаются. Ребенку часто надо напоминать: полей, прикрой от холода, разрыхли землю. Его не очень радует этот однообразный труд. Результат труда — благоухающий цветок — в его представлении невообразимо далеко. Его надо учить терпеливости.

Но вот появились первые зеленые листочки на кустике — в детских глазах загораются огоньки радости. Наступает длительная полоса нового однообразного труда. Снова и снова ребенок поливает и рыхлит землю, собирает удобрения. Наконец совершенно неожиданно для ребенка появляется первый цветок, потом второй, третий... Огоньки радости, горящие в эти дни в детских глазах, ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это не радость досуга, отдыха, не предвкушение удовольствий поездки на экскурсию.

Это радость творения добра для самых дорогих людей — матери, отца, бабушки, дедушки. И это добро трогает, волнует, радует детское сердце как раз потому, что добро это — красота. Ребенок ждет не дожидается, когда цветок раскроет свои лепестки. Он уже может быть терпеливым. И если случается, что кто-нибудь сорвал цветок, предназначенный для неожиданного подарка матери, — для ребенка это горе.

Нет для молодого родителя счастья больше, чем видеть сияющие детские

глаза в те мгновения, когда ребенок срывает цветок розы и несет его матери. Глаза ребенка в эти мгновения одухотворены чистым сиянием человечности. Они озарены глубокой внутренней радостью — радостью творения добра для людей.

Это чистое сияние, это человеческое озарение как бы открывает ребенку глаза на мир — на людей, на их радости и заботы, на тревоги и невзгоды. Вот ребенок принес матери живой цветок и впервые увидел в материнских глазах изумление и радость. Сердце сказало ребенку в эти мгновения, что радостное изумление мать переживает редко, что у нее бывает немало горестных минут. Чувство жалости к самому дорогому человеку, стремление принести матери еще и еще минуту радостного изумления — вот какими золотыми россыпями обогащается в эти мгновения детское сердце. Ребенку хочется еще и еще создавать красоту для родных, для матери и отца.

Это и есть начало настоящего, коммунистического воспитания человека. Ребенок, переживший первое чувство творения красоты, добра для людей, приобретает новое видение мира. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит воплощение труда, забот, тревог. У него не поднимается рука сломать ветку, сорвать цветок просто так, зазря.

Пройдет год, два... и в семье утвердится традиция — ко дню рождения матери, отца, бабушки, дедушки дети преподносят цветы. Если день рождения приходится на зиму — пусть выращивает ребенок цветок в теплице или в доме у печки... Сколько тревог переживает ребенок, как хорошо, что эти тревоги коснутся его сердца.

Пусть жизнь твоего маленького ребенка будет наполнена заботой, тревогой о живом и красивом, о цветущем и расцветающем. Пусть думает ребенок о маленькой яблоньке, которой холодно под порывами осеннего ветра; пусть в его сердце живет тревога: а не подкрадывается ли в эту холодную ночь к яблоньке серый зайчик, не грызет ли кору? Пусть на рассвете идет ребенок в сад, пробует на ощупь тоненький ствол яблоньки, окутывает его соломой. Пусть сердце ребенка болит оттого, что весенний заморозок повредил цветы персиковых деревьев, и оттого, что во время бури маленький птенец выпал из гнезда... как его водворить?

Пусть у ребенка где-то в саду, в огороде будет свой уголок красоты. Зимой этот уголок пусть будет в комнате, в теплом, уютном местечке.

Через год-два после начала обучения в школе пусть ребенок закладывает Сад Благодарности. Пусть сажает яблоню матери, яблоню отца, яблоню бабушки, яблоню дедушки; виноградные кусты матери, отца, бабушки, дедушки. Это будет одно из воплощений детской заботы о родителях. Детей нелегко побуждать к уходу за плодовыми деревьями, как и к уходу за розами. Все зависит здесь от жизненной мудрости и настойчивости родителей. Ребенку надо постоянно внушать, во имя кого он трудится, кому он приносит радость своим трудом. Пройдет два-три года, на деревьях, посаженных, как это кажется ребенку, когда-то очень давно, завяжутся первые плоды. Ребенок переживает это как самые светлые дни своего детства. Теперь уже не надо напоминать ему, что надо трудиться, поливать, подкармливать деревья, — он и сам не забудет об этом. Он с нетерпением будет ждать того дня, когда созреют яблоки и виноград, чтобы снять плоды и понести матери, увидеть в ее глазах радостное изумление.

Эти мгновения оставляют неизгладимый след в душе ребенка. Он как бы поднимается на первую в своей жизни вершину нравственного развития. Те духовные и физические силы, которые вложил

ребенок в труд для дорогого человека,— это целый мир переживаний, чувств. Творение добра для людей станет его потребностью. Он будет чувствовать сердцем, что товарищу, другу, любому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, к людям, к поступкам, событиям, взаимоотношениям между людьми. Он чувствует, когда матери и отцу трудно, когда им надо помочь. Как чутки дети, пережившие радость творения добра, к огорчению и невзгодам матери и отца!

Сердечный, отзывчивый ребенок чувствует зло там, где, казалось бы, с первого взгляда и нет дурного поступка. «Мне надо учиться хорошо по всем предметам,— сказал мне недавно Коля Б., ученик IV класса,— у мамы больное сердце...» Ребенок чувствует, что, если в табеле появятся плохие отметки, сердце матери будет огорчено. Ему хочется, чтобы мать была спокойной... Стремление детей хорошо учиться имеет своим источником прежде всего желание принести матери и отцу радость, а это желание пробуждается в детском сердце лишь тогда, когда ребенок уже пережил, испытал радость творения добра для матери и отца. Я твердо убежден, что заставить ребенка хорошо учиться можно, прежде всего пробудив его к добрым поступкам для родителей.

Помни, что нравственное воспитание — это прежде всего разумное, мудрое ограничение. Ребенок с первых шагов своей сознательной жизни должен понять, что есть три вещи: можно, нельзя и надо. Большую, иногда роковую ошибку допускают те воспитатели, которые, образно говоря, не умеют правильно чередовать эти три блюда: можно, нельзя и надо. Лет до 12, иногда до 13—14, а бывает, до 15—16 лет кормят одним блюдом: можно. Ребенку, а потом и подростку все можно, все разрешается. Ему вдалбливается в голову мысль, что он чуть ли не центр Вселенной, вокруг него все вращается. Потом, когда вдруг оказывается, что ребенок, как говорят в народе, сел на шею родителям, мать и отец в пожарном порядке меняют блюдо: начинают усиленно кормить его блюдом **нельзя**. Вдруг перед маленьким человеком открывается совершенно новая, неизвестная ему доселе сторона окружающего мира: это запрещается, это не разрешается. Маленький человек чувствует себя связанным по рукам и ногам, оскорбленным. У него извращенное представление о добре и зле, справедливости и несправедливости. До сих пор он каждой клеточкой существа чувствовал, что он приносит родителям только радость: что бы он ни делал — мать и отец только хвалят (даже если бабушке пригрозили маленьким кулачком — и за это хвалят: вот какой у них сын — самостоятельный человек). И тут вдруг оказывается, что он приносит родителям не радости, а одни беды и огорчения, он уже не «золотко» и не «ненаглядный сыночек», а божье наказание. Вместо ласкового пустословия появляется подзатыльник, а то и ремень. У ребенка разыгрывается болезненное самолюбие. Каждое новое резкое слово родителей — это мелкая соль, посыпающая кровотокающие ранки его самолюбия. Жалость к самому себе — вот душевное состояние, которое я без преувеличения называю неисчерпаемым источником эгоизма. Не допускай, чтобы у детей зародилось это состояние, оно породит ожесточенность. Пусть человек умеет жалеть себя лишь постольку, поскольку он умеет быть добрым и жалостливым к другим. Умей жалеть и любить. Любовь отцовская должна быть мудрой, а не инстинктивной. Пусть эти поучения будут для тебя крупинками того опыта, который старшие поколения передают младшему. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

УСЯЗВУЖАК РАТМАН ЗАКВЗУВУВ

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

моей поэме «Адмиральский час», помимо всего остального, упоминается и казахский всадник. «Его узорный малахай — экзотика для иностранцев», — писал я. Но не только для иностранцев был экзотикой головной убор степного гостя на улицах Омска, или на железнодорожных станциях, либо на речных пристанях Степного Края. Крытый цветной тканью лисий малахай, knут за поясом, кошель за пазухой — все это привлекало внимание не только чехов, румын или шотландцев, но и многих своих, русских, впервые попавших за Урал из европейской России. За Уралом многое казалось удивительным, почти невероятным, например, огромные колеса мороженого молока, катимые на собственных дисках по белу снегу Казачьего базара, или, скажем, кони, о которых речь пойдет дальше, либо коровы, либо овцы, гонимые казаками в город на продажу либо на бойню, — словом, стада скотины, которые могли бы где-нибудь на пригородном переезде, поломав шлагбаум, остановить не только транссибирский экспресс, но и товарный состав, эшелон с мукой и мясом для столицы и промышленных центров республики. Я привожу последний пример не случайно, потому что дальше речь пойдет именно о бригаде войск внутренней охраны путей сообщения.

Итак, бригада ВОХР двигалась на Восток ранней весной 1920 года. Эта бригада, руководимая опытными комиссарами в кожаных куртках и военспецами в бекешах и барашковых папахах, имела подрывную команду, бойцы которой были в большинстве из крестьян от сохи, хотя оказался среди красноармейцев один средних лет ресторанный повар, мастер по приготовлению третьих (сладких) блюд и один бывший театральный декоратор, мечтавший осуществить теперь силами бойцов постановку небезызвестной в дореволюционное время пьесы «Царь Иудейский», принадлежавшей, как известно, перу автора, скрывшегося за инициалами К. Р.

Однако не эти колоритные люди являются героями данного рассказа, а речь пойдет о семнадцатилетней машинистке штаба бригады, девушке, отстукивающей на «Ундервуде» всевозможные приказы, отчеты, циркуляры и инструкции по охране Великого Сибирского железнодорожного пути от всякой скверны, мерзости и напасти.

Продельвая долгий, более чем тысячекилометровый бросок по следам отступавшего и затем наголову разгромленного Колчака, бригада быстро двигалась с Котельнича на Вятку, Пермь и дальше, переходя по только что восстановленным мостам большие и малые реки. Поднявшись на Урал, миновали провинциальные граниты и мраморы старого Екатеринбургa. Бойцы и командиры бригады, равно как и щебечущая на «Ундервуде» машинистка, конечно, рассуждали меж собою о судьбе семьи Романовых, закончивших свой век в екатеринбургском подвале, а также и о Распутине, чья покинутая им бревенчатая берлога скрывалась в лесах меж Тюменью и Тобольском. Но больше думалось не об этом, а о текущих делах. Хозяйка птицы Ундервуд вспоминает, что в это время от Екатеринбургa до Тюмени она перепечатывала трехсаженный приказ бригадного врача о санитарном состоянии служб, барakov и казарм в полосе отчуждения. Так миновали Тюмень. Затем, оставив позади Ялуторовск, Заводоуковскую, Паклевскую, Коззель, Ишим, бригада ВОХР к началу лета достигла желтоватого Иртыша и, наконец, за этой знаменитой, воспетой еще самим Рылеевым (да и, как увидим ниже, не только Рылеевым) мутноводной широкой рекою углубилась в путаницу подъездных путей между Порт-Артуром и Атаманским хутором, двумя пыльно-солончаковыми предместьями бывшей колчаковской столицы.

2

Секретарь-машинистка штаба бригады ВОХР так и не побывала тогда в самом Омске, в бедовом старом Омске, опустевшем после беженцев и интервентов. Этот город, в прошлом, 1919 году распухавший в полумиллионный Вавилониче и затем вернувшийся в свое естественное состояние, посещался теперь разве только что окрестными земледельцами да казаками-скотоводами, съехавшимися на городские базары, вроде Казачьего базара, где между каланчей и цирком бродил в числе прочих и я. Но и казахи в малахаях и я в джек-лондонской шляпе и ковбойке не стали, как я уже сказал, объектом наблюдения и любования девушки из штаба бригады ВОХР.

Их состав поставили на один из бесчисленных запасных путей станции Омск-пассажирская, позади депо, ближе к железнодорожному поселку с его коричневыми, обсаженными желтыми акациями одноэтажными домиками в стиле времен строителя дороги инженера Михайловского, писателя Гарина то ж! Маститый художник слова создал этот участок Великого Сибирского пути, а я, все еще юный и неизвестный стихотворец, снабжал хроникой не только городскую, но и железнодорожную газетку, конечно, заглядывая для этого и на вокзал, и в железнодорожные мастерские, и в Сибопс, то есть в пятиэтажный серо-буры дом Сибирского округа путей сообщения, где, кстати, работал кем-то вроде счетовода, стоя, как Достоевский, за своей конторкой, король писательский Антон Сорокин. Поблизости от Сибопса в китайских лавочках у вокзала городской ветки я встретил знакомую девушку Тано, проживающую с теткой своей Оксаной в домике на колесах. После его исчезновения с привокзальных путей я по воле судьбы не обнаружил на близлежащих путях и другого состава, в одном из вагонов которого стрекотала птица Ундервуд. Однако, наблюдая бесконечное переплетение стальных параллелей, я, видимо, слышал пророчески-беззвучный стрекот пишущей машинки, ибо чем же иначе объяснить появление в том же году в газете «Рабочий путь» моего стихотворения, так и кончавшегося: «Там с девяти в стеклянной клетке щебечет птица Ундервуд»?

3

Но было еще рано свершиться тому, что свершилось впоследствии. Птица Ундервуд недолго напевала над Иртышом, еще не превратившимся для меня в Иппокрену. То есть он уж превратился — я уже писал и печатал стихи, — только не знал про превращение в Иппокрену Иртыша: как он превращался и когда именно? А пока что скажу: поворотный круг на степном треугольнике за Чертовой Ямой повернул отремонтированные в омском депо локомотивы, и бригада ВОХР, прибывшая в Омск со стороны Ишима, отправилась теперь на эту реку, только выше по ее течению, в город Петропавловск, что несколько поуже, по другой, челябинской, линии Великого Сибирского пути.

Некоторым читателям, может быть, трудно разобраться во всей этой географии — нелегко это было и повелительнице птицы Ундервуд. Чтобы быть понятнее, я могу сказать, что это те места, та линия, где поблизости Омска в восемнадцатом году омские красновардейцы сразились у станции Марьяновка с чешскими легионерами Гайды, а десятилетием раньше отец мой, как гидротехник, ремонтировал и воздвигал новые водокачки на участке аж от Челябинска до Омска. Я помню этот путь, где перемещался красный служебный вагончик, из окна которого я, пятилетний, видел среди польни, ковыля и чертополоха львов,

РАССКАЗ

носорогов и тигров. Впрочем, в этом нет ничего удивительного! Сто лет раньше другой мальчик — Петя Ершов — имел в этих степях видение волшебного летающего коня. Так что и мне было немудрено увидеть там вместо тельца льва. И, возвращаясь к моим детским впечатлениям, я вспоминаю еще и совсем иное: во время стоянок отцовского вагона между Исиль-Кулем и Петуховым наш вагонный проводник Станислав принаровился приносить, будто с озер, пойманных там, как он объяснял, диких гусей и уток, пока отец мой не изблещил его в поимке совершенно домашних и гусей и уток, и даже кур и петухов, и не заставил расплатиться с их хозяевами.

Повелительница птицы Ундервуд тоже видела из окна штабного вагона эту степь с ее озерами, болотцами, гусями и утками, эту степь, становящуюся все ковыльнее и полыннее по мере приближения к Петропавловску, то есть, говоря по существу, к Казахстану. И на южной стороне горизонта замаячили не то верблюжьи горбы степных караванов, не то миражи голубых горных массивов, конечно же, только миражи, потому что выпуклость земного шара не позволяет с Великого Сибирского пути увидеть эти голубые кокчетавские горы, то есть увидеть Кокчетай из Петропавловска.

Стоящий, в отличие от вулканического Петропавловска-на-Камчатке, на кажущейся абсолютной плоскости степей Петропавловск Акмолинский, пожалуй, был и остается — для меня, конечно, — наиболее знаменитым тем, что в этом городе напечатал в газетке «Пришимве» свой первый рассказ, написанный в 1916 году, тогда наборщик Всеволод Иванов, впоследствии автор многих прекрасных произведений, и в том числе замечательного романа «Вулкан», не про камчатские вулканы, а будто про потухший вулкан Карадаг в Коктебеле, а на самом деле про действующие вулканы душ человеческих. Но об этом я уже писал в другом месте, а теперь отмечу еще кое-какие достопримечательности Петропавловска: в нем провел детские годы сын местного исправника упомянутый выше Петя Ершов, будущий автор «Конька-Горбунка». И, как полагают исследователи его творчества Виктор Утков, киргизские лошади, дикие и стремительные, и породили в Петином воображении образ сказочного коня. Наконец, еще одной достопримечательностью Петропавловска являлся Меновой Двор, старинное каменное строение, поражающее местных романтиков тем, что двери его открывались лишь вовнутрь!

— Этот Меновой Двор стоял за Новой и Крайней улицами, то есть за краем города, ближе к озеру, куда мы с адъютантом бригады ходили ловить, ну, глушить рыбу гранатой, но только не вышло, рыбы не оказалось, не всплыла, а может быть, озеро было горько-соленое! — так через полвека рассказала мне она сама, моя дорогая, и тут же воскликнула: — Ну зачем вспоминать такие глупости! — имея в виду не только этот факт попытки глушения рыбы адъютантом начальника штаба бригады, но и то, что сам начальник штаба часто помогал моей дорогой печатать на машинке, объяснив, что перед революцией он нес действительную военную службу писарем, знакомым с искусством машинописи.

Вообще моя дорогая не особенно охотно рассказывает о тех временах, а видя, что я пишу обо всем этом, то и дело прерывает мою работу капризным: «Ты неправильно пишешь! Ты прилетаешь бог знает что, разные несерьезные подробности, ты даешь свое истолкование всему и вся!» Мол, вовсе не важно для истории, кто помогал утомленной машинистке перестукивать инструкции и приказы, какую часть коровьей головы или конской ноги получали служащие в виде праздничного пайка! Но как бы то ни было, а я должен хоть вкратце рассказать о том, как девушка, почти девочка со школьной скамьи, едва закончив гимназию, переименованную в среднюю советскую школу номер такой-то, и пойдя на первую попавшуюся работу — в штаб какой-то неясной для нее бригады, вдруг оказалась находящейся на военной службе и вместе с семьей (отец тоже поступил работать в эту бригаду по счетной, хозяйственной части), вместе с отцом и матерью и школьником-братом очутилась сперва в тишайшем Котельнике, затем в конце концов в Петропавловске Акмолинском, по улицам которого зачастую вместо людей ходили зимой снежные, а летом песчаные смерчи.

Я должен поведать хоть вкратце о том, как личный состав бригады из вагонов переселился в городские квартиры, и героиня моего повествования узнала от милейшей своей петропавловской квартирной хозяйки Павлы Петровны, тоже европеянки, но уже давно осибирившейся женщины, что как сибиряки делятся на варнаков — каторжников — и просто чалдонов, так и россияне: одни люди как люди, а другие — форменные кацапы, и не дай бог за такого кацапа доброй девушке выйти замуж! Когда же моя дорогая спросила у Павлы Петровны, кто же в таком случае ее сын Миша, почтенная женщина ответила, что Миша, выросший здесь, в Петропавловске, искусный объездчик степных скакунов, не варнак, не чалдон, а не кто иной, как джигит!

Павла Петровна научила мать моей дорогой, а также и другую квартирантку, приселенную в порядке уплотнения комиссаршу, то есть жену какого-то комиссара, делать не только сибирские пельмени, но и казахские, азиатские, манты, более крупные, с большим количеством лука, варимые не в воде, а на пару!

Так они жили. Но вскоре пришел приказ бригаде ВОХР двинуться дальше на восток, в Канск, то есть к границам студеной Восточной Сибири, в тот самый Канск, скажу я кстати, где мой друг, вернее, тогда мой будущий друг, Вивиан Итин выпустил как раз в это время на оберточной бумаге, в обложке из синей твердой бумаги, в которую раньше упаковывались сахарные головы, вот на такой бумаге он выпустил в свет первый советский фантастический роман «Страна Гонгури». Но моя дорогая не поехала в холодный Канск, а осталась с семьей в Петропавловске, перейдя, как состоящая на военной службе, из бригады в местный полк. А ее отец, с военной службы уволившись по возрасту вовсе, поступил на железную дорогу. И мне кажется, что моя дорогая, оставшись в Петропавловске, может быть, если не наверняка, выполняла волю Рока. Дело в том, что, не будучи знакомы, я и моя дорогая намечали уже между собой в своих поступках и действиях некоторый контакт.

4

Намечался известный контакт, по крайней мере с моей стороны, — нечто вроде смутного ясновидения. Некоторые читатели упрекают меня если не в мистике, то, во всяком случае, в каком-то мистификаторстве, что ли, когда я говорю о вещах, выходящих за пределы ортодоксальной ясной объективности. Но вот хотя бы и в данном случае: чем, как не сверхточностью восприятия событий, можно объяснить тот факт, что той зимой, когда моя дорогая перешла из бригады в полк, я, не будучи еще ей известен и находясь за двести пятьдесят километров от Петропавловска, в Омске, писал:

*Все это было так знакомо —
Петлицы, разговоры, шоры
И неуклюжие танцоры*

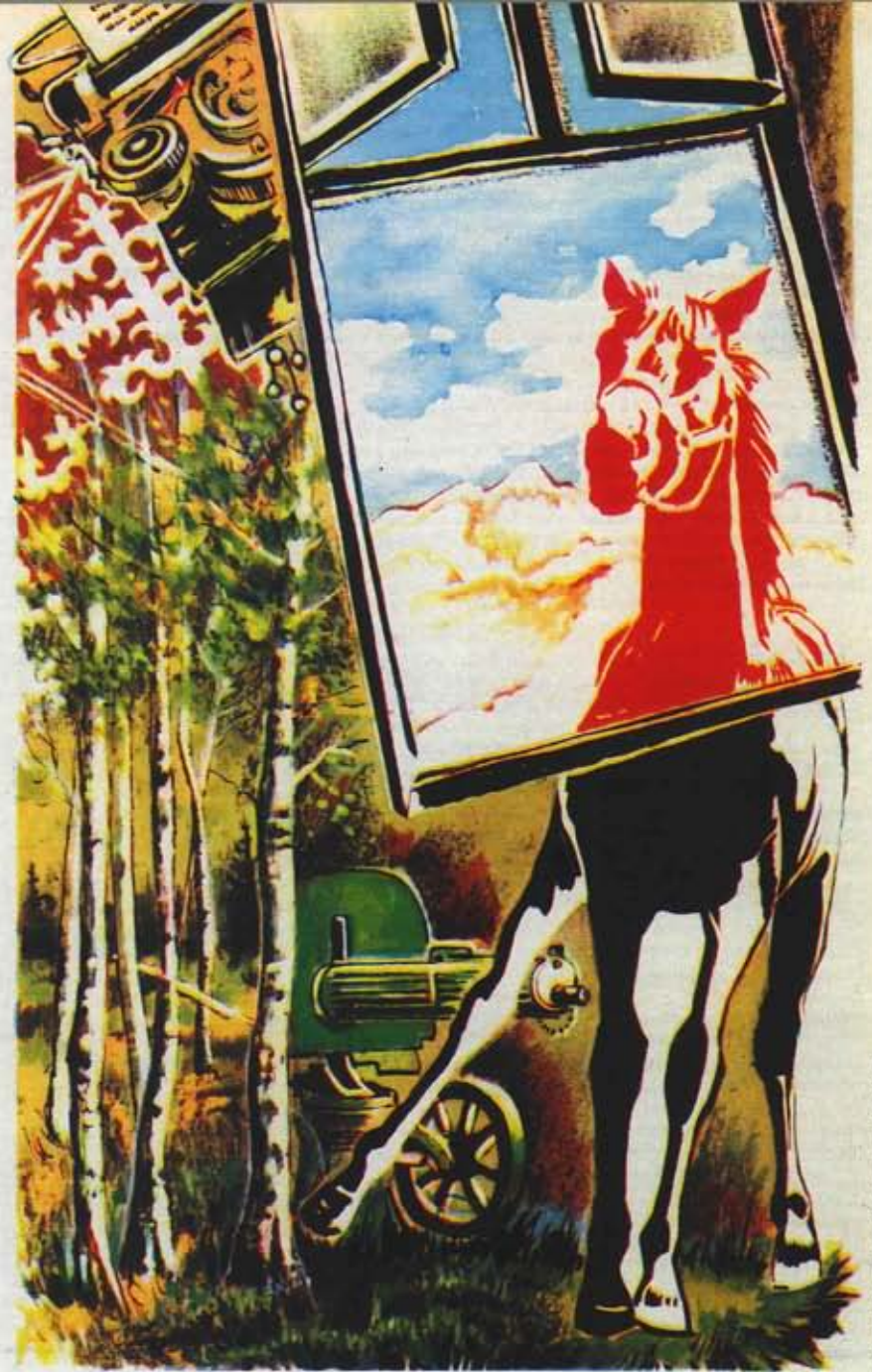

Рисунок Владимира РОДИНА

*На рауте у военкома.
За окнами костры, дозоры,
На окнах снежные узоры,
В одно сливались ваши горы,
Интеллигентны и танцоры,
На рауте у военкома.*

Как годом ранее, я, блуждая по бесконечному пересечению параллельных омского железнодорожного узла, вдруг объявил миру через газету «Рабочий путь», что слышу щебет птицы Ундервуд, так теперь я написал, как будто воочию видел, как моя дорогая танцует на командирском балу, что она и подтвердила впоследствии. Но тогда эти строки были порождены разве только что чувством смутно ощущаемой, почти не осознанной ревности, это были телепатические сигналы из города Петропавловска-на-Ишиме.

А затем девушка, уволившись с военной службы, перешла из Военведа в Наркомпути, в управление степной железнодорожной новостройки, так называемой Кокчетавки. Эта Кокчетавка, скромная, казалось бы, новостройка, стала постепенно расти на смену древним караванным путям и степным казенным почтовым трактам XIX столетия, нацеливаясь с Петропавловска через Кокчетав на Боровое и Акмолинск, то есть на будущий Целиноград, на будущую целину.

Для меня лично эти края, конечно, были сверхсказочно заманчивы с самого детства. И, конечно, отнюдь не случайно в детских грезах я из окна служебного вагона своего отца принимал телят за тигров. Ведь в Акмолинской области, административным центром которой был как-никак Омск, хоть и стоящий на северном ее краю, в этой Акмолинской области, правда, у южных границ ее с Туркестаном, тигры действительно значились в наличии. Я помню в экспозиции омского музея Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества чудело джувльбарса, балхашского тигра. И я помню картинки из омского учебника родниноведения. «Главные звери нашей области, — гласила подпись, — тигр, волк, лисица, барсук, горноста, кабан, еж, заяц, газель». «Главные птицы: пеликан, цапля, журавль, выпь, чайка». Вот какова была Акмолинская область, на гербе которой стояла мечеть с полумесяцем под императорской короной. Я помню и такие упоительные иллюстрации: «Дикое ущелье реки Селеты, впадающей в озеро того же наименования на юге Омского уезда», или пейзажи Акмолинского уезда с его сотнями озер, значительнейшие из которых, расположенные рядышком, в центре степей, Кургальджин и Тенис казались мне чем-то похожими на жюльверновское море в центре земного шара; и еще иллюстрации: далекие степи и горы Центрального Казахстана, уральский Спасский завод, медная руда на который доставлялась с Успенского рудника за сто десять верст, а уголь для плавки, добываемый на малоизвестных Карагандинских копях, шел на завод по узкоколейной железной тридцативерстной дорожке, причем как и эта дорожка, так и эти копи были помечены во дни моего детства

далеко не на всех картах. Вот туда, в глубь степей с их ковылем, полынью, пшеницей, каменным углем и каменными бабами, легендами, песнями, мясом и салом, к горам с их рудами, хрусталем, графитом, словом, к великоленному аграрному и индустриальному будущему и шагнули из Петропавловска первые километры Кокчетавки, в управление которой и перешла из полка работать моя дорогая. Но если все это выглядит столь роскошно в данной главе моих воспоминаний, потому что казалось мне романтически близким и с детства, то в юных глазах моей дорогой повелительницы птицы Ундервуд вся эта Кокчетавка выглядела лишь очень большой комнатой учреждения, в котором писались только бумаги, бумаги, бумаги, и, кстати сказать, не было даже и пишущей машинки (она только была обещана!) И моя дорогая попросту стала одной из чуждых ей глупых конторщиц, со скукой слушая, как эти конторщицы, «Клавы — юбочки недетские, барышни советские», толковали о пайках и карточках, инженерах и комиссарах. А службистки постарше лет так на пять также вспоминали еще и об офицерах былых дней и о чешских легионерах. Эти последние, появившиеся в 18-м году, само собой, ухаживали за петропавловскими барышнями («Мы одной крови! А мадыар кто? А мадыар есть гуни. Атилла!») Убегаи, они обещали вернуться и увести петропавловско-акмолинских невест жениться в Злату Прагу, но обманули. Впрочем, говорили обманутые барышни, сам ихний Гауда был даже и не генерал, а просто ветеринарный фельдшер! Так болтали меж собой петропавловские конторщицы, а между тем, хоть чехи и исчезли как будто бесследно, бывший адъютант Гауды полковник Сватош все еще находился неподалеку, хоть и казалось, что прошло его время.

5

Казалось, что дни пальбы, убийств, воровства и пожаров миновали если не навсегда, то надолго-надолго здесь, в глубине страны, откуда до ближайшей — а именно китайской — границы две недели скачи, не доскачешь ни верхом, ни в самом хорошем экипаже, хоть узун-кулак, копытный степной телеграф, и передавал в случае надобности новости из уст в уста, через весь Казахстан, суток за двое, не боле. И так, царил покойствие, нарушаемое только выхлопами грузовых машин Сибавтобазы Наркомпрода, вывозивших из глубинки зерно и мясо для промышленных районов. Но вдруг однажды в конце января 1921 года в ясный морозный день петропавловских совслужащих, конторщиц и уборщиц, распустили по домам: идите и сидите смиренно, не высовываясь!

Нечто подобное было в Зауралье, и тоже зимой, два года назад, в 1919-м, когда также среда бела дня распустили служащих по домам потому, что внезапно температура поднялась с двадцати градусов мороза, по Реомюру, до двух градусов тепла, затем пошедший было снег сменился дождем, после этого снова похолодало, на образовавшийся лед упал снег. — так было по крайней мере в Омске, вероятно, приблизительно так же было и в Петропавловске; и тут началось: дикие вихри примчались со степей, сбивая людей с ног, сбрасывая с мостков, мостиков и мостов, сдувая звонарей с колоколен и муэдзинов с минаретов мечетей, выворачивая деревья и телеграфные столбы, прежде чем по проводам доносились предупреждение, что идет небывалый, — как всегда кажется в таких случаях, — циклон, клубящий снежные тучи до самого неба, а по мнению других, таких же недостоверных очевидцев, спускающий с небес наземь смертельно засасывающие ледяные хоботы.

Так было в 1919-м. Но через два года, в 1921-м, телеграфная связь была прервана не стихией, а недобрыми людьми. Бедствие было иного рода: разразилось восстание, кулацкое восстание, известное под именем Ишимского, Петропавловского, но фактически охватившее гораздо больше районов, включая тюменские края, Тобольск (где, кстати сказать, и объявился среди главарей мятежнического командования бывший адъютант Гауды полковник Сватош!), а затем и некоторые районы дальнего Севера — Березов, Саран-Пауль, Сургут. Этот жестокий, кровавый и, конечно, заранее обреченный на провал кулацкий мятеж, отголосок зауральской антоновщины, мятеж, распространившийся до самого Обдорска (нынешний Салехард), довольно подробно описан в литературе. История этого мятежа очень толково изложена, например, в книге Д. Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР» (М., 1975). И нет смысла повторять то, что уже нашло место на страницах печати. Могу сказать лишь одно: мне кажется, что таких кровавых дел, как во время этого восстания, не случалось в этих краях, пожалуй, с тех времен, когда сюда, на Ишим в его среднем течении, не бежал с севера разбитый дружиной Ермака Кучум с остатками своей рати. Здесь, как раз в районе будущего Петропавловска, он возбуждал местных татар и башкир против русских. Но такой мерзкой, кровавой резни, которую учинили белогвардейцы вкупе с эсерами, подняв кулачье на Советскую власть, я думаю, не было в этих краях во времена беглого царька-авантюриста Кучума.

— Но ты, моя дорогая владычица птицы Ундервуд, что чувствовала ты под надежной защитой красноармейских частей?

— Мне кажется, я ничего не чувствовала, кроме боязни за близких! — так ответила моя дорогая. — Я боялась за своих, за всех своих друзей и знакомых из полка, я очень боялась за Петю!

Петя был хорошим знакомым по службе в полку. Что еще знаю я о Пете? Вот что: петербургский реалист, получивший медаль за спасение утопающих, — он спас вместе со своим приятелем-гимназистом, сыном какого-то Сологуба, женщину, задумавшую утопиться в Неве. Затем он стал прапорщиком, перешедшим на сторону Советов, и, несмотря на лонжый сустав (ранение на германском фронте), был боевым красным командиром и активно участвовал в подавлении мятежников, провозглашавших «Крестьянскую диктатуру» и «Советы без коммунистов».

— А чувствовала ли ты, что ты сама лично являешься, не меньше, чем Петя, объектом ненависти мятежников, потому что ты — строительница Кокчетавки, по которой гораздо больше, чем на машинах автобазы Наркомпрода, пойдет для революционного Питера и для Москвы хлеба и всего прочего? — спросил я. — Понимаешь ли, что ты, как сотрудник Кокчетавки, была одной из причин кулацкого мятежа, но была таким образом и причиной победы над этими мятежниками?

— Не говори глупостей, — отрезала она, давая понять, что даже и слышать не хочет таких, с ее точки зрения, ужасных шуток. — Я вскорости и ушла с Кокчетавки!

— Да, ты ушла, — вспомнил я, — потому что там за отсутствием для тебя машинки ты как машинистка бездействовала, а в другом месте ты рассчитывала работать по специальности!

6

Разумеется, это не кто иной, как сама судьба, принявшая обличье петропавловской биржи труда, указала моей дорогой перстом своим переход с Кокчетавки в газету «Мир труда», где в отличие от управления Кокчетавки машинка

имелась. Так ранней весной 1922 года моя дорогая переступила порог газетной редакции. Несомненно, это был шаг к нашему сближению, ибо где, как не в газетной редакции (не в этой еще, но в будущей), было всего естественней оказаться нам, чтобы в конце концов повстречаться друг с дружкой, увидеть друг дружку воочию. Вот почему она и оказалась в редакции, где работали как будто бы всего-навсего трое журналистов — в пинках, шапках и полушубках, причем один из них в теплую погоду весной и осенью носил полушубок мехом вверх, а другая, скинув свой полушубок, оказывалась миловидной женщиной, женой редактора, хроникершей Лёлей. Может быть, там были и еще журналисты и журналистки, но моей дорогой запомнились, насколько я понимаю, лишь эти трое, с которыми она подружилась.

Затем наступило лето, ужасное лето приснопамятного года засухи, голода в Поволжье.

Я был тогда в Омске и писал: «Я помню все: в кирпично-пыльном Омске они пришли на городской базар, я помню груди плоские, как доски, щетину щек и мутные глаза, и ребятишек старческие маски, когда, изъев из подзаборных дыр, красноармеец в однодворной каске их вел в Чека как грустный командир». Так писал я. Но омская невеселая, а все же наполовину солончаконная, а наполовину черноземная явь и пыльная, но мукомольно-элеваторная действительность была отнюдь не столь страшна, как это лето в соседних, охваченных засухой степях, где солоно-мерзательная земная поверхность растрескивалась от адски азиатского зноя на некие зловещие иероглифы либо на крючки и загогулики бредовой стенографии каких-то дьявольских присутственных мест. И как будто в тщетных попытках придать здравый смысл всем этим надписям зноя скитался я по степям как газетный сотрудник, разрешающий отнюдь не простые и ясные вопросы ликбеза или сельской экономической политики, но вопросы о том: есть ли в аду вода? О, я думаю, и в аду нет воды едче и сероводородней, чем в лужайках между Черлаком, Чернолучьем и Карачаком!

Тучи, возникавшие в медных от жарыщи небесах Зауралья, раздражались не дождем, а рассыпались над городами и всеми прахом пожарами и духом унесенных с незримых пепелищ птиц, домашних и диких. Я видел сам (навью ли, во сне ли — это уж я боюсь утверждать), но я видел сам, как обессиленные фазаны среди белого дня смиренно сидели в пыльных репейниках, а ведь так бывает лишь после очень сильной грозы, когда прибитые ветром, ослепленные молниями и оглушенные громом и градом птицы, приходя в себя, будто бы ползут в траве.

Но, странствуя в зарослях пыльных бурьянов и лишь грезя влажными после дождя кормовыми травами, я все-таки душой был в городе, в городе вообще, в широком смысле этого слова, а практически в Омске, мимо которого суховато катился с юга на полночь желтый, как гигантский рулон газетной бумаги, Иртыш.

7

Тем временем моя дорогая в городе на притоке Иртыша Ишиме снова оказалась обманута в своих ожиданиях. Дело в том, что ей, повелительнице птицы Ундервуд, не дали в редакции не только обещанного «Ундервуда», но и ни «Ремингтона», ни «Смис-премьера», и вообще никакой пишущей машинки, а посадили на прием объявлений. Объявления же эти были почти исключительно о потере документов, и почему-то эти объявления делались почти исключительно казашками. Возможно, что у многих из этих свободолюбивых степных амазонок никаких удостоверенных личности никогда не было и вовсе, и моя дорогая превратилась в фигуру довольно высокой государственной важности, творя однообразную, но высокополезную процедуру преобразования ранее бездокументных номадов в чинных, переходящих с кочевого на оседлый образ жизни советских гражданок.

«Бир миллион», — восклицала моя дорогая, выписывая квитанцию на принятое объявление, и величественная казашка, задирая бесчисленные юбки, извлекала из кармана нижних штанов пачку кредиток, чтоб отсчитать «бир миллион», — один миллион рублей за объявление. Затем моя дорогая смотрела в окно на то, как заплатившая свой миллион степнячка уезжала прочь либо верхом на коне, либо в древней двухколесной, в виде скифской колесницы, повозке, владимир верблюдами, которые нравились птице Ундервуд не менее, чем лобзные ее сердцу кони.

И не было ничего случайного либо незакономерного в том, что постепенно расширяющийся круг новых редакционных знакомств включил в себя, кроме журналистов русских, и сотрудницу газеты казахской. Эта девушка была миловидна, скромна, хорошо образованна. И вскоре моя дорогая стала домашней гостьей этой прекрасной казашки, принимавшей самых близких друзей не на европейской, а на азиатской половине своей квартиры, в комнатке, где не было стульев, а вокруг очень низенького стола лежали — свидетели по крайней мере двух столетий, если не двух эпох, — старые, помятые, выданные всякие виды ковры.

Это были первые встречи моей дорогой с людьми Востока в домашней обстановке. Ведь одно дело — разговаривать с казашкой через окошко кассы по приему объявлений, либо на рынке, либо с почтенным татаринком-водовозом по призыву Эфиоп на дворе, либо даже подвергаться галантным преследованиям некоего мусульманина в белой чалме, свидетельствующей, что он побывал в Мекке. «Выходи за меня замуж, любимой женой будешь!» — взывал он, и она убежала от него при неверном свете месяца над белой мечетью. Все это была, так сказать, уличная петропавловская Азия. А другое дело сидеть в гостях у просвещенной милой казашки, пить чай из легкой, звенящей от своего изящества пиалы, слушать очень умную, очень милую, с небольшим казахским акцентом речь любезной хозяйки, словом, войти в ее дом как бы внутрь Азии. Здесь, в этой комнате, пахло чуть-чуть типографской краской от свежей газетной полосы, с книжной полки веяло чуть-чуть арабским, чуть-чуть латинским шрифтом, но больше всего кириллицей, а от всей остальной обстановки веяло слегка кошмой, слегка овчиной, слегка кумысом, слегка духами. И моя дорогая не почувствовала себя чужой здесь, наоборот, ее даже несколько удивило, почему казашки со своими родными и близкими принимают ее, европеечку, недавно приехавшую из-за Урала, почти за свою, во всяком случае, за какую-то совсем восточную девушку. Много позже, когда наши пути встретились, я понял и рассказал ей, в чем тут дело, как я понимаю. Напомнив ей, откуда появились на русском Севере ее предки, я объяснил ей: пращурь ее — волжане (отец запросто переплывал Волгу, прадед ушел в монахи в заволжский монастырь), пращурь ее, пришедшие на верховья Волги с нижнего ее течения, суть люди оттуда, где, по свидетельству арабских историков, южнее устья Камы стоял город Булгар, а на низовьях Волги было, как известно, хазарское ханство, откуда птицы летят, а в религиях нет постоянства, люди верят во что хотят. Вот почему, сказал я моей дорогой, она, кутающаяся, как в сосновом лесу, в златоблещущую лису, славная славянская девушка, несмотря

на всю свою северорусскую ортодоксальную православность, имела явную, не только благоприобретенную, но и наследственную симпатию ко всему восточному, юго-восточному и северо-восточному, а в последнем случае и ко мне, юноше не столько с Иртыша, желтого, как рулон газетной, революционных лет бумаги, сколько с Иртыша, превращающегося в Иппокрену.

8

«Иртышом, превращающимся в Иппокрену», звалось ежемесячное сочинение, то есть периодическое издание, журнал, выходивший в Тобольске с 1789 по 1791 год, словом, в годы Великой французской революции. И бумага, на которой напечатан журнал, тоже желтоватая, то ли от времени, то ли от природы, то ли от Французской революции, то ли от тобольской действительности, то есть наличия именно такой бумаги на складах купцов Корнильевых. Ибо выпускалось это издание просвещенными тобольскими негодяями Корнильевыми под наблюдением тобольского главного народного училища. Редактировал журнал вичуцый племянник знаменитого поэта Александра Сумарокова Панкратий Сумароков, сосланный Екатериной II в Тобольск за некоторые художества. Сотрудничали в журнале приехавшие с Панкратием разделить его ссылку, жена его Софья и сестра Наталья, а кроме того, учителя, ученики местных учебных заведений и просвещенные чиновники. Читателями были они же плюс другие местные любители изящной словесности и другие местные грамотеи, а впоследствии в числе читателей второго и третьего поколений — сын бывшего петропавловского, а затем березовского исправника Петр Ершов, будущий автор оцененного Пушкиным «Конька-Горбунка», и, мальчиком сизивавший на коленях Ершова, внук издателя, купца Корнильева, будущий гениальный русский ученый Дмитрий Менделеев, тесть Александра Блока. А в конце концов читателем «Иртыша, превращающегося в Иппокрену» стал и я, грешный, футурист, сторонник Маяковского, стихотворец и сотрудник омской партийной и профсоюзной прессы 20-х годов XX века.

Не скрою, «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» со своими довольно бледными переводными отрывочками из Вольтера и Юнга, а особенно с такими нравоучительными стихами, как, например, басни тобольского прокурора Бахтина, журнал этот, найденный мной в музейной библиотеке, показался мне довольно скучным. Я сказал бы, что из всего журнала больше всего понравилось мне его название. Идея его названия! Мне живо представился северный полунощный, похожий на июльское нагромождение кучевых грозных облаков над Сибирью тобольский Геликон и стекающая с него, превращающаяся в Иртыш Иппокрена.

Поведав обо всем этом, мне, пожалуй, остается добавить к повествованию лишь следующее.

9

В то время, как я, будто бы отвлекшись от бурной действительности, точнее, от современности, как бы случайно углубился в историю своей Отчизны, ища «Иртыш» и другие старые тобольские и нетобольские издания в библиотеках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, на развалах букиниста Айсберга или в кучах книжной трухи на превращенном в толкучку бывшем конском базаре, — в эти дни в начале 1923 года моя дорогая повелительница птицы Ундервуд решила покинуть город Петропавловск и вернуться домой, за Урал, в европейскую Россию, в европейскую часть Союза, как говорится в настоящее время. И вот тогда ее петропавловско-акмолинские друзья и принялись ей советовать, что надо купить на дорогу и что надобно привезти домой, каких гостинцев и чего по домашности. Тут в этих советах участвовали так или иначе все: и культурные журналисты, журналистки русские и казашки, и квартирная хозяйка Павла Петровна, и довозов Эфиоп. И каждый предлагал свое. Журналисты, конечно, говорили о духовном, об эстетически-фольклорном, наконец, о вкусном, а люди попроще — о житейском:

— Перво-наперво купи масла, сливочного и топленого, оно у нас первосортное, до революции шло за границу! Купи, натурально, и сала; бараньего — у киргизов, свиного — у хохлов либо у немцев, эстонцев. Купи пуховый платок, купи валенки, по-нашему пимы. Мимо Тюмени поедешь, купи ковер — там прежде такие выделявали, что не отличишь от французских, как их, гобеленовых, что ли!

Так поучали мою дорогую друзья и знакомые. В общем, они советовали закупить всего, что можно было приобрести когда-то на всех ярмарках области — на Петропавловской в Атбасаре, на Таянчинской на озере того же наименования, на Константиновской в Акмолинске, на Введенской в Омске, хотя лучшие времена этих степных торжищ уже миновали, уступая новым формам торговли. И вот тут-то, как будто бы компенсируя ряд покупательных невозможностей («Да откуда мне столько денег взять?» — смеялась моя дорогая), тут-то, пожалуй, и возникла еще другая, обуявшая всех доброжелателей идея:

— Приобрети коня!

— Коня? Но что я буду с ним делать?

И хотя тут было много смешных и даже нелепых разговоров о том, что на добром, вымененном, например, в степных аулах на поношенную бархатную шубку коне вроде необязательно ехать верхом через Урал, а коня этого можно, как бывшей железнодорожной служащей, перевезти в теплушке, а потом в России выменять, например, на корову, — несмотря на все эти пустые фантазии суть была — я много думал об этом! — вот в чем: имелся в виду конь не простой, а крылатый!

Да! И не сама ли польнная и ковыльная Матушка-Степь устами своих сынов высказала эту идею! Не сама ли Степь, которая, как уже сказано было, когда-то помогла здесь Петру Ершову создать образ прекрасного грифона Конька-Горбунка! Но откуда взялась, в свою очередь, эта фантазия у ее величества широкой Степи? Кто породил и унес этот образ? Не погнел ли степей и лесов Сибири и Казахстана желтый Иртыш, превращающийся в Иппокрену? Ведь Иртыш, превращающийся в Иппокрену, вернее, Иппокрена, превращающаяся в Иртыш, возникла из того ключа, который брызнул на Геликоне от удара копыта Пегаса, крылатого коня древних!

Доброжелатели не учитывали лишь одного: что Пегас не покупается, не выменивается на бархатные шубки, а находит своих владетеля и владелицу сам!

Меня он нашел немного раньше. Когда моя дорогая покинула Петропавловск, Пегас помчал меня в Кузбасс, затем в горящие леса Тарского Севера, затем на Алтай, оттуда мимо горы Бектау-Ата в Коунрад на Балхаше, принимая, несмотря на свою гривастость и крылатость, всякие обличья — от парусных кораблей до локомотивов!

А не он ли был запяжнен в пролетку, на которой мы — я и моя дорогая — наконец встретившись, ехали по древнему северному городу в поликлинику лечить мне ногу! Не этот ли Пегас, оборачивая голову, смотрел правым глазом на меня, читающего для первого знакомства моей избраннице «Реку Тишины»!

Артем АРУТЮНЯН

Дождь

Дождь, как рыбак,
ловит в сеть своих струй
окрестные доли и рощи.
Звуки ликут —
мелодии леса,
мелодии неба.
Бредут по дороге кусты,
согбенны под тяжестью капель,
как милостыню,
вымолив алагу небес.
Сокрытое
явным становится взгляду,
а то, что навязло глазам,
прячь уплывает.

Вот земля, где уже расцвели
липа, роза и стебли лианы.
Ветер, ветер — и никогда
не пройдет ощущение полдня
здесь, на этой земле.
Вот земля,
куда люди приходят,
чтобы полдень увидеть.
В переплетенье кустарника
пичуги порхают,
нероглифы мелких следов оставляя
на стеклянной поверхности
воздуха.

Когда день на исходе,
каждый суший язык
возглашает:
— Да явится жизнь!
И вновь,
как отлитый, будет полдень,
острыми семенами
травы прищипят август —
и начнешь ты желанный полет,
взяв всю силу гремучих ветров.

Прошлое, отвердевая,
становится стволом дерева.
В блеклых руках заката
угасает подсолнух.
Я возвращаюсь домой —
о длинной сказке изгороди,
поговори со мной.
Птицы не сами взлетают,
я их поднимаю на небо.
Подорожник,
большими и добрыми листьями
укрой меня от несчастий.

Цветут акации,
опыляя новое лето,
жестяные кровли
накапились от жгучих лучей.
Воздух в подъездах горяч,
мертвая пыль переулков
прибита случайным дождем.
Дождь жаждет ночи,
как путник приюта,
летние звезды
надеются вырасти в полночь.
Дали и доли,
любите меня;
грусть, отойди, —
я ведь вижу родимые горы.

Уже апрель —
громко голос плывущего облака,
мягко шорох раскрывшихся листьев,
и стремителен бег под порывами ветра
пробудившихся к жизни ветвей...
Еще щедрости лета не ударил набат
и остатками листьев сухих
скудно украшены улочки,
но в весенней прохладе ночей
уже ощущим переход
от одиночества к многоголосью,
к крупной блестящей звезде,
к сквознякам,
что застой и тлетворные запахи
прогонят надолго
в необычном аквариуме природы.

Время здесь
тождественно небу и облаку,
с оглядкой плывущему в небе.

Время —
хрустальные звуки
одиноко бегущей реки,
что скользит в своем ложе,
не задевая камень.

Мир постигни в тот час,
когда он в исканьях, стремленьях!
А любовь здесь —
торжественный солнца восход.

Время — чудо и святость
на этой земле,
где, как брат и сестра,
неразлучны
горный камень и роза.

Детство...
Лес — настоящая чудо,
он свисает со склона,
ветер студеной
поддерживает его.
Детство...
В темноте вечерней
птицы возникают из ничего,
словно рожденные воздухом;
кустарник мерцает
истончившимся светом.

Ветер детства
не потрогаешь руками...
Но о детстве напомнит
дом деревенский,
камень, тающий, как льдинка
на дном песке,
отблески лунных лучей
на поверхности вод.
Буду помнить я вечно
дорогу в зеленых деревьях,
ведущую к дому...
И ветер над домом,
разноцветный и многоголосый,
словно букет...
Детство...

Мои годы — это деревья,
ветер времени их с собою уносит,
выкорчевывая из земли;
просит света земля
у высоких небес,
чтобы годы-деревья мои озарить.

Я сдружился с землей
и с бездонностью далей небесных,
когда другом единственным
было молчанье мне.

Станут домом мои
скошенные левады лета,
дерево — посох мой,
вдоль деревьев иду
вдаль и вдаль,
смысл пути своего постигая.

Туман и туман,
и птицы зов глухой,
как будто пули свист,
пронизывает чащу,
зеленой кровью воздух истекает.

Дождь и дождь,
и мир неразличим
за узорчьем
капель дождевых.

Время и время,
и тени от предметов мокрых
ложатся на поля
и входят в глущь земли,
переплетаясь с крепкими корнями.

А если ты глаза откроешь —
увидишь день перед собой
как символ света.

Перевел с армянского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

ХЛЕБОВ РАЗ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ,
НАПИСАННЫЙ НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ
ИМЕНИ 20-ЛЕТИЯ ЦЕЛИНЫ

Секретарь Шортандинского райкома ЛКСМ Казахстана Тереза Бартош на полях комсомольско-молодежного комплекса имени 20-летия целины.

Не ходи куда без сердца своего...»

Ворочаюсь на узкой койке, застланной суконым одеялом, и ни в какую не могу вспомнить, откуда залетела мне в голову эта строчка. И заснуть не могу ни в какую.

«Не ходи куда без сердца своего...»
— Не спится, корреспондент? — раздается в темноте осторожный шепот Вильда.

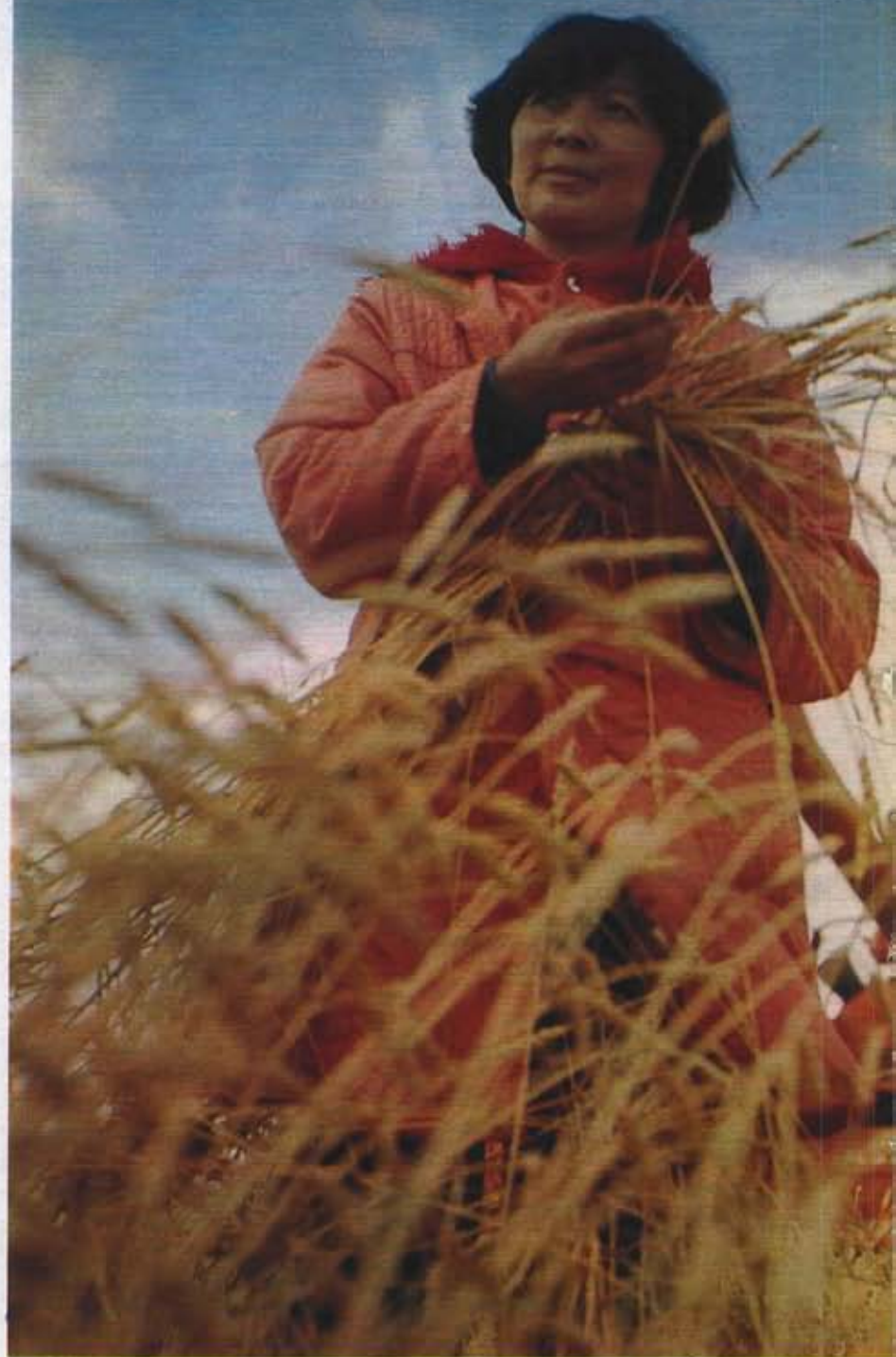
— Не спится...

— Вот и мне почему-то не спится.

Маленькая — на две койки — комната для отдыха в холодном низком доме посреди бригадного стана. Обитаемый островок в безбрежном, как открытое море, разливе хлебов. До центральной усадьбы десять километров, до райцентра — сорок с лишним, а до Москвы... Утром надо будет поинтересоваться у Черникова. Может, он знает, сколько от «Андреевского» до Москвы...

«Не ходи куда без сердца своего...»

В Москве сейчас всего только поздний вечер, а здесь — глубокая ночь. Глубокая, но не глухая. Слышно, как на току тарыхтит мотор, расшатывая сонную тишину упругими и гулкими толчками, и под этот аккомпанемент поет Алла Пугачева. Воспроизвожу в памяти картину, виденную час назад: ребристые, сыпучие горы пшеницы, вокруг электрических лампочек желтыми ореолами колышется пыль, пыль забивает ноздри, разъедает глаза, истерично хохочет Арлекино, а девушки подрабатывают зерно. Не поднимая голову с подушки, смотрю в окно. Вспоминаю, как с вечера над степью, сбиваясь в стаи, заходили облака, как по расчерченной валками стерне заскользили синеватые размытые тени и между пепельными, кружащими на высоте бредущего полета облаками все реже можно было высмотреть теплые — цвета топленого молока — просветы закатного неба. А потом с северо-запада, откуда-то со стороны Кокчетавских гор, нагринул холодный ветер, и сумрачно, как перед грозой, засветился воздух. Ах, какой переполох поднялся тогда на току! Девчушки-старшеклассницы из совхозной школы ринулись укутывать брезентом хлебные бурты. Тяжелые брезентовые

пологи с пущечным грохотом вырвались у них из рук, девочки падали, но не пасовали, оставляя на потом подсчет синяков и ссадин. Очень сильными оказались эти девчушки, такие слабые с виду. К счастью, гроза так и не разразилась. Но стараниями ветра небо затянуло сплошной облачностью, непроницаемой для звезд...

Темным-темно за окном. Лишь вдали, мерно покачиваясь, медленно движутся два огонька. Слово какой-то не в меру бдительный контролер с фонарями в руках обходит дозором загонки. Чей-то комбайн... Может быть, Толи Майко. А может быть, Виталия Потапченко или Сашки Герлоха... И этих, известных мне пофамильно, и других, пока безымянных для меня парней из комсомольско-молодежной бригады Николая Черникова, качает сейчас на пружинящих сиденьях

«Нив» рабочая ночь — законная смена рабочего дня.

Похоже, что и у соседа моего сна ни в одном глазу — исповедуетесь бодрым шепотом:

— Побеседовали со мной, полистали документы и с ходу: «Принимай машину и завтра приступай к работе». Согласился. Кто же в такое время от машины откажется? Написал жене, что, может, через неделю приеду на денек и тогда все расскажу. Только у меня никаких вещей с собою. Приехал-то на пару часов, а уже пятый день пошел. Мыло и зубную пасту купил в Шортандах, в универмаге, полотенец одолжил...

Предыстория у этой тирады такая: Вильд по специальности шофер, недавно демобилизовался и приехал в Целиноград — к девушке, на которой еще до армии собирался жениться. Расписаться-то они расписались, а жить негде, молодая — воспитательница детского сада и прописана в общежитии «Казахсельмаша». Ну Вильд и решил: попыткаю-ка счастья в окрестностях Целинограда. Поехал в Шор-

Первые награды бригады.

Живешь на селе — знай технику. Зимой Хадрия Шапенова — техник-строитель, летом — комбайнер.

провозился, и еще на пару часов мороки. Вильд ждет, когда развиднеет. А пока мы с ним партнеры по бессоннице.

— Только бы морозы не ударили, — вздыхает Вильд. — По радио передавали: в Кокчетаве заморозки...

В Кокчетаве заморозки... Такой уж климат в целинной зоне Казахстана. Летом небо может поскупииться на дожди, зато расщедриться на жару, а в сентябре не только заморозки могут ударить, но и снег повалит. Такое бывало, и в последний раз не очень давно: валки — на стернищах, комбайны — в загонках, а тут вдруг неожиданно посыпало — и «снежки белые, пушистые, они пали на поля»... Уборку пришлось продолжить весной. Дикое это было зрелище — комбайны на апрельских полях... Но что тут будешь делать, если зона рискованного земледелия?.. А риск есть риск, и бывает, складываются до того аховые ситуации, что и сам академик Бараев не выручит.

В Кокчетаве заморозки... Мрачнее тучи был с утра Черников. Он ведь тоже и радио слушает и телепрограмму «Урожай-79» смотрит.

Вспоминается лицо Николая — насулненное, решительное, искрасна-темное от специфически степного загара. Такой не вылежишь на южно-крымском берегу. Недостаточно, чтобы кожу прокалило солнце. Нужно еще, чтобы ее продубило особым казахстанским экстрактом — смесью разседающе мелкой пыли и соленого пота. Только тогда получается вот такой грубый, цвета железной окалины целинный загар.

— Против природы не попрешь, а вот обойти попробуем, — прищурил он, помнится, твердые свои глаза. — Выра-

батывали по две нормы — переключаемся на две с половиной...

— Попробуем, — кивнул выгоревшим чубом Толя Майко — группомсорг, волейболист, знаменитый на весь Шортандинский район комбайнер. Даже на целине, где чуть ли не в каждой бригаде есть собственный ас комбайнирования, таких поискать...

На память приходит разговор с Терезой Бартош — секретарем Шортандинского райкома комсомола. Вспоминаю, как она рассказывала:

— В нашей области существует давно и прочно утвердившаяся традиция. Каждый год, в самый напряженный период жатвы, обком комсомола объявляет ударную вахту в честь дня рождения Николая Островского. Она, эта вахта, так и называется — корчагинская. В нынешнем году ее девиз: «25-летию целины — 25 ударных дней». А норма каждого ударного дня равняется двум обычным. Так вот Толя Майко из года в год в дни корчагинской вахты не останавливает комбайна, пока не даст двух с половиной норм...

Прислушиваюсь. Все так же стучит мотор на току, но ветер стих, и Пугачева больше не хохочет. Теперь она поет про королей, которые якобы все могут.

Все ли? Хотел бы я посмотреть, что бы делал такой всемогущий, если бы ему сказали: «Управлять королевством умеешь, так попробуй управлять комбайном...» Что бы он делал, если — зной ли, мрак ли крошечный — нужно работать, нужно работать так, чтобы ни зернышка не пропало бесплодно, так и не превратившись в хлеб? А сколько требуется этих зернышек на одну-единственную буханку хлеба?.. Сорвался ремень вариатора? Заменяй его и снова работай. На лопасти жатки наматываются жгуты соломки, да так, что и топором их не перерубить? Выдерни, ломай ногти, — и снова работай. Хотел бы я посмотреть на короля, наработавшего хотя бы

одну дневную норму. А норма эта — подобрать и обмолотить валки с площади в 12 гектаров. Или, что для королей понятнее, со 120 тысяч квадратных метров. Наконец, хотел бы я посмотреть, какое бы стало у его величества лицо, если бы, к примеру, тот же Толя Майко заявил: «Я себя хлебом обеспечил, а вы, ваше величество, добывайте себе свой хлеб сами, так сказать, в поте лица...» Ну, а я? Какая бы физиономия была у меня при подобной постановке вопроса?.. Не хотел бы я посмотреть на себя в зеркало...

Задумываюсь, а Вильд, оказывается, все еще говорит. По-видимому, он из тех, для кого важно наличие слушателя, а внимание — дело десятое.

— Я бы и в совхоз переехал, — вслух размышляет Вильд. — А что?.. Зелени достаточно, речка есть и воздух свежий. Заработки тоже подходящие. Я интересовался у совхозных шоферов, говорят: до трехсот в месяц выходит. Мой корешок по службе в Заполярье подался — длинные рубли на колеса наматываются. А по мне — пусть будут покорооче, но чтобы не чувствовать себя залетной птахой... Дадут жилье — останусь, и жена приедет... Я, кажется, говорил, что она у меня воспитательницей в детском саду?.. Училице закончила. Думаю, дадут ей работу — детский сад в «Андреевском» большой. Она и в школе может преподавать — в младших классах. Как вы думаете, дадут квартиру?..

В его голосе проскальзывает нотка беспокойства.

— Должны дать... Не в «Андреевском», так в другом каком-нибудь. Мало ли на целине совхозов?

— Я тоже так думаю... Но хотелось бы в «Андреевском».

С соседней койки — или это мне послышалось? — доносится вздох. И в темной нашей клетушке воцарилась тишина.

*С новым хлебом!
С новым счастьем!*

танды — это полтора часа автобусом. Думал: прозондирую, как и что насчет работы, да и обратно, а тут посмотрели: права второго класса, кандидат в члены партии, служил в стройчастях — крутил баранку, то есть не потерял шоферских навыков, и с ходу: «Принимай машину». А дальше дело известное: с автобазы командировали в «Андреевский», из совхоза перебросили в бригаду Черникова — возить зерно с тока на элеватор. Бывает, что и от комбайнов на ток возит. А зерно такое, что зачерпнешь горсть — руку на весу не удержишь. Хоть грузи в кузов и прямым ходом на ВДНХ. Ну и хлебище!.. Даже урожай пятьдесят шестого года, о котором ветераны рассказывают легенды, с нынешним и сравнивать — то нельзя. Это не его, Вильдово, мнение, это не он пересказывает со слов первоцелинников... Весь вчерашний день его «ЗИЛ» работал, как записано в уставе — «приказ начальника — закон для подчиненного», а под вечер заблажил. Неисправность вздорная, Вильд без чужой смелки обойдется. Но дотемна все же

В этом же доме—через стенку—красный уголок. Наверное, для комнаты, в которой по меньшей мере шестнадцать квадратных метров, обычно, когда ее называют уголком.

Закрываю глаза и снова мысленно вхожу в этот крупногабаритный уголок. На стене, прямо против входа, десяток грамот, и на самом броском месте—почетная, от Целиноградского обкома комсомола... Вымпелы... Их, если мне не изменяет память, семь... На длинном самодельном столе, напоминающем верстак, приемник с проигрывателем—рижский, завода ВЭФ. Куплен на премию. Так же, как магнитофон, который крутят сейчас девочки на току.

— Не для хвастовства, а в наидание молодому поколению,—кивнув на стену, усмехнулся человек средних лет и богатыйского сложения.

Подумалось: пожалуй, как раз такими были дородные добрые молодцы—богатыри из старорусских былин. Захотелось спросить: «Вас, часом, не Миклулю Селяниновичем зовут?»

— Босавец, Николай Николаевич,—назвал себя богатырь с просто душно-усмешливыми глазами,—управляющий отделением.

Это теперь Николай Босавец—управляющий, а до прошлого года он был бригадиром, а еще раньше... Родился Босавец в Белоруссии, в самом что ни на есть глухом уголке Полесья. На Пиндине. Детство совпало с войной, и про оккупацию он знает не по книжкам. Как-то, уже на целине, местный поэт сочинил про него стихи, в которых были такие строчки: «Совсем мальчишкой Босавец в колхозе бедном пас овец». Но рифма остается рифмой, если даже она очень звучная. На самом деле овец Николай не пас. На самом деле он с двенадцати лет пас коров. Что поделаешь, мать погибла в партизанском отряде, отец больной, а семья-то ведь кто-то должен кормить? «Целина сделала из меня человека».

Это собственные слова Николая Николаевича. В 1956 году он окончил училище механизации и с комсомольской путевкой приехал в Казахстан. Образование его, полученное—опять же по собственным словам Николая Николаевича—экстерном, ограничивалось шестью классами. На целине Босавец делал все, что входит в обязанности механизатора широкого профиля: пахал, сеял, убирал хлеб, ремонтировал технику. А по вечерам, после тяжелой работы, садился за учебники. Это в обязанности механизатора не входит. Но ведь, кроме обязанностей, есть еще и потребность. Внутренняя потребность. Босавец закончил вечернюю семилетку, потом заочный техникум, а когда в совхозе открыли филиал УМСХ, парторг сказал Босавцу: «Выучился, Николай? Научи других всему, что знаешь сам». И Босавец стал преподавателем. В 1973 году молодые механизаторы по примеру комсомольцев из соседнего совхоза «Подлесный» создали в «Андреевском» комсомольско-молодежную бригаду. Бригадиром ее по просьбе комитета комсомола директор назначил Николая Босавца. Уже в следующем году бригада Босавца, о которой никто в Целиноградской области и слыхом-то не слыхал, вызвала на соревнование знаменитую бригаду знаменитого Дитюка и выиграла первенство. Считанным, лучшим из лучших комсомольско-молодежных бригад было присвоено в том году звание коллективов имени 20-летия целины. В число этих лучших из лучших попала и бригада совхоза «Андреевский».

Вспомнилось, что говорил мне о комсомольско-молодежной из «Андреевского» Сергей Дьяченко—секретарь Целиноградского обкома комсомола: «Бригада эта знаменита стабильными из года в год, не менее чем стопудовыми урожаями. И еще тем, что со всеми работами хлопцы справляются собственными силами, а но-

вички, приходящие в бригаду, это свои же, совхозные. Пополнение бригада готовит исподволь и заблаговременно...»

Пять лет бригадировал Босавец в комсомольско-молодежной. В прошлом году его назначили управляющим отделением. На свое место Босавец рекомендовал Николая Черникова—лучшего механизатора бригады. Рекомендация эта была принята.

Босавец говорил обстоятельно. Он не вдавался в подробности, однако и главного не пропускал. В такт своим словам он помахивал сигаретой, зажатой между темными пальцами с обломанными ногтями. Соломинкой выглядывала сигарета в его большепалой руке.

Потом в красный уголок зашел Черников. Тоже под стать своему учителю—богатырски сложенный, с замедленными, но уверенными движениями. В этом человеке с первого взгляда чувствовалась сила. И не только физическая. Сперва он был мрачен, но это, как выяснилось, не из-за склада характера, а из-за заморозков, которые в Кокчетаве.

— Что раскис, герой?—улыбнулся Босавец.—Осень-то ведь золотая!

— Не за золото работаем,—мрачно буркнул Черников.

Босавец подмигнул.

— Правильно, хлеб дороже золота. Лицо Черникова оттаяло. На производственные темы он говорил с охотой. Я узнал, что на базе бригады создан уборочно-транспортный комплекс, работающий по ипатовскому методу, а поэтому он, Черников, официально именуется теперь начальником комплекса. Правда, ребята по-прежнему называют его бригадиром.

— Не скоро, наверное, привыкнет это непривычно звучащее—«комплекс». Но дело тут не в названии,—говорил Черников,—а в организации труда, совершенно иной по сути: работа крупными группами, коллективная ответственность за результаты труда, ставка не на рекордизм, а на взаимовыручку, на слаженное взаимодействие всех звеньев комплекса...

Он сказал, что хлеб очень трудный—местами полег из-за тяжести колосов, да и густота не везде одинакова—тем более что комбайны часто ломаются, а запчастей не хватает, и все-таки уборку урожая комплекс завершит не позже чем двадцатого, как и записано в обязательствах, которые они приняли всем коллективом, когда вставали на ударную корчагинскую вахту. А с каждого из 4092 гектаров они соберут по 19 центнеров зерна, хотя плановая урожайность—16,8 центнера, и в общей сложности страна получит от их комплекса 7774 тонны хлеба.

Я попытался представить себе, как бы выглядела вереница из десятитонных ЗИЛов с этими 7774 тоннами в кузовах, и не смог.

Цифры были интересные, но с помощью одних только цифр о человеке ведь не расскажешь, а говорить о себе Черников не хотел. Как только разговор отклонялся от производственных дел, он замолкал, и глаза у него были, как у спринтера, который разговаривает с журналистом, а душой и сердцем там, на дорожке, ведущей к финишу.

— Приехал я из Луганской области... В нашем комплексе плохих работников нет, все освоили целинный класс уборки. Но если вам нужны фамилии, записывайте: Гольцев, Герлох, Потапченко, Майко... Очень люблю украинские народные песни... В нашем комплексе девятнадцать комбайнов. Бывает, что сразу все работают на одном поле...

Вот оно, прямо перед глазами, удивительное это зрелище: широкое поле, всхолмленное вереницами серебристых, с прозолотью валков, светящихся как бы изнутри, и на фоне размытой голубизны оранжевые комбайны,

которые ползут, равняя строй, словно оранжевые кони в одной упряжке. А над полем, над комбайнами, над всей степью—белое сентябрьское солнце, лучи которого, подобно рентгеновским, просвечивают все насквозь.

Но главное удивление было, как оказалось, впереди. Мы с Черниковым приблизились к комбайнам. И тут я увидел, что управляют «Нивами» мальчишки—пятнадцати-шестнадцатилетние на вид. Черников, по видимому, подсмотрел у меня в глазах недоумение.

— Помощники,—пояснил он.—Помощники комбайнеров. Девятиклассники из нашей совхозной школы. Ребята сами—никто их не принуждал—решили на комсомольском собрании: поможем совхозу убрать урожай. В нашем комплексе двенадцать таких помощников. Славные ребята, старательные... Правда, сначала не все у них получалось, ведь теория—одно, а практика—другое. Самым трудным для них оказалось научиться скорости переключать, а без этого не обойтись: хлеб по густоте очень разный. Пришлось обучать на пальцах. Хлопчик в кабине, я—внизу. Поднимаю один палец—значит, включаю первую скорость, поднимаю три—значит, третью, ну и так далее... Особенно один мне по душе приглянулся—Виталий Ганзер. Упорный, все ему надо узнать до тонкостей. Жаль будет, если такой парнишка уедет в город,—вздыхнул Черников,—что он в городе найдет, еще неизвестно, а себя потеряет, он же прирожденный механизатор... А помощь от этих ребят такая, что больше любого «спасибо» стоит. Мы ведь по двадцать два часа работаем. А долго ли человек выдержит, если на сон ему остается всего два часа в сутки? Вот мы и разделили рабочее время таким образом: от зари до ужина работают помощники, а в ночь выходят опытные комбайнеры. Они, понятное дело, и днем не ваньку валяют—у своих комбайнов дежурство несут, чтобы, чуть что не так, прийти на помощь, но все-таки большое облегчение...

Наверное, вот это и имел в виду Дьяченко, когда говорил, что пополнение в «Андреевском» готовят исподволь и заблаговременно, думаю я. И тут же слышу:

— Про что бормочешь, корреспондент?..

Голос Вильды возвращает меня к действительности. Вероятно, забывшись, я и в самом деле начал вспоминать вслух.

— Удивительных мальчишек вспомнил...

Вильда с готовностью включается в разговор:

— Меня тоже один здешний мальчишка поразил. Представляешь, загрузил я зерном, собираюсь уже гнать на элеватор, тут-то он ко мне и подвалил. Зырк—влево, зырк—вправо: нет ли кого поблизости? И шепчет: «Подбросьте, пожалуйста, до Шортандов». А дело к ужину, уже автобус подошел, на котором всех этих пацанов-помощников на центральную усадьбу отвезят. Что такое, думаю, дружки по домам, а этому Шортанды понадобились. Короче, прихватил его, а в дороге выясняется: зуб у него разболелся, да так, что невтерпех. С самого утра разболелся, а он никому ни гугу: боялся, домой отправят. Целый день с зубной болью работал, представляешь? А после работы, втайне от дружок, решил смотаться в районную поликлинику... На следующее утро встречаю его здесь. «Ну, как зуб?»—спрашиваю. «Порядок, выдержу!»—отвечает... Вот какой поразительный мальчишка...

Мне все больше нравится этот Сашка Вильда. А сначала он вызвал во мне чувство неприязни. Когда я вошел в эту комнатенку на дое койки, он собирался ложиться. Стоял между койками. Майка не первой свежести, черные

сатиновые трусы до колен, так называемые «семейные», бакенбарды, как у его великого тезки Александра Сергеевича, а на плече наколка: «Нет в жизни счастья». Ну, и тип, подумал я, у меня в жизни тоже, может быть, нет счастья, но зачем же афишировать это перед всем грамотным человечеством? Откуда мне было знать, что он в чем приехал, в том и приступил к работе, только мыло купил в универсаме и одолжил полотенце...

Я улыбаюсь. А почему бы мне не улыбаться, если темно и Вильд не увидит, как я улыбаюсь? Снова закрываю глаза и вдруг отчетливо вижу обложку книги и на ней слова: «Не ходи нигде без сердца своего». Ну, конечно же, это название книги, которую держал в руке человек с белыми от пыли ресницами. На Шортандинском элеваторе—вот где это было...

Элеватор... К звездному часу привравнивают целинники жатву. Хоть и пафосно, зато очень точно. А элеватор? Если уборка—звездный час, тогда элеватор можно уподобить резервуару, в который стекаются материализованные в зерно, захватывающие мгновения этого звездного часа. У такого-то «временилицца» я и познакомился с краснотомом Траткевичем. В памяти—взрываются моторы, длинный хвост из грузовиков, разногосица сигналов, ругань и бетония; с азартным чириканьем носились ватаги воробьев-мародеров; не обращая внимания на людей, вперевалочку расхаживали безобразно расплывшие голуби; было пасмурно, хмурое небо грозило дождем, а очередь двигалась до умопомрачения медленно. Много, ох, как много машин томилось в этой очереди. Но автопоезд был один. Я вскошил на подножку и заглянул в кабину. Шофер оторвал глаза от книжки—воспаленные, злые глаза. «Что читаете?»—бросил я первое, что взбрело в голову, зная по опыту: для того, чтобы завязался разговор, гонится любой, даже самый идиотский вопрос. Шофер заложил страничку пальцем, закрыл книжку, сунул мне под глаза обложку. Я мельком глянул на нее, ведь на самом деле меня меньше всего интересовало, что он читал, этот томившийся в очереди шофер. И вот, надо же, оказывается, запомнил название—«Не ходи нигде без сердца своего». А говорил он о том, что водить стотонный автопоезд—труд невеликий, вот укрыть кузов и прицепы брезентом—да так, чтобы ни щели, ни дырки—это действительно морока, и по три часа дожидаться, пока хлебоприемники обработают автопоезд,—это тоже морока, что, конечно, он устает, но не так, как некоторые другие, что уставал бы еще больше, если бы работал не посменно, а сменщиком у него сын, тоже шофер с их же автобазы. «В общем, трудно, конечно,—говорил он,—но на то она и страда, что люди душой страдают за хлеб. Конечно, не мед торчат часами в очереди,—говорил он.—Но, с другой стороны, чем длиннее хвост с хлебом, тем большая гарантия, что в очереди за хлебом люди не будут стоять. Подумаешь об этом—и уже не злость, а радость на сердце...»

Вспыхивает спичка. Я поворачиваю голову: Вильд смотрит на часы. В обвислой майке, в нелепых «семейных» трусах стоит в проходе между койками и смотрит на часы.

— Три,—говорит он.—Пойду на ток, помогу девочкам. Все равно ведь не спится...

Три. Значит, в Москве полночь, а здесь скоро начнет светать. На рассвете выпадет густая роса и ребята заглубят комбайны, потому что мокрые валки подборщикам не по зубам, и можно послать, пока росу не высушит сентябрьское белое солнце. Я смотрю в чуть посветлевшее окно и думаю о людях, которые, послушавшись голоса сердца, пришли сюда, на этот остров в безбрежном хлебном море...

САЛЮТ

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные корреспонденты
«Смены»

«Зенит», я «Ястреб». Приготовиться к проведению тренировки, боеприпасов не брать...

Через 45 минут полковник Студенков вновь вызвал «Зениты», чтобы последний раз проверить готовность их перед стрельбой.

— Я «Зенит-1», к проведению салюта готов... Я «Зенит-5», к проведению салюта готов... Я «Зенит-16»...

Такие по-армейски сжатые, четкие фразы раздаются в московском радиэфире каждый раз, когда страна отмечает большой праздник, всенародное торжество. И вслед за этой «радиоперекличкой», будто по волшебству, небо над нашими головами озаряется сполохами огня, и кажется, что на нас обрушился звездный дождь. И гром мирных орудийных залпов на миг зависает в небе.

Салют!
 История наших советских салютов началась 5 августа 1943 года. Накануне командующий Московским округом ПВО Д. А. Журавлев был срочно вызван в Кремль. Генералу передали приказ Верховного главнокомандующего о проведении артиллерийского салюта.

Время на подготовку было минимальным. Но, несмотря на это, в тот же вечер 100 зенитных орудий и 24 горных пушки 12 залпами возвестили о том, что освобождением советскими войсками Белгорода и Орла завершилось величайшее в истории сражение на Курской дуге.

350 залпов произвели артиллеристы ПВО Москвы с августа 1943 по май 1945 года. В тот период существовало три вида салюта — 12 залпов из 324 орудий, 20 из 224, 24 из 324. Максимальное количество залпов давалось в основном в честь освобождения столиц союзных республик и других государств. Это была канонада победы, которая наполня-

ла сердца радостью, гордостью, верой в скорейшее приближение последнего, самого главного военного салюта. И он грянул 9 мая. 1000 орудий 30 залпами возвестили миру о конце войны.

...От основной асфальтовой дороги влево тянется узкая лента бетонки. Шагаем по ней, поглядывая на часы, — ровно в 10.00 мы должны быть у КПП части, в состав которой входит салютная батарея. Единственная в мире батарея, главная задача которой — в праздничные дни расцветивать огнями небо столицы. Тут надо сразу оговориться: салютов в году дается два, фейерверков 10—11. Сегодня — салют, в котором примут участие мортиры крупных калибров. И нам предстоит познакомиться с людьми, для которых праздники — самая напряженная работа. Впрочем, в остальные дни бойцы батареи тоже заняты обычным солдатским делом.

Работа была в самом разгаре. Артиллеристы распаковывали ящики с боеприпасами — белыми шарами разного диаметра — и заряжали стволы мортир, установленных в кузовах ЗИЛов. В каждой салютной машине помещалось 50 мортир калибра 195 миллиметров или 25-калибра 310. Руководил заряданием командир батареи капитан Александр Тишкин. Дело это тонкое и ответственное — достаточно обрыва одного из сотен проводов, и салютный шар останется в мортире. Это уже ЧП, ведь в каждом заряде заключена определенная цветовая гамма звезд. Не появившись они в небе в нужный момент, и пострадает общий рисунок праздничного салютного залпа.

Завидев нас, Тишкин спрыгивает с машины и идет навстречу.

— Вовремя. На первую салютную точку колонна скоро отправится. А пока можете познакомиться с нашим хозяйством. — Он кивает на ровные ряды машин и артиллерийских орудий, выстроившихся на плацу.

Орудия старые, еще военного образца, 85-миллиметровые. Именно такие защищали московское небо от гитлеровских стервятников. Но для салюта суперсовременные и не нужны, ведь зенитки дают только звуковой эффект, остальные делают мортиры.

В свободную минуту я спросил Тишки-

на, почему он избрал своей специальностью именно артиллерию.

— Военным стал из-за дяди, он был Героем Советского Союза, командовал орудием и погиб в последний день войны. Вот я и решил, что надо кому-то из нашей семьи встать к лафету. Окончил Полтавское высшее зенитное ракетное командное училище имени генерала армии Ватутина Н. Ф. с отличием, служил в ракетной части, потом доверили командование салютной батареей. Не скрою, принял назначение с гордостью. Салютовать в небе столицы — большая честь. Понимают это и наши бойцы. Каждый четвертый из них — белгородец. По давней традиции в нашу батарею приходят ребята с путевками Белгородского обкома комсомола. Город, в честь которого был дан первый салют в Москве, поддерживает с нами самую тесную связь.

Тишкин задумывается:

— Уж если мы заговорили о Белгороде, о первом салюте, то у нас просьба. Помогите найти участников первого салюта, или орудие, стрелявшее в Москве 5 августа 1943 года.

Что ж, адресуем эту просьбу нашим читателям — ветеранам войны, воинам-комсомольцам, участникам походов по местам боевой славы. Редакция ждет ваших сообщений.

... — Разрешите, — я беру из рук младшего сержанта один из белых шаров, прикидываю на вес — он далеко не воздушный.

— Осторожнее, а то звезды рассыплются, — шутит Александр Щербаков.

Он и бойцы его отделения заряжают последнюю установку. При этом соблюдается максимум предосторожностей — салютные шары, несмотря на мирное предназначение, как и любые боеприпасы, заключают в себе взрывчатое вещество. От каждого шара тянулись проводки, которые Щербаков тщательно осматривал, но к общей схеме не подключал — рано. Работа была для него привычной и двигалась быстро: как-никак на счету Александра участие почти в двадцати салютах и фейерверках. Я спрашиваю у него, как устроены заряды. Он, попросив листок из моего блокнота, рисует схему.

— Все сравнительно просто. Внизу у них своеобразная пороховая платформа

с электровзрывателями. Электрический разряд поджигает порох, и шар выстреливает из мортиры. Одновременно загорается пороховой замедлитель — стержень, соединяющий центральный пороховой заряд с платформой. Он горит ровно столько времени, сколько требуется шару, чтобы взлететь на высоту 350—400 метров. Там центральный заряд взрывается, поджигая десятки, сотни цветных маленьких зарядов, это и есть салютные огни. Зная, какого они цвета в каждом шаре, можно составлять различные варианты салютного залпа.

Художник, который расцветивает в праздники московское небо, соблюдая при этом необходимые пропорции огненных красок, — все тот же командир батареи. Накануне очередного салюта или фейерверка он составляет своеобразный «репертуар» и расцветку всех залпов. При этом, естественно, учитывается, какой праздник отмечает страна. Например, в День космонавтики первый залп будет, конечно, «Звездное небо», а потом уже — «Зарница», «Мерцающие звезды», «Уральский самоцвет», — каждый залп имеет свое название: есть и «Сказка», и «Майские звезды», и «Огни Победы», и «Кумач»...

Принимается во внимание и расположение салютных точек, их в столице ровно двадцать. Каждая кладет свои огненные мазки на общую картину неба. «Репертуар» и расцветку салюта утверждают в штабе округа, подходя к делу с не меньшей ответственностью, чем высшее жюри при оценке работы художника.

В 12 часов 30 минут общее построение. На солдатах и офицерах парадная форма. Они сегодня на виду у всей столицы. Через несколько минут после инструктажа (уточняется маршрут, порядок движения и прочее) первая колонна выкатывается за ворота части. Салютные машины, которым предстоит стрелять у Кремля, гостиницы «Украина», на площади Восстания, у ВДНХ и в других местах, выедут позже. Мы едем с первой, главной колонной, на Ленинские горы, где, кроме

Окончание на IV-ой обложке.

Они сразу увидели друг друга: он — девочку в белых носках, с узором царапин на загорелых коленках, она — его, рыжего, кудрявого, с пропеллером на спине.

— Мама, смотри: Карлсон!
Мама посмотрела на Карлсона, потом на цену, потом на дочку и опять на Карлсона — и судьба рыжего человечка была решена.

— Не запакуйте-ка его, — сказала девочка продавщице, — я его так понесу.

Это была прекрасная идея: провести Всесоюзную ярмарку детских товаров в Год ребенка, собрав в Горьком игрушки, сапожки, платица со всей страны. Ведь они могли и не встретиться, эти двое: девочка родилась в Горьком, а Карлсон — на Московской фабрике игрушек имени 8 Марта.

А для старинного города, раскинувшегося по берегам двух великих русских рек, эта идея оказалась счастливой еще и потому, что старинная Нижегородская ярмарка обрела свое новое лицо — лицо счастливой девочки, прижавшей к груди игрушку.

Никто не знает точно, когда родилась эта ярмарка, ставшая самой знаменитой в России. «1624 год почитается многими настоящим годом ее основания», — пишет в своих «Очерках Нижегородской ярмарки» В. П. Безобразов. Располагалась она в то время в 80 верстах от Нижнего, напротив знаменитого села Лыскова, под стенами построенного иноком Макарием в XV столетии Желтоводского (Макарьевского) монастыря. Монастырские сте-

следующем году ярмарочная торговля началась на новом месте. (По старой привычке ее продолжали называть Макарием.) Это место — угол, образующий напротив Нижнего Новгорода слиянием Оки и Волги — известно нынче каждому русскому.

Сегодня район «Стрелки» с площадью Ленина — главной площадью города — стал центром, а во времена Пушкина слобода Кунавинская, связанная с Нижним одним лишь плавучим мостом, была настоящей городской оахисой. Тихая девять месяцев в году, она с июня по сентябрь становилась неузнаваемой. Вот какой увидел ее Евгений Онегин:

.....перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилем своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды,
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

В конце 20-х годов нашего столетия ярмарка перестала существовать, от всероссийского торжища остался только Главный дом.

Ярмарки не было. Но спросили бы вы тогда жителя улицы Провиантской:

— Где живешь?

Он бы ответил:

— На ярмарке.

У места, где некогда собирались представители 50 племен Европы и Азии, осталось веселое, золотое, как брэнчание бубенчиков в колпаке скорморохов, имя — Ярмарка!

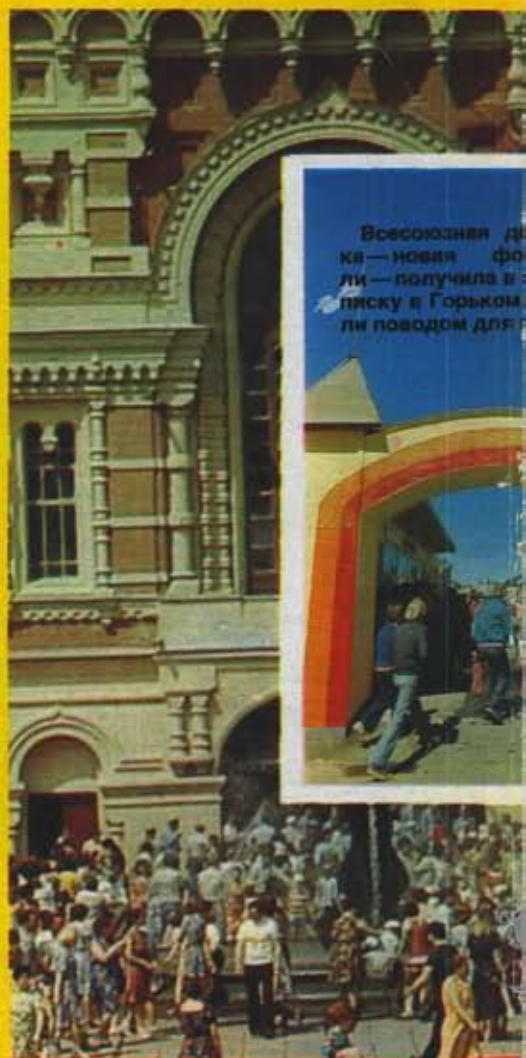
красками, нарядили продавщиц в красные сарафаны и кокошники, они поставили перед Главным домом качели и карусели, вывесили разноцветные флаги и установили ларьки с квасом. Надо было видеть, как загорелый до черноты канавинский мальчуган с удочкой, в закатанных по колено штанах, запрокинув голову, вытрясает из стеклянной кружки последние, самые вкусные капли кваса. А этот, задавшись, по всей видимости, целью обойти все ярмарочные аттракционы, тянет отца за рукав.

— Ну, пап, последний разок, а? На олене, а?

Теперь, если в Горький приезжал знаменитый Болдинский фольклорный хор, то где он выступал? Конечно, на ярмарке. Бесстрашные мотогонщики по вертикальной стене раскидывали здесь свои шатры. Луна-парк выбирал ярмарку местом своей стоянки...

С годами все очевидней становилось, что главный хозяин ярмарки — тот самый загорелый любитель кваса с удочкой на голом плече. Тогда исчезли буквы ГТД с фасада Главного дома и появились новые: «Детский мир». И вырос сказочный городок с мельницей, с флажками на башнях, воротах, за которыми — опять же павильоны, но теперь уже с иным товаром.

А в таверне «Три пестряка» высокие столы и стулья сменились на детские, в кафе «Ручеек» появились фигурные пряники — зайчики с белочками, а у дверей кафе «Медвежонок» встало чучело настоящего медведя, протягивающего на полотенце круглый каравай. За неделю студенческий стройотряд «Арфа» из бревен, пней и коряг сотворил чудо под скромным, типовым названием «Детская игровая площадка» — и помолодела древняя Нижегородская ярмарка, а с июня нынешнего

Всесоюзная ярмарка — новая фольклорная площадка в Горьком — повод для радости.

ИЗЮМИНКА

Эта ярмарка — большой ребячий праздник...

ны да песчаные мели, перегородившие в этом месте Волгу, — надежная защита купца от разбоя и грабежа — и послужили причиной возникновения ярмарки именно здесь, на перепутье Европы и Азии. Еще учитель Петра I Никита Зотов говаривал, что «Макарьевская ярмарка есть зело важное сходбище, о нем всегда думать подлежит».

К началу XIX века, однако, стали особенно очевидны недостатки месторасположения Макарьевской ярмарки. Левый, луговой, берег Волги постоянно заливался, дороги к Макарию лежали через болота и овраги — можно представить себе, какие это были дороги! Кроме того, город Макарьев малолюден, глух, и существование «базара России, менового двора Европы и Азии» где-то на отшибе (когда в двух шагах знаменитый купеческий Нижний!) многим казалось недопустимым.

Судьбу ярмарки решил пожар в 1816 году, дотла спаливший ее. И уже в

Продавщицы надели яркие русские сарафаны и кокошники.

Не могла она умереть, сплунуть навсегда, исчезнуть — и она воскресла!

Уже в наше время, в шестидесятых годах, началась реставрация Главного дома. На его фасаде появилась эмблема: ГТД. (В Москве — ГУМ, ЦУМ, а в Горьком — Горьковский Дом торговли.) Вокруг него, как лодки вокруг корабля, собирались новенькие павильоны. И в 1971 году, когда город праздновал свое 750-летие, впервые после многолетнего перерыва ярмарка, говоря языком отчетов, возобновила свою работу. А по существу, возобновил свою работу праздник, у которого нет своей странички в календаре, но есть свои традиции. И эти традиции устроители ярмарки по мере сил и возможностей стремились сохранить. Они расписали павильоны яркими

года стала она Всесоюзной ярмаркой — смотром детских товаров, над выпуском которых шефствует комсомол.

Эхо барабанов, открывших Всесоюзную детскую ярмарку, прокатилось по страницам газет и затихло: разъехались почтенные гости со всего Союза — работники министерств, комсомольские руководители, специалисты, члены сквозных бригад. А ярмарка осталась, и каждый ее новый день — это новый экзамен, который она устраивает нам, взрослым.

Каковы же уроки этого необычного, пожалуй, единственного в стране детского базара? Какую оценку поставили дети своим взрослым шефам?

Девочка, у которой на столе сидит теперь московский Карлсон, конечно,

...Вышли на ярмарочную площадь и лотчицы. Чего только нет в их сказочных лукошках!

Детская ярмарка в Горьком торжественно открыта. Ее уроки ставились в Ленинграде.

поставила пять с плюсом. Но они с мамой сразу же уехали домой и не видели, что румяных, улыбающихся, рыжеволосых человечков разобрали в первые же часы после открытия ярмарки, не видели давки за фломастерами, которые она привезла на смотр-конкурс: их раскупили за два часа. Не увидела «своей» продукции и Анна Пузанова, начальник отдела Министерства легкой промышленности БССР.

— У меня такое впечатление, что ее продали до открытия ярмарки,— уверяет она.

Произошло удивительное: комсомольцам, приехавшим со всей страны посмотреть распродажу товаров, над выпуском которых они шефствуют... нечего было смотреть! По существу, не было никакого смотра, никакой выставки. Правда, широкие витрины «Детского мира» были отданы отдельным предприятиям, но Москва почему-то выставила в июне... меховые зимние шапки, а ленинградский «Скорход» — осенние туфли... сорокового размера. И почему все-таки рядом с московским Карлсоном не висел над прилавком Карлсон горьковский, родившийся на фабрике «Мир» в эскизах Лены Большаковой? Смотр так смотр, конкурс так конкурс!

— Конечно, нужно было оформить специальную выставку из товаров всех семидесяти четырех поставщиков — тогда сразу было бы видно, что хорошо, а что плохо,— сказала секретарь комсомольской организации горьковской фирмы «Детский мир» Ирина Тысячнова.— Но это оказалось

ленности страны не все олагополучно. Не надо быть большим специалистом, чтобы сказать: детские колготки — до сих пор дефицит, хорошей, мягкой детской обуви, как говорится, днем с огнем не сыщешь, детских тканей мало, а их расцветки отпугивают даже самых непривередливых покупателей. Но с кого спрашивать, если смежники, поставщики сырья, химиков, фурнитурщиков на ярмарке не было!

Вот и читали ребята доклады по бумажкам... Только одно выступление заинтересовало всех: Надежды Старовойтовой, руководителя челябинской торговой фирмы «Гарантия». Она рассказала об удивительной форме торговли, исключающей брак, делающей ненужным службу ОТК, когда товар прямо с предприятия, минуя базы, идет на прилавок и каждая швея знает, какую оценку дал покупатель именно ее изделию. Но доклад Надежды Старовойтовой был последним, «под занавес», даже корреспонденты не успели задать ей и пары вопросов — Надежда опаздывала на самолет.

Идея ярмарки-смотра только тогда увенчается успехом, когда соберутся все те, от кого зависит качество и ассортимент детской продукции, и сами встанут за прилавок бок о бок с продавцами, чтобы своими глазами увидеть, какую оценку ставят их работе ярмарка.

Хорошие товары из разных городов и республик были моментально раскуплены, потому что уж очень мало пришло их на ярмарку.

Предвидя это, горьковские работники торговли заранее накопили товаров на 5 миллионов рублей — и детская ярмарка работала почти два месяца, и никто не ушел без покупки. И без

бы контора могла поместить его совершенно сему заявлению в приличное место».)

Теперь представьте Башмачный ряд на нашей детской ярмарке. Стоят лавки с названиями городов, фирм, предприятий. А за прилавком, рядом с продавцами, — представители города, фирмы, предприятия. И вот у соседней лавки — море голов, а у моей — два-три равнодушных лица. Обидно! И исчезнут тогда с прилавков плохие, «неходовые» товары.

Ярмарка — это зрелище. В старину сюда приезжали не только за покупкой, но и просто потолкаться, людей посмотреть, себя показать. Старая Нижегородская ярмарка буквально набита была зрелищными предприятиями самого разного сорта: от драматического театра (где почему-то шли исключительно классические трагедии) до простонародного, лубочного раешника.

Впрочем, возможностей потолкаться и у современного человека предостаточно, а вот поглазеть... Детскую ярмарку в Горьком открывали скоморохи, из широких дверей Главного дома вышли на площадь лоточницы, которых сразу же окружил народ: игрушки у них те же самые, что и на прилавках, но куда приятнее купить мягкого резинового ежика, добытого со дна лукошка девишкой с яркой, как ее сарафан, улыбкой! Однако назавтра уже не было ни скоморохов, ни лоточниц.

Детская ярмарка делает первые, правда, еще робкие шаги по пути зрелищности. Вот пример: в павильоне «Мальвина» продавали кукол две девушки в голубых кукольных платьях, с белыми кукольными волосами и словно нарисованным румянцем на щеках. Две Мальвины. Но если есть

на счастье

Ярмарка — это еще и захватывающие дух аттракционы...

...и веселые скоморохи.

невозможным: основная масса продукции гостей поступила на базы всего за день до открытия ярмарки. Вот и пришлось оформлять витрины ленинградскими «Скорходами».

Главная цель ярмарки — сравнить товар из разных городов и республик, выбрать лучшее, посмотреть: а как то же самое делают соседи? — оказалось недостижимой. Вот почему и школа передового опыта, занятия которой проходили во второй день ярмарки, не дала ожидаемого результата. По очереди выходили на сцену комсомольцы, читали по бумажке заранее приготовленные доклады. Им не о чем было спорить, некого критиковать, не перед кем краснеть.

А между тем именно с детским ассортиментом товаров легкой промышлен-

ности. И без хорошего настроения.

Но улыбок и хорошего настроения могло быть больше. Ведь какие возможности, какие перспективы открывает нам древняя, полузабытая «форма торговли» — ярмарка!

Ярмарка — это соперничество. Плохо, когда его нет, когда покупатель лишен права выбора и вынужден брать то, что ему дают. (На Нижегородской ярмарке в былые времена стояли лавки, в которых постоянно торговали одни и те же купцы. Так сказать, фирменные лавки. Они объединялись в ряды: Свечной, Бумажный, Серебряный, Суконный, Зеркальный — до сотни рядов. Прежде чем открыть лавку, каждый купец должен был объявить, какой именно товар составит его главный торг, «да-

Мальвина, должен быть и Буратино, продающий азбуку или ириски «Золотой ключик». А на крыше одного из павильонов можно построить домик Карлсона, где «мужчина в самом расцвете сил» с маленьким пропеллером на спине будет продавать леденцы, и машины, и петухов — ведь у него их десятки тысяч. А кукольный театр? Ведь только в Горьком немало их, словно специально созданных для детской ярмарки!

В старину в бутылки с русским квасом клали изюминки — на счастье: у кого изюминка, тому повезло. На Горьковской ярмарке продается напиток «Изюминка» — дети его очень любят. Вкусный напиток, его готовили по специальному старинному рецептам, но изюминку на дно бутылки не положили. Детской ярмарке пока еще тоже не хватает своей «изюминки», но и сейчас уже ясно: эта «новая форма организации торговли» таит в себе неисчерпаемые возможности. И главное уже есть: ярмарка!

А ярмарка — это праздник!

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Вместе с сержантом милиции Виктором Ивановичем Бессоновым они, как обычно, обходили свой участок в поселке Ангарский. Стемнело, когда их вызвали по рации и сообщили, что на одной из улиц происходит драка. «Пресечь хулиганские действия!» — последовал приказ дежурного по райотделу.

...Посреди безлюдной улицы стоял, нагнувшись и широко расставив ноги, косматый верзила и орал что-то нечленораздельное. В руке его блеснул нож. Недалеке, у изгороди палисадника, лежал, скорчившись, парень, а около него присела на корточки девушка.

— Займись раненым, — приказал Твердохлебу Бессонов, — а я — этим.

— Как же один? — вырвалось у Николая.

— Выполний, — не оборачиваясь, сказал тот и пошел на бандита. Николай, не отрываясь, смотрел на своего наставника. Тот шел спокойно, уверенный в своем превосходстве, словно не видел ножа. И бандит не выдержал, струсил, бросился бежать. Тогда Николай рванулся наперерез и резкой подсечкой бросил его на землю.

Позже Николай спросил у Виктора Ивановича, почему он пошел один на преступника.

— Скоро поймешь, — усмехнувшись, ответил тот.

Теперь-то Твердохлеб знает, что в этом поступке опытного сотрудника ми-

МА

лиции проявилась забота о нем, неумелом, не подготовленном к таким операциям. Старший хотел отвести опасность от младшего. Николай знал по рассказам отца, что так поступали и фронтовики, оберегая новобранцев.

...Вспоминая об этом, Твердохлеб поднялся до половины кургана. Там, далеко внизу, стальной голубизной отливает на солнце широченное полотнище Волги. Все, что вдали, едва колыхается в жарком полуденном мареве. А здесь — ветер.

Здесь всегда ветер. Иногда ласковый, освежающий, а чаще злой и колкий. Кажется, стонет все вокруг, и слышится тогда отзвуки оружейного грохота...

До вершины осталось совсем немного, но идти было тяжело — ноги стали непослушными. Подумалось, хорошо еще товарищи не видят его в эти минуты.

Стиснув зубы, он двинулся дальше, вверх, и вот тут-то, когда показались, что так и не удастся одолеть подъем, в памяти возник тот, самый страшный день в его жизни.

Спускались сумерки. Наряды ночной милиции Дзержинского отдела внутренних дел после инструктажа разошлись по маршрутам. Два младших сержанта — Твердохлеб и Сиваков — отправились на свой участок. Побывали в общежитии, прошли по вечерним улицам. Дошли до перекрестка, приостановились, разговаривая, и уже направились в переулок, как увидели в хлебном магазине яркий свет. Николай глянул на часы — 21.20. Торговля уже прекращена, должны гореть только дежурные лампы.

Тревога! И оба бросились к магазину. Боковым зрением Твердохлеб заметил, как за угол метнулась тень.

— Догнать! — приказал он Сивакову, а сам распахнул дверь магазина. Около сейфа, повернувшись к нему спиной, орудовал ломом широкоплечий человек с короткой прической.

— Руки вверх! — командовал младший сержант. Неизвестный резко обернулся. За годы службы в милиции Твердохлеб научился с первого взгляда распознавать людей. И он тут же понял, что

перед ним не подвыпивший прохожий, случайно забредший в магазин через оставленную незапертой дверь, а матерый преступник, наверняка вооруженный и готовый к сопротивлению.

— Лицом в угол, — твердо произнес Николай, выхватывая пистолет и быстро подходя к вору.

Звякнул упавший на пол лом, а тот, кто его только что держал, медленно поднимая руки, повернулся к стене.

Первая психологическая схватка была выиграна. Замешкался Николай, проявил неуверенность, этот человек тут же бросился бы на него, почувствовав в нем слабого противника. Твердохлеб заметил, как зло смотрели на него глубоко запавшие, слегка прищуренные глаза, но ни страха, ни отчаяния в них не было.

Держа в одной руке пистолет, Твердохлеб тщательно проверял одежду задержанного. В карманах ничего не было, но когда Николай стал ощупывать рукава, преступник резко обернулся, выхватил оттуда нож. Николай успел отклониться от профессионального удара, нацеленного в шею. Но резкая боль пронзила левую сторону лица.

(Позже товарищи спросят его, почему он не стрелял в этот момент, почему, рискуя погибнуть, пытался задержать преступника, применяя приемы самбо, то есть не нападал, а защищался. Николай ответил: «Человека было жалко».)

В завязавшейся борьбе Николай почти ничего не видел: кровь заливала глаза. Он на ощупь проводил приемы, но всякий раз преступнику удавалось вырваться. Николай действовал ногами и только одной рукой: другой он удерживал вооруженного бандита.

Боль все усиливалась, становилась нестерпимой, сильно кружилась голова. В какой-то момент схватки Твердохлеб выпустил руку преступника. Тот тут же нанес ему два удара в грудь и что было сил рванулся.

Лежа на полу, Николай пытался сделать подсечку, но промахнулся. Тогда, собрав последние силы, Твердохлеб выстрелил. Выстрелил по ногам рванувшегося к дверям преступника. И тот, раненный, осел возле стены.

— Пристрели! Все равно вышка, — прохрипел он навстречу поднимающемуся Твердохлебу.

— Я тебе не судья, — через силу ответил Николай. Он с трудом добрался до телефона, сообщил о происшествии в райотдел.

Вскоре подъехали две машины «Скорой помощи»: одна — для потерявшего много крови младшего сержанта милиции Твердохлеба, другая — для преступника.

Сейчас Николай будто заново пережил те минуты. Воспоминания взволновали и придали сил. Через несколько минут он был на вершине кургана, у подножия памятника, и замер там, глядя на Волгу, на терявшиеся вдали перелески.

Прошло несколько дней. Николай постил дома, у матери.

Однажды, вернувшись с прогулки, застал маму в слезах.

— Что случилось? Что с тобой? — бросился к ней Николай. Елизавета Григорьевна сквозь слезы улыбнулась.

— Это я так, это ничего. Я от радости, — прошептала она, прижимая к себе голову сына, — телеграмма тебе пришла. Вот читай.

Николай пробежал короткий текст. Начальник управления внутренних дел Волгоградского облисполкома генерал-майор милиции Константин Дмитриевич Иванов поздравлял Твердохлеба с награждением орденом Красной Звезды.

К вечеру в доме собралась чуть ли не вся деревня. Соседи, близкие, знакомые и даже незнакомые люди пришли поздравить своего односельчанина. Николай в парадном мундире сидел во главе праздничного стола, черная повязка прикрывала глазную впадину. А в левом кармане кителя, рядом с комсомольским билетом, лежала поздравительная телеграмма.

В это время в Волгограде дежурный по управлению внутренних дел принял телеграмму от Твердохлеба. В ней было всего три слова: «Служу Советскому Союзу».

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Во многих письмах читатели просят продлить срок, в течение которого можно прислать вопросы на конкурс эрудитов.

Пользуемся случаем и еще раз сообщаем условия конкурса.

Круг вопросов конкурса неограничен, в замысле — провести пять туров, каждый из которых будет состоять из двадцати вопросов. Победители каждого тура определяются отдельно. Призы — книги.

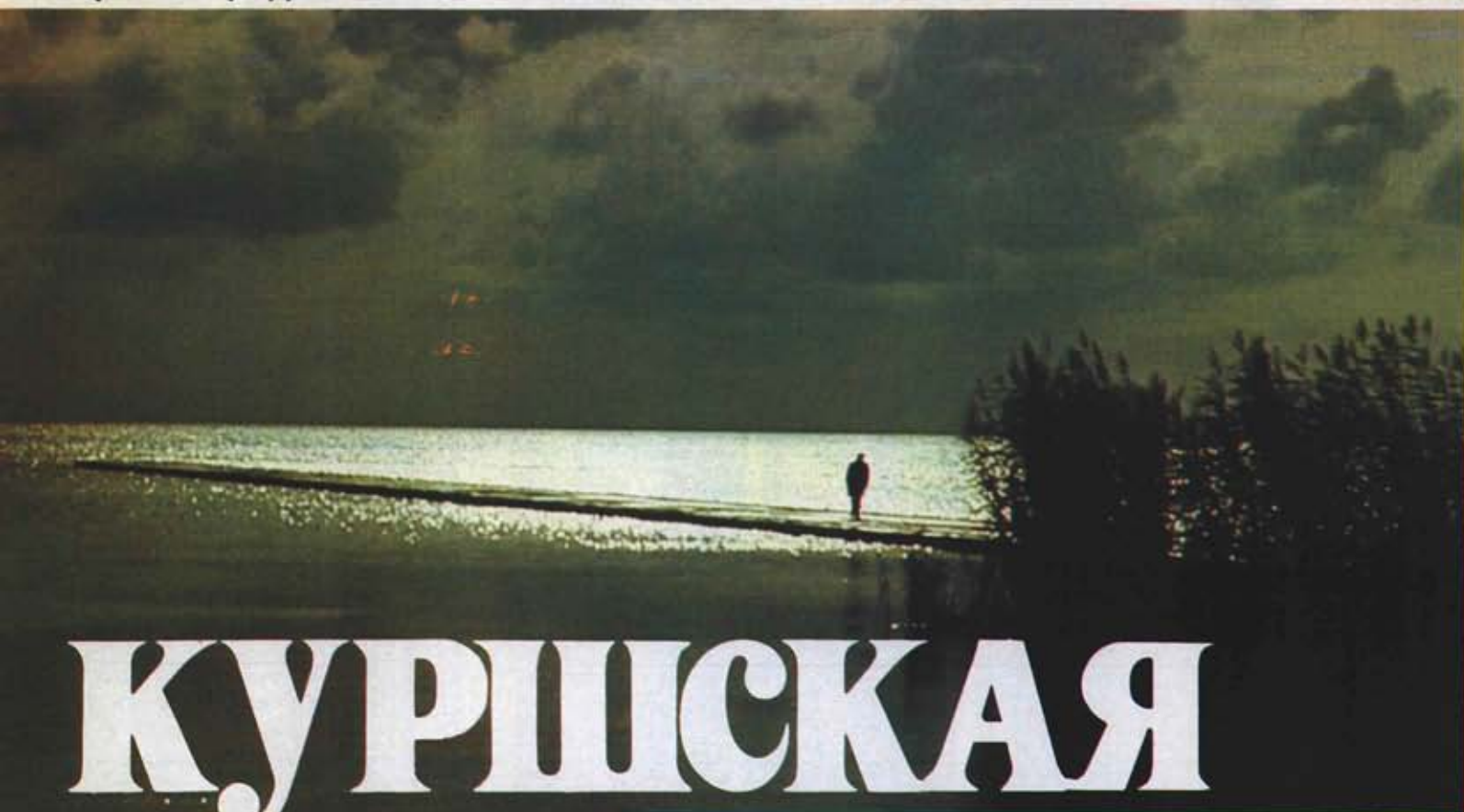
Но вот вопросы — вопросы для пяти туров, то есть пять раз по двадцать — мы предлагаем задать самим читателям. Это вовсе не значит, что от каждого требуется по двадцать вопросов. Пришлите хотя бы один. (И не забудьте дать на него точный, исчерпывающий ответ со ссылкой на первоисточники.) В качестве образца называем такой вопрос: «В нашей речи мы порою прибегаем к выражению «безбрежное море». А существует ли в действительности такое море, то есть море, не имеющее берегов?» Из лучших и интереснейших вопросов составятся пять туров. Имена авторов вопросов будут указаны в журнале.

Ждем ваших вопросов, дорогие читатели!

Конкурс эрудитов — ваш конкурс.

Вопросы задаете вы, отвечаете на них тоже вы.

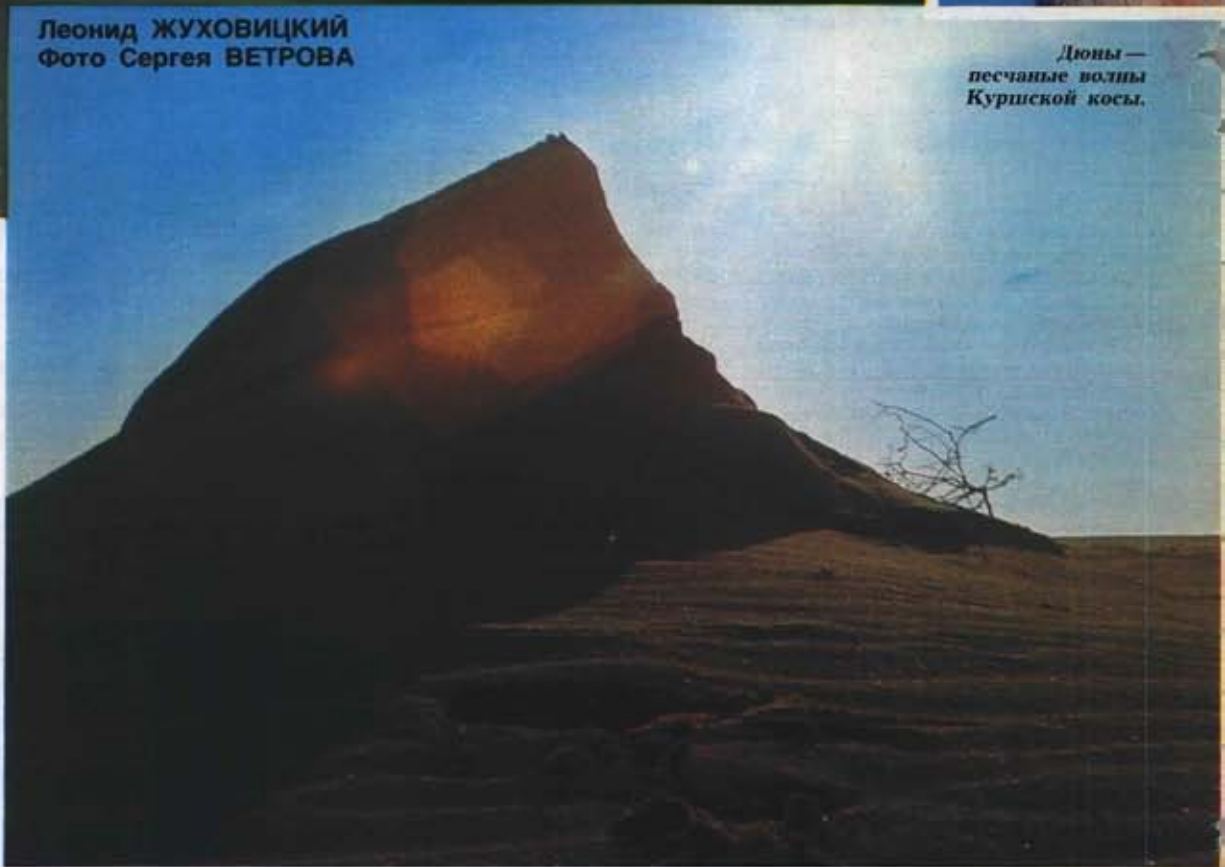
Срок отправки вопросов для всех пяти туров — 31 декабря (по почтовому штемпелю).

КУРШСКАЯ КОСА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Фото Сергея ВЕТРОВА

Дюны —
песчаные волны
Куршской косы.

Когда бог раздавал разным народам землю, все пришли на это мероприятие вовремя, а грузины опоздали. Приходят, говорят: нам тоже нужна земля! Что делать богу? Поругал, повздыхал, а потом все-таки отдал кусочек, который припрятал для себя...

— Когда бог раздавал людям землю, все получили что надо, а азербайджанцы опоздали...

В разных краях слышал я эту байку с географическими вариациями — и в Кахети, и в Ленкорани, и в Абхазии, и в молдавском селе, и в Крыму. Ничего удивительного: страна наша не только огромная, но и удивительно неповторима, я бы сказал, расточительно красива. Божественного вида кусков земли хватает.

Но в веселой легенде про «хозяина» Вселенной, вынужденного уступить собственную усадьбу самому неторопливому племени, есть, мне кажется, один изъян. В качестве лучшего, самого лакомого куска выступают в ней почему-то только яркие, жаркие, солнечные края.

Конечно, если «создателя» представлять себе в виде южанина, темпераментного, азартного, любящего компанию и хорошее вино; тогда участок для себя он и должен был зарезервировать где-то поблизости от Черноморского побережья. А если вообразить его иным: немолодым, сосредоточенным, усталым мастером, с грустной самокритичностью вззирающим на в общем-то состоявшийся, но, увы, несовершенный мир? Если увидеть в его глазах страсть и тоску взыскательного художника?

Тогда, пожалуй, надо поискать озорной байке другой конец.

Тогда, пожалуй, бог придержал бы для собственных нужд иную территорию: скажем, влажно-зеленую полоску земли, по которой так хорошо пройтись в задумчивости, где никакие красоты природы не швырнут себя в глаза, с детским эгоизмом обрывая едва засветившуюся мысль. Тогда он скорее всего оградил бы эту «зону мышления» от любопытных и праздных широкой водой, но не синей, а пасмурно-серой — серым морем и серым заливом. Тогда он, вероятно, населил бы ее живыми тварями, полными спокойного достоинства, уважающими тишину и чужую жизнь.

Словом, тогда из песка и сосен он создал бы и приберег для себя Нерингу. Может, так оно и произошло?

Ну, а то, что досталась она литовцам, не удача, а простая справедливость.

Медлительность и молчаливость литовцев вошли в пословицы и анекдоты. Но поскольку анекдоты эти придуманы самими литовцами, они говорят вовсе не о флегматичности народа, а лишь о чувстве юмора, полном отсутствии чванства и завидной трезвости ума. Нет, литовцы вовсе не флегматики — они углубленные в себя и дело мыслители и мастера. Да, они редко торопятся, но не потому ли так много успевают?

Литовские градостроители едва ли не лучшие в стране: тысячи людей приезжают в Вильнюс изучать архитектуру новых районов и просто любоваться ими. Литовские поэты не гонятся за вкусами читателя, но читатели гонятся за книжками Межелайтиса и Марцинкявичуса. Литовские дороги справедливо считаются у автолюбителей образцовыми. Литовские актеры неспешны даже в детективных фильмах, но как стремительна слава неторопливого Баниониса!

Короче, пусть у популярной легенды появится еще один вариант: бог соорудил для себя Нерингу и отдал ее трудолюбивым, задумчивым и самокритичным литовцам.

Туристская карта-путеводитель рассказывает: «**НЕРИНГА.** Ландшафтный заказник и одновременно город-курорт на Куршской косе с административным центром Нида. Главная достопримечательность края — высокие песчаные дюны. Песчаные пляжи, разнообразие ландшафтов, горная сосна и редкие растения, особая архитектура рыбацких поселков привлекают сюда тысячи туристов». Но попасть в ландшафтный заказник не так-то легко.

Неринга начинается с парома. Короткое, вдоль и поперек симметричное судно принимает несколько машин и отправляется в свой недлинный путь — из Клайпедского порта к причалу Куршской косы. Справа море, слева залив, другого пути нет, разве что за триста километров в объезд. Паром невелик, машин летом много — порой приходится ждать и по часу и по два. Автомобилисты ворчат: весь пролив — только что камень не перебросишь, давно бы мост построили...

Но мост не строят. И правильно делают. Раз мост — значит, удобная дорога, кратчайший путь между Клайпедой и Калининградом. Значит, рас-

Двести лет назад здесь родился поэт Людвикас Реза.

Деревянные, с островерхими крышами домики Неринги органично соседствуют с природой.

ширять шоссе. Значит, утроится поток машин. Значит, автомагистраль. А стоит ли превращать ландшафтный заказник в полосу отчуждения при автомагистрали?

Та же карта честно предупреждает: «В целях охраны природы Куршская коса объявлена заказником с особым режимом. Туристы могут попасть сюда по специальным пропускам в сопровождении гидов экскурсионных бюро Литовской ССР».

Паром, пульсируя, как хорошо отлаженное сердце, перегоняет через пролив ровно столько людей и машин, сколько Неринга может принять, не переставая быть Нерингой. Что ж, ворота в рай и должны быть узки...

Через всю косу идет шоссе—полоска асфальта, ровная и аккуратная, как стальная лента, выскакивающая из рулетки. Не широка, но как раз: два «Запорожца» прекрасно разъезжаются, не царапнув друг друга дверными замками. Покрытие литовски качественное: на спидометре сотня, а скорость не чувствуется... Но не надо сотни на спидометре.

В Нерингу следует приезжать усталым. Мне в этом смысле повезло. Был вечер, начало десятого, благодаря июлю, ранние сумерки. И, едва мы въехали в лес, ощущение шоссе пропало—въехали в лес, и все. Справа сосны, и слева, и над нами тоже они, и впереди их шуршащая зелень, и в зеркале заднего вида ничего, кроме них, разве что просветы берез. Дорога, как вежливая гостыня, сжалась, стремясь занимать как можно меньше места и не тревожить хозяина.

Мы тоже притихли и сжались, как эта дорога. Уж очень хорош был лес вокруг: свежий, спокойный, местами довольно густой, но даже для ребенка не страшный—чистый лес на чистом песке. Такие леса придумывают для любимых героев мягкосердечные сказочники. С путеводителями не спорят, но все же рискну внести поправку: главная достопримечательность косы—настроение, которое она создает...

Фантазия природы.

Нас обогнал какой-то «Москвич», но мы, самолюбивые, как все автолюбители, сейчас пропустили его без всякого сожаления: с одной стороны, вроде бы и ехали, а с другой—старались как можно дольше пробыть в этом лесу. А «Москвич», обогнавший нас, вдруг повел себя нелепо: резко остановился, поколебавшись, попер задним ходом, вновь тормознул и, постояв так сколько-то, ушел, наконец, за поворот. Мы смотрели на эти телодвижения и недоуменно предлагали варианты: то ли впереди дорожный знак, то ли колпак соскочил, то ли водитель чудак.

А потом мы сами повели себя нелепо: резко остановились на повороте, поколебавшись, поперли задним ходом, вновь тормознули и стояли очень долго. Объяснялось это вот как. Метрах в тридцати от дороги, на полянке, не столько поросшей, сколько украшенной десятком молодых березок, стоял лось. Мы стояли, и он стоял.

Зверь был молод, но не мал, уже достиг положенных породой размеров—не лосенок, а лось. Он твердо стоял на своих сильных, несоразмерно длинных ногах, но, пожалуй, именно из-за них и казался хрупким и незащитным, вроде голенастого подростка-акселерата, которого так хочется погладить по голове, хотя для этого иной раз надо бы влезть на табуретку.

Мы смотрели на него с любопытством и восторгом. Он на нас—с умеренным интересом и без восторга: мало ли тут шляется разных автомашин! Потом повернулся к нам боком и, вскинув голову, принялся ощипывать невысокую березку.

А я глядел на него, притаив дыхание, и даже не пытался понять, чем так поразил меня лось. Я ведь и раньше встречал этих рослых зверей поблизости от жилья—в Подмоскowie они часто заглядывают

Это я сейчас такой умный. Потому что устал.

А утром—как я утром летел по «Минке»! Как жал на газ, как косил глазом на спидометр, как радовался каждому делению за сотней! И знал ведь, что ГАИ не отменили, что «дырка» грозит, а жал воем. Летел, обгоняя птиц, обгоняя поезда, обгоняя время... Вранье все это. Никуда я не летел. Сиднем сидел всю дорогу. Машина летела.

Так что вполне можно сказать, что, пока я из машины смотрел на лось, мимо со скрежетом и визгом промчался тоже я...

Автомобиль не роскошь, а средство передвижения, писали романтики автомобильной эры, очень хотевшие казаться реалистами. Не пора ли трезвей взглянуть на мотор с четырьмя колесами?

Работа есть работа—там он необходим и неизбежен. Но чаще и чаще машина заполняет своим железным телом наши отпуска. Она экономит наше время, убивая его. Она крадет у нас города,—что мы запоминаем, кроме бензоколонок, кроме платных и бесплатных стоянок? Мы, не глядя, хватаем километры с такой жадностью, будто не мы, а нам платят за сожженный бензин.

Едут в отпуск всей семьей, а потом взахлеб рассказывают, как за три дня прошли всю Прибалтику, а потом ломанули на юг, на Кавказ через Одессу, с заездом в Харьков и Крым. И что Таллин—удивительный город, а Вильнюс—старинный город, а Одесса—мама, а Тбилиси—южный красавец...

Не верьте им. Не было Прибалтики, не было Кавказа с заездом в Крым. И Таллин не удивительный, и Вильнюс не старинный, и Одесса не мама, а Тбилиси—не южный красавец.

Ничего этого не было. Был только свист за окнами.

Хорошо, что Неринга вся в запретных знаках

Рыбный промысел—традиционное ремесло жителей косы.

на окраины поселков, подходят к линии электрички. Лось как лось. Ну и что?

Теперь я понял разницу. В густо населенном Подмоскowie лось экзотичен, странен, даже игрушечен, как юрмальская белка, берущая корм с руки. А здесь если кто и был экзотичен, так это я.

Мы смотрели на лось, когда позади раздался длинный предупредительный сигнал и мимо нас, упоенно взвизгнув на повороте тормозами, шинами и всем своим существом, промчался свеженький, только что с грядки, «Жигуленок» с московским номером. Скорость была такова, что парень за рулем глазами глотал дорогу, не прожевывая, а девушку, видимо, слегка укачало: она сидела, подставив личико ветру и вяло высунув в окошко нежный локоток.

Эй, земляк, притормози! Посмотри хоть на лось... Куда там! Мчитесь—только ветер свистит за окнами.

А это не ветер. Это жизнь его со свистом проносится мимо. Все побоку—даже простая радость подышать вечерним лесом и поглядеть по сторонам...

автоинспекции. Она не для машин, а для людей. Не для колес, а для ног.

Куршская коса—не полигон прогресса, а мастерская мысли.

Неринга—место удивительное и странное в буквальном значении слова. Во-первых, это очень большой город: он растянулся на целых пятьдесят километров. Во-вторых, это маленький город. В-третьих, жители его не собраны в компактный отряд, а рассредоточены по целым четырем поселкам: Юоджранте, Первелка, Прейла и Нида. А в-четвертых,—и это, пожалуй, самое удивительное—Неринга действительно город. Асфальтированные улицы, очень красивые дома, магазины, кафе, рестораны. И прекрасное здание в центре Ниды не что-нибудь, а горсовет. И автобус, бегущий от остановки к остановке, несет на лбу табличку «По городу». Словом, у обширной и малолюдной Неринги вполне городская культура.

Здесь четыре музея, строится пятый, уже задуман шестой: вероятно, по количеству музеев на тысячу жителей это один из самых благополучных городов

На этаже материнства

На улице Перси Биши Шелли
все здания серые похорошели.
В Озерной Школе промокших пеленок
родился ребенок.
Подожвы свои отскребите от грязи
и погасите ваш «Винстон»...

Этаж материнства.
Рождается в женщине мать,
и страданьем своим наслаждается.
Рождается сын —
с ним отец его тоже рождается.
Все снова рождается под небесами:
и спичек миллионы
становятся снова лесами.
Снег русский на Борнус летит,
превращаясь в английские ливни,
и белые пятнышки трубок «Данхилл»
превращаются снова в слоновьи бивни.
Бифштексы срстаются снова в коров.
Наполняются рек пересохшие устья.
Из банок с гусиным паштетом
летят в облака возрожденные гуси.
В «Конкорде» домой возвращается мост,
что в Америку продан на вынос.
Замшелые камни моста
в первом классе сидят и пьют себе «Гиннес».
И все это сделал наш сын —
наше чудо с морщинистым личиком.
Он мост между мной и тобой.
Никому не удастся его разобрать по кирпичикам.
Он требует грудь.
Аппетит у него жесточайший.
Он между народами нашими мостик хрупчайший,
тончайший.
Любимая, дай ему двигаться,
не пеленая его туго!

О, если б все в мире народы,
как мы, любили друг друга!
Но почему они сморщены,
новорожденные дети?
Они заранее морщатся
от гадостей всяких на свете.
А корреспондент в палате
уже с авторучкой тычется
и между ребенком и грудью
вставляет вопрос
политический.
Не троньте этаж материнства
и мальчика моего!
Не портите
матери
молоко!
Не дам я в обиду сына,
из матери яростно пьющего,
завернутого, как в пеленки,
в страницы Шекспира и Пушкина.
Потомок ирландских разбойников,
сибирских крестьян-беделог,
завернут он в Джолли Роджер
и в парус байкальских бродяг.
На этаже материнства
крик торжествующий взвился,
крик англо-русского чуда
в руках медсестры мисс Вилсон.
Голого, словно истина,
поднял нашего сына
бог в белом халате, скрытый
под именем доктора Сидя.
Мы мало живем на свете.
Как минимум надо лет триста...
О, если б решалось все в мире
на этаже материнства!

✿
Меня ты нечаянно так научила:
себя позабывший мужчина —
мужчина.
И мною нечаянно было подмечено:
себя позабывшая женщина —
женщина.
Нечаянно оба пошли мы на сговор:
любовь —
усвоение жизни другого.
Нечаянно нам подсказала природа:
в любви обоюдное рабство —
свобода.

✿
В любви безразлична победа.
Позорен в дружбе перевес.
Кто победит — глядит побито,
как будто в дегте, в перьях весь.
Когда победы удаются,
они нас поедом едят,
но если оба вдруг сдаются,
то сразу оба победают.

земного шара. И какие музеи! Ну, допустим, музей истории Куршской косы не выходит за рамки обычного краеведения — в каждом областном городе такой имеется. Но остальные...

Музей миниатюр — слышали о подобном? В старом костеле, словно бы созданном для такого будущего, собраны старинные латышские, русские, западные и восточные медали, крохотные скульптуры, гравюры по меди, расписные веера, памятные медали, резные шкатулки, кинжалы с батальными сценами, вытравленными на лезвиях и рукоятках. Редкие произведения искусства собраны здесь, и редкое произведение искусства — сам музей со своими строгими витражами, миниатюрными люстрами и миниатюрными живыми газонами в каменном полу. Спасибо тебе за этот музей, миниатюрный поселок Юодкранте!

На высоком берегу залива — а точнее, на высокой доне — еще один музей: мемориальный. Ибо Куршскую косу когда-то полюбил и выбрал для себя не легендарный, а вполне реальный творец и создатель — творец и создатель мудрых книг, один из крупнейших романистов эпохи, спокойный мыслитель и яростный антифашист Томас Манн. В Неринге чтут память великого немца, берегут его домик.

Мимо четвертого музея Неринги я несколько раз проходил, не замечая его: внешне он ничем не отличается от соседних построек. Дело в том, что вдоль всей улицы стоят дома рыбаков. А музей этот — «Дом рыбака». Несколько лет назад он не имел права на кавычки и прописную букву: был просто дом, и жил в нем просто рыбак. А потом кому-то пришла в голову светлая идея. И на обычных рыбацких жилищах повесили таблички «Памятник архитектуры». А один из этих домов стал музеем.

Странное решение? Нет, умное решение!

От ушедших веков нам остались прекрасные здания: обиталища царей и герцогов, кардиналов и митрополитов, помещиков и генералов. Их дома, роскошные и прочные, оказались сильнее времени. Ну, а как жил триста лет назад крестьянин или рыбак? Увы, разводил руками. Грядущему жителю Неринги разводил руками не придется.

А пятый музей, который только создается, посвящен добыче янтаря. Его экспозиция будет единственной в своем роде. Ибо обширная по площади и маленькая по населению Неринга не любит повторяться.

Нынешние горожане — спортивный народ. А Неринга — город. Значит, надо тянуться за городами-великанами. И Неринга тянется, причем на удивление успешно. Здешние фанатики паруса — одни из лучших в Литве. На участие в марафонском заплыве по заливу записалось восемьдесят человек! Прекрасная цифра, даже с тем примечанием, что врачебно-спортивная комиссия допустила до старта лишь пятнадцать из них — отсеяли всех, кроме мастеров и перворазрядников. И, наконец, совсем поразительная вещь: по одному виду спорта любители из Неринги вообще ведущие в Союзе. Да, есть такой вид — виндсерфинг, плавание на доске с парусом. Вдумайтесь: ведущие, первые в огромном двухсотшестидесятимиллионном Союзе!

А теперь я хочу сделать вот что: попытаться не воспеть, а проанализировать спокойную красоту Неринги. Из чего складывается и на чем держится привлекательное лицо города на Куршской косе?

Я не специалист, но думаю, что зданий-шедевров, зданий-событий, зданий, вызывающих архитектурный шок, тут нет. Нет и триумфальных арок, монументов, обращенных к вечности, многоярусных фонтанов. Нет парада скульптур, как в Петро-дворце или Летнем саду. Словом, если спросят, что потрясло в Неринге, — пожму плечами. Ничто не потрясло.

Но! Если зададут симметричный вопрос: что в Неринге вызвало досаду, неприязнь, желание убрать, сломать, искоренить, словом, что отвратило своей бездарностью и явной неуместностью, — опять-таки лишь пожму плечами. Ничто не отвратило.

Может, отсюда и начинается пешеходная тропа в таинственную страну красоты? Попробую нащупать хоть сколько-нибудь твердую почву...

Есть ли на земле некрасивая природа? Пожалуй, нет. Лес хорош, и степь хороша. Прекрасна средняя полоса России — по крайней мере с тех пор, как мы смотрим на нее глазами Саврасова и Левитана. Прекрасны ледяные пустыни вершин — это доказал Рерих, и плоские ледяные пустыни Арктики — это доказал Рокуэлл Кент. И просто пустыня тоже прекрасна — желтая и жаркая, со своими барханами, оазисами и миражами. Даже болота радуют глаз и душу — тихие, изрезанные протоками и поросшие клюквой болота Мещеры, рай для рыбака и охотника.

Творения рук человеческих хороши не всегда. Но опять почему-то крайне редко оскорбляют глаз

постройки традиционного плана. Рубленая изба не испортит видом своим ни лесную опушку, ни сухой островок на заболоченной низине. Юрта только украшает казахскую степь, как украинскую — белая мазанка, как тундру — яранга.

Происходит это, конечно же, не потому, что в старину, мол, все делали здорово, а теперь кое-как. Просто традиционные формы человеческого жилья, веками проверяясь и обкатываясь практикой, приобрели одно очень важное качество: буквально стопроцентную целесообразность. Изба, юрта или яранга нужны каждому своим бревнышком, кольшком или ремешком. Причем фигурные коньки и резные наличники тоже необходимы, ибо одно из важных назначений жилища — поддерживать гордость и повышать настроение хозяина.

Итак, в избе или юрте все целесообразно так же, как в окружающей природе. Их нельзя поменять местами или перенести в город — каждая вписана, врезана, врублена в определенный образ жизни и пейзаж.

Город Неринга вписан в Куршскую косу, как рубленая изба в Мещерскую низину. Не случайно на обычных рыбацких домиках висят охранные доски: именно эти традиционные строения, проверенные временем, Балтикой, лесной глушью, сырью ветром и движущимся песком, легли в основу городской архитектуры — фантазия современных зодчих отталкивалась от крашеного дерева, красного кирпича и остроконечных черепичных крыш.

Без орехов, разумеется, не обошлось. Но орехами были дома, а не кварталы и не районы. Вот в Ниде стоят рядом три жилых здания. Все трехэтажные, панельные, улучшенные типовые. И все — разные: второй учел ошибки первого, третий — ошибки двух. Каждый дом лучше предыдущего.

Война прокатилась по Куршской косе всей своей злой мощью. Целых домов осталось не так много. Лишь в 1961 году в Ниде, самом большом поселке Неринги, было построено первое каменное здание. Так что вполне можно сказать, что сегодняшняя Неринга построена сегодня — тут литовским градостроителям не приходится делить лавры с коллегами из минувших веков.

А лавры ими заслужены вполне.

В Неринге нет высоких домов — два, три, максимум пять этажей, да и там низко начинающиеся крыши как бы срезают «лишнюю» высоту. В Неринге нет объемистых, массивных домов — на фоне огромных дюн и густых сосновых лесов они

Над той рекой,
прекрасной и пугающей,
у скал и у деревьев—
у всего—
был цвет какой-то предостерегающий,
хотя и непонятно,
от чего.
Но не помогут предостережения
тому,
кто перед выбором дорог,
поцеловав прощально свою женщину,
от страха сам себя предостерег...

Пуговицы

С детства
я с людьми состукивался
в толкотне
локтями,
ребрами.
«Ты опять посеял пуговицы!»—
мать ворчала не по-доброму.
Пуговицы вы мои,
вас я сеял,
как репы.
Вы переживали,
что на чье-нибудь пальто
в наказание ни за что
вас перешивали?
Пуговицы вы мои,
вас
трамвайные бои
вырывали с мясом.
Вас,
как будто часть меня,
пожирала толкотня,
запивая квасом.
Лучше бы всходили вы
на бульварнике Москвы
деревцами уличными,

не простыми—
пуговичными.
Чтоб на деревьях росли
пуговицы всей земли:
флотские,
солдатские
и любые штатские...
Избегаю толкотни,—
впрочем, повторяется.
Пуговицы таковы—
все равно теряются.
Пуговицы вы мои,
толкотня—
не пытка.
Пытка—
если меж людьми
оборвалась нитка.
Невозможно быть в родстве,
хлеб делить и песни,
став застегнутым на все
пуговицы спеси.
Пусть все пуговицы в ряд
обрывают с ходу—
ребра в ребра я прижат
ко всему народу.

В киношке или на спектакле
все любим плакать мы—
не так ли?—
за те же денюжки.
Смотря чувствительные драмы,
слез проливаем полведра мы,
добры,
как дедушки.

Болезни чьи-то и уродства
в нас пробуждают благодество—
нам так приятно.
Чужим страданьем умилиться,
словно пивком опохмелиться,
весьма прохладственно.
С каким-то тайным сладострастьем
следа за чьим-нибудь несчастьем,
мы жадно охаем.
Та—погибает от чахотки.
Тот—замерзает на Чукотке,
а мы—
живехоньки!

И в чтении книг такая подлость,
когда, блаженно преисполняясь
сентиментальностью,
вдали от горя, очень кстати,
ты,
зрительствующий читатель,
утешен дальностью.
А ты скажи чужому горю:
«Возьми мою путевку к морю,
а я побрызгаюсь
хотя бы в банной шайке вволю...»
Вступить боишься с горем в долю,
боишься близости?

Лжесострадание—не героизм.
Его комфорт имеет свойство
быть усыпительным.
Трусливо это и жестоко—
быть в этой сложной жизни только
слезливым зрителем.

К письму забытому притронься,
и снова вырвется из букв:
«А может, мы еще притремся?»—
Как перед будущим испуг.

Так тяжела людей притирка—
трещат, ломаются борта.
Когда борьба почти притихла,
не верь, что кончена борьба.

Как встать над личным интересом,
как, уступая, не стареть
и как друг к другу притереться,
но лиц друг друга не стереть?

Притремся, друг, притремся, милый,
чтоб врозь не съела нас беда,
пока к земле внутри могилы
мы не притремся навсегда.

Рисунки
Родиона ВЛАДИМИРОВА

кажутся маленькими. А дороги и улицы при отличном качестве узки, как старые проселки,—ощущение это не нарушают скромные пятнышки площадей.

В результате совершенно новый город, удобный и вполне цивилизованный, сохраняет традиционный облик: редкая цепочка рыбацких поселков, вытянувшаяся вдоль залива. Город не подчиняет себе окружающую природу, а подчиняется ей, что куда трудней и куда приятней взгляду. Мы слишком привыкли чувствовать себя полноправными хозяевами мира—и так здорово хоть на время ощутить себя младшим братом лесов и дон...

Вывод из сказанного я хотел бы сделать такой: чтобы сохранить единство с всегда прекрасной природой и создать город, полный обаяния и теплоты, вовсе не обязательно строить величественные здания. Достаточно не строить некрасивых. Достижимо ли это? Если верить Неринге—достижимо.

Позволю себе небольшое отступление в экономику.

Зачем живет и что производит Неринга?

Здесь почти нет промышленности. Нет сельского хозяйства. Существует, правда, рыбхоз, но он невелик. Раньше был лесхоз, теперь он преобразован в лесопарк. Так что леса Куршской косы не дают народному хозяйству никакой финансовой прибыли—один расход. Тем не менее хозяйственное значение города-леса очень велико.

Во-первых, Неринга производит тишину—в больших количествах и самого высокого качества: живую, шелестящую, шуршащую, волнующуюся тишину. Это продукт весьма дефицитный, миллионы людей на планете готовы дорого за него платить. К сожалению, тишина ввиду крайней хрупкости экспорту не подлежит. Потреблять ее можно только на месте.

Во-вторых, Неринга круглый год (а особенно активно летом) крупными партиями выпускает хорошее настроение. Эта продукция вполне транспортабельна: пятьдесят тысяч отдыхающих и две тысячи экскурсантов развозят ее по всей стране. Можно смело утверждать, что по производству тишины и радости она стоит на одном из первых мест в стране.

На старом кладбище в Ниде лет десять назад похоронена женщина, прожившая сто один год. А вообще у этого кладбища своя особенность—на

замшелых памятниках главным образом женские имена. Матери, жены, дочери, невесты. Ну, а где же отцы, мужья, сыновья, любимые? Где хозяева и кормильцы? Их кладбище внизу, под обрывом,—шумит волнами.

Старые курши были умелыми рыбаками, но слишком огромно море и слишком малы были их деревянные суденышки. Не случайно на разных побережьях земного шара у местных живописцев был популярен один и тот же сюжет: женщина в черном смотрит в морскую даль... Но, погибая, куршские рыбаки оставляли наследников, и нитка древнего ремесла не рвалась.

Я уже сказал, что рыбхоз в Неринге невелик. Но это если мерить масштабами страны. А в масштабах города на косе, пожалуй, самое крупное предприятие. Цифра годового улова рыбхоза—не космическая. Но у рыбного прилавка страны Неринга не покупатель, а постоянный, весьма надежный поставщик.

Кстати, и в древнем прибрежном промысле у Неринги есть своя неповторимость. От дедов и прадедов, от многих поколений «пахарей моря» пришел к сегодняшним рыбакам Ниды и Юодкранте редкостный, а возможно, и уникальный прием работы—«лов с музыкой». Так добывают только корюшку, только в Куршском заливе и только зимой.

Сперва долбят лунку—квадратную, поменьше метра. Потом заводят шестью три сети. А дальше... дальше суят в лунку сухую еловую доску и колотят, чем придется, по оставшемуся снаружи концу. Причем колотят не просто, а в каком-нибудь ритме. Долго? Да не очень—часа полтора-два, пока не наполнятся сети.

Два рыбака таким вот традиционным способом добывают за день... до тонны корюшки!

Почему корюшка Куршского залива идет на «музыку»? Директор рыбхоза Вайдас Марцинкенас этого не знает. Старые рыбаки не знают. Рыба знает, но не говорит.

Война разорила не только деревни, но и леса Куршской косы. Мощные сосняки выгорели, канонада разогнала все живое. Лишь в 1956 году, зимой, по льду залива в Нерингу пришла первая пара лосей. Сейчас на девятости шести квадратных километрах лесопарка обитают триста косуль, двести кабанов и восемьдесят лосей. Есть также лисы и зайцы.

Копытных и рогатых, клыкастых и ушастых

надежно охраняет закон. Видимо, они это чувствуют. Робкие косули довольно спокойно переходят дорогу перед носом у «Волг» и «Жигулей». Лось—тот вообще может остановиться на осевой. Знает—объедет, ибо в случае столкновения даже самый оригинальный судья вряд ли возложит на лося расходы по ремонту капота и переднего бампера.

Работник местной милиции пожаловался мне, что кабаны разрыли весь газон перед горисполкомом. А что с ними сделаешь? Прогнать? Но в щетинистом хулигане двести килограммов, а в случае любой заварухи юриспруденция на его стороне.

Лесники высчитали, что по нормам биологической науки в лесах заказника может жить двенадцать, от силы пятнадцать лосей. А их тут восемьдесят! Но лоси биологической наукой не интересуются. Живут себе в количестве восьми десятков, бродят в одиночку, парами, стадами.

За неделю на Куршской косе я встретил восемь косуль, четырех лосей и зайца...

Основной посредник между лесом и городом—директор лесопарка Эдвардас Матюкас. Его главная задача—организовать дело так, чтобы и люди были довольны и Куршская коса осталась жива. Он молодец, остроумен, по-литовски невозмутим. А служебный свой «рафик» водит так, словно профессия его—автогонщик. Матюкас прекрасно разбирается в характере здешней природы и очень недурно—в характерах людей.

Работа директора и других куршских лесников кропотлива и трудна. Дело в том, что, как уже цитировалось, главная достопримечательность, главная слава Неринги—высокие песчаные дюны. А главный враг Неринги, к сожалению, те же самые высокие песчаные дюны.

Недалеко от Первелки, на возвышенности, отделенной от дороги сотней метров сосновых посадок стоит памятник, вырезанный из огромного дубового ствола. Немолодой человек с худым лицом и спутанными волосами смотрит поверх зелени на юг. Углы его губ опущены, глаза полны боли. Это Людвикас Реза, философ и поэт.

Памятник поставлен в честь юбилея—двести лет назад Реза родился здесь, на косе, в деревне Карвайяй. Но если я скажу, что памятник поставлен на родине поэта, я ошибусь, пожалуй, метров на восемьсот. Откуда же взялись они, эти метры?

На памятнике по-литовски вырезана над-

Чтобы попасть в Нерингу, надо пересечь пролив.

Здесь нет высоких домов — в основном два-три этажа.

пись — цитата из Резы. Мне перевели ее устно, приблизительно, и звучала она примерно так: «Прохожий, остановись! Там, куда ты смотришь, раньше цвели сады, стояли дома крестьян, и сам я родился здесь. А что ты видишь теперь?»

Я остановился и посмотрел туда, куда устремлено измученное лицо Резы. Я увидел длинную, невысокую, но довольно массивную гору, поросшую редкой жесткой травой. Но это была не гора. Это была дюна: огромная груда песка, полтора-два метра высотой, лишившая литовского поэта «малой родины» — отчей деревни.

Дюны бывают мертвые, остановленные и живые. Вопреки привычному нашему восприятию самые симпатичные дюны — мертвые, самые коварные — живые. Получаются они так.

В дни штормов, весенних, осенних и прочих, море выбрасывает на берег массы песка — у этого природного земснаряда производительность огромная. Потом за дело берется солнце, и сырой, тяжелый песок становится сухим и легким — из него состоят знаменитые пляжи Неринги. А дальше начинают работать тугие ветры Балтики. Они сдувают верхний слой песка, потом следующий... Намытые морем песчаные холмы оживают, начинают двигаться на восток, к заливу.

Дюна не скороход — за год она проходит десяток метров, иногда чуть больше. За сто лет набирается километр. А ширина Куршской косы в самом узком месте всего метров четыреста.

Живой песок губит лес — и не только лес. Двенадцать деревень на косе перестали существовать из-за движущихся дюн. Люди перевозили дома, перегоняли скот подальше от сыпучей угрозы. А сады, огороды и все, что оставалось, исчезло под слоем сухого песка. Ни следа, ни даже намек на след.

Мертвые дюны хороши, потому что безобидны: они поросли лесом и Неринге больше не грозят. Обычные холмы — разве что под слоем листвы и хвои не камень; не глина, а песок.

А остановленные дюны...

Поэты и философы нынешней Ниды, Преилы, Первелки и Юодкранте вряд ли оставят потомкам строки, подобные горькой жалобе Резы. Дюны, веками угрожавшие поселениям Куршской косы, ныне остановлены человеческими руками — руками здешних лесников. Осыпающиеся склоны укреплены низкими плетнями, засажены травой и молодым лесом. Обычная сосна не способна удержаться на движущемся песке, и длинные ее корни все равно не добираются до воды сквозь сухую прослойку дюны.

Лесникам помогает неприхотливая родственница стройной раскидистой красавицы — горная сосна.

Тощая, маленькая, удивительно цепкая, она стелет корни почти по поверхности. Дождит — собирает дождь, в засуху пробавляется росой. Она прошивает песок корнями, устилает хвоей, не пускает ветер к поверхности — и останавливает дюну. А дальше начинается несправедливость: горную сосну вырубят, и на завоеванные ею склоны взбирается высокая, представительная аристократка хвойных лесов. Что делать: горная сосна — дерево для беды, а для благополучных времен находятся другие, поимпозантнее...

Надо сказать, в последние годы у балтийского ветра — главного виновника дюн — появились сильные и опасные помощники: веселый парнишка с рюкзаком и милостивая девушка с дорожной сумкой через плечо. За неимением на косе Гималаев и Альп эти юные романтические бродяги карабкаются на самые высокие дюны, одержимые тщеславной идеей: одним взглядом, лишь с легким поворотом головы, окинуть сразу и море и залив.

А поверхность дюны ненадежна: прошел человек — остался след, прошли пятеро — тропинка. А через неделю-другую уже вылез на свет божий песок. По песку ходить неудобно — следующие дюновосходители сворачивают на обочину. А там, глядишь, и пополз, и обнажился, и задвигался склон. Оживает дюна...

Директор Матюкас рассказывает:

— Сначала мы вешивали таблички: «Нельзя!», «Нельзя!», «Нельзя!». Но как реагирует на

запрет любознательный человек? Стремится лично выяснить, что же именно запрещено. Наши таблички служили скорее дорожными указателями. Потом изменили тактику. Как? Это лучше всего посмотреть в Юодкранте, у Станюса...

Юодкрантский лесничий Ионас Станюс — один из самых известных людей на косе.

Лесник — профессия философская, постоянно приходится оперировать категориями вечными. Ведь чтобы вырастить настоящий, матерый дуб, нужно несколько человеческих поколений. Сегодня, укрепляя и останавливая дюны, Станюс работает не на себя, даже не на детей, а на внуков и неведомых правнуков: это их защищает от сыпучего нашествия юодкрантский лесничий...

Так вот, Станюс решил: чтобы отдыхающие и экскурсанты не пробивали в дюнах свои разрушительные тропки, надо не вешать таблички, а предложить людям пути, более удобные и заманчивые.

Место их рождения — город на косе.

Сегодня леса и дюны в Юодкранте прорезаны извилистыми, тенистыми, странными и диковатыми тропинками Ионаса Станюса.

Вот прямо от шоссе взбирается на высокую гору длинная, в полтора-два ступенек, лестница. Вся она, и перила и ступеньки, сколочена из грубо ошкуренных, корявых березовых стволов. Она как бы часть леса.

Вот смотровая площадка, с которой, на радость тщеславному туристу, как раз и видны оба водных пространства — море и залив. Здесь тоже ни асфальта, ни камня, только сухое грубое дерево, только пни и чурбаки. Местные материалы не портят местности — они украшают ее, не столько выделяясь, сколько сливаясь с нею.

Вот через мелкий овражек брошен мостик со скамейкой посередине. Держится он не на столбах, а на сухих разлапистых корягах, сразу и нелепых и красивых.

— А мостик зачем? — спросил я Станюса.

— Для свиданий, — ответил лесничий, — иначе молодежи будет встречаться у какого-нибудь дерева или на полянке. Пока в сумерках найдут друг друга, весь лес истопчут. А я им даю место — на площадке, у лестницы, на мостике. Вон даже скамейку поставили.

Директор Матюкас подтверждает:

— Чтобы человек из разных путей через лес выбрал один, определенный, нужно, чтобы его привлек какой-нибудь акцент.

Когда-то через лес, из поселка к морю, вело множество тропинок. Теперь почти все они заросли. Осталось несколько — удобных, заспанных мелким щебнем, с площадками для отдыха в самых красивых местах.

У Юодкрантского леса акцент Ионаса Станюса...

От входа в лесничество до густо заросшего склона от силы метров пятнадцать. Тем не менее и сюда, во двор конторы, Станюс возит деревья. Живые деревья — саженцы. На тридцати сотках двора он разбил — посреди огромного Нерингского лесопарка! — свой маленький лесопарк. Тут пять видов пихты, пять редких видов ели, красный дуб и почти не встречающийся в Литве его пирамидальный собрат. А всего девяносто шесть типов деревьев! Настоящему леснику всегда мало леса.

Итак, сотворив Землю, бог поберег для себя, а потом отдал литовцам Нерингу. Если верить распространенной байке, этот акт был не предусмотренным, а отчасти вынужденным. Тем не менее «творец» может о сделанном не жалеть.

Он отдал Нерингу в хорошие руки.

Римма
ЧЕРНАВИНА

Биография Риммы Чернавиной не совсем обычна. Студентка факультета иностранных языков, аспирантка кафедры немецкой диалектологии, она внезапно меняет профессию, что вызвано острой неудовлетворенностью собой, желанием предельно проявить свою человеческую индивидуальность. Владея пятью иностранными языками, она работает переводчицей. Но покой, удовлетворенность не приходят. Римма заканчивает Всесоюзную мастерскую эстрадного искусства, и в настоящее время она артистка Москонцерта. Пишет давно. Стихи чередуются с прозой. Стихам и рассказам Р. Чернавиной присущи не только тонкий лиризм и женственность, но и доброта, счастливо сочетающаяся с культурой мысли. В этом мне видится залог роста ее зрелости, и именно поэтому я с удовольствием предлагаю ее стихи и рассказы вниманию читателей «Смены».

Сергей МИХАЛКОВ

Кленовые листья

«...Я увидел и сорву...»

Несколько лет назад
Мне подарили кленовые листья,
Прекрасные осенние листья—
Желтые, красные и коричневые.
Был конец сентября.
Прошла зима, и я уехала
В одну из далеких теплых стран,
Где нет зимы, нет осени—
есть только лето,
Длинное жаркое лето.
Я думала о том, как приеду домой,
Как наступит осень
И я нарву кленовых листьев.
Прошло три года...
И вот я снова дома.
Стояло жаркое лето,
потом начались дожди,
И лето ушло.
Наступило завораживающее
осеннее время—
Надо бы пойти в лес

И нарвать кленовых листьев,
Поставить их в большую,
Специально для этого приготовленную
вазу

И любоваться ими всю зиму.
Но осень коротка,
Выпал первый снежок,
И листьев не стало.
Наступила зима,
Я смотрела на пустую вазу и думала:

Вот придет весна, потом лето, потом осень,
И в моей вазе будут стоять
Прекрасные кленовые листья.
Зима прошла, все зацвело,
Зашумело пестрой красотой.
Ничего, думала я, скоро лето,
А там и осень,
И она подарит мне кленовые листья.
Лето пришло и ушло,
Наступила долгожданная
и щемящая душу осень.
Скоро я пойду в лес,
нарву кленовых листьев
И поставлю их в специальную вазу.
Текли ливневые, томные осенние дни,
Шли дожди, потом дождей не стало.
В воздухе был слышен запах
Приближающихся заморозков.
Надо бы спешить.
Я пошла в лес.
Лес был голый.
Огромные дубы стояли
совершенно черные,
И на клене не было ни листка,
Лишь под ногами шуршали
Опавшие, помертвевшие листья.

Стало печально, тоскливо,
Как будто что-то дорогое моему сердцу
Было совсем рядом со мной.
В любое время я могла дотянуться до него,
Но почему-то медлила...
Кленовые листья...
Ваза пуста, и снова зима.

Que bella *, или как я способствовала оздоровлению нравов

У итальянцев, я имею в виду, разумеется, мужчин, есть одна привычка. Когда они видят женщину, они всегда говорят: «Que bella». Да, у них такая привычка. Я осмеливаюсь это утверждать со всей категоричностью, так как испытала это на себе во время моих прогулок по Риму. При виде меня все мужчины, за редким исключением, говорили: «Que bella». Причем, большая часть делала это четко и своевременно—примерно с расстояния двух-трех шагов, меньшинство—поровнявшись со мной и лишь некоторые, это были считанные единицы, миновав меня, поворачивались и уже вслед бросали мне это самое «Que bella». Я не случайно сказала «за редким исключением», потому что исключения все-таки были. Объяснить эти частные случаи можно либо за счет менее ярко выраженного национального характера, либо за счет плохого зрения единичных экземпляров. Попадались отдельные особи, которые то ли делали вид, что не замечают меня, то ли в самом деле плохо видели. Конечно же, если еще более углубляться в предмет исследования, то сюда следует отнести и людей с дефектами речи: они смотрели, шевелили губами, звука же слышно не было. С другой стороны, если быть до конца честной и претендовать на известную научность в этом вопросе, то их все-таки следует подвести под общее правило, так как то, что они пытались произнести, беззвучно шевеля губами, как раз и было пресловутое «Que bella».

При всем моем расположении к итальянцам этот их обычай не вызвал во мне одобрения. Хотя были некоторые смягчающие обстоятельства, которые не позволяли мне вынести слишком суровый приговор их нравам. Я была загримирована и одета по самой последней моде. Выходит, что я сама же способствовала выявлению их дурных наклонностей и как бы подливала масла в огонь, разжигая их. Способность к критической самооценке всегда помогала мне найти определенную меру объективности по отношению к явлениям, на

первый взгляд абсолютно безнадежным.

После ряда наблюдений, сортировки материала и отбора фактов я пришла к заключению более не потворствовать массовому разложению, а в меру своих сил и возможности воспрепятствовать ему рядом профилактических мер. Я сняла наклеенные ресницы, слишком обтягивающие брюки, свитер на два размера меньше необходимого, заколола волосы и отмыла лицо. Кроме того, я применила сильно действующее средство: нагнула на глаза темные очки, заслонившие сразу половину лица.

Я не могу похвастаться стопроцентным результатом. Однако, отбросив ложную скромность, следует признать, что мне удалось добиться многого. Из игры вышли сразу же две трети мужчин. Оставшаяся же треть оказалась в весьма затруднительном положении. Во всяком случае, их привычную беззаботность как рукой сняло. Я шла по улице, и чувство гордости до краев наполнило меня изнутри.

Теперь, увидев меня, они мгновенно сосредоточивались, пытались решить задачу с несколькими неизвестными. Сначала они блуждали глазами по платью, болтавшемуся на мне свободным балахоном, совершенно сбываясь с толку. Затем, обнаружив что-то для себя, по всей видимости, крайне важное, они вздыхали с некоторым облегчением и сразу же, не давая себе опомниться, бросались на другой участок: неподкупным взглядом исследовали поверхность лица, не обозначенную цветовой гаммой, чтобы, завершив местный обзор и удовлетворившись его результатом, перейти вслед за тем к самой ответственной и, я бы сказала, рискованной операции. Тут, на этом заключительном этапе, мужество покидало не одного из них. Но самые стойкие доходили до финиша. Поравнявшись со мной, они порывисто наклонялись и устремляли взгляд за очки, беря приступом и последний оплот. И лишь только после этого, сбросив напряжение и вздохнув полной грудью, они говорили наконец свое отвоєванное в честном поединке «Que bella».

«Барышня, извиняйте»

Знаете ли Вы, помните ли Вы, то... особое состояние, неопределенности которого вполне соответствует неопределенность и его словесное выражение — «в груди защемило», — состояние, которое является как бы производным целого ряда ощущений и переживаний: волнения, тревоги, жалости, неясных предчувствий — и которое преломляется в нашем сознании почти как физическая боль?!

Мне пришлось служить дежурным комендантом советского посольства в одной из стран. Среди посетителей, обращавшихся к консулу за разрешением на въезд в Советский Союз, были русские эмигранты, их дети и родственники.

Как-то в одно из моих очередных дежурств пришел очень старый человек и спросил консула. Консула в этот момент на месте не было. Тяжело ступая, он направился к выходу, унося вместе с собой и свою старость, но уже у самой двери повернул голову и сказал голосом, донесшимся откуда-то изнутри, из пространства, которое, казалось, совсем не резонировало, так глухо прозвучали его слова: «Барышня, извиняйте».

Как глубоко сидит в нас то, не нами самими взятое, а данное нам независимо от нашего личного выбора, желанное или нежеланное, то изначально. Оно укрыто так далеко и так надежно, что может пройти вместе с нами через всю жизнь и появиться в нужный момент в том первоизданном мире, в каком и было положено в невидимый сейф.

Долгая жизнь отделяла старика от того времени, когда он говорил эти слова и когда он перестал их говорить. Сами слова оказались замороженными, лишенными их естественного развития, и когда, наконец, наступил их час, прозвучали глухо и непривычно. Теперь так не говорили.

Старик приходил еще несколько раз,

Деревья в ожидании дня

На фоне снежной белизны
Стоят деревья
Черно-золотые—
Черны от темноты,
Сменившей день,
И золотятся желтизной огней,
Светящихся в темноте,
Сменившей день.
От неизбежного покровы,
От мрака некуда уйти.
Как им спастись,
Деревьям,
Без огней,
Без света золотого
Огней, светящихся в темноте,
Сменившей день?
Прощанье близко.
Золото тускнеет.
Вот подступает чернота
И мрачной силой
Гасит вспышки света золотого
Огней, светящихся в темноте,
Сменившей день.
В дрожании черных бликов
Прячутся деревья,
Скрываются,
Уходят в темноту—
Их поглощает ночь.
Но ненадолго.
Только до утра.
А завтра новый день.

Рисунки
Михаила ПАПКОВА

но всякий раз безуспешно: либо он попадал в неприемные часы, либо консул по каким-то причинам отсутствовал, либо уезжал буквально за минуту до его прихода. Ему не везло.

Потом он долго не появлялся. Около двух месяцев. И когда я уже издала увидела вновь его приближающуюся фигуру, во мне сама собой стала подниматься волна жалости и невольного участия. Он пришел опять не в те часы. Видимо, его память уже была не в силах удержать даже самую необходимую информацию. Мне захотелось хоть как-то успокоить старика. Я усадила его в кресло и спросила, не могу ли я чем-нибудь ему помочь.

Старик молчал. Лицо его выражало полное безразличие ко всему на свете, в том числе и к своей собственной судьбе, только из глаз еле мерцающим светом исходили желтые лучи, которые, как две фары сбившейся с пути машины, пробивались сквозь мглу и туман, сияли отыскать дорогу и уже не надеясь. И на какой-то миг их еле брезжащий свет наткнулся на меня, как на спасательный маяк, который укажет дорогу.

— Барышня... я хочу умереть на родине... извиняйте.

...В груди защемило...

Какой же магнетической силой обладает то, что мы называем словом «родина», если его притяжение не способно ослабить ни время, ни пространство, и нити, идущие от него к человеческому сердцу, живы, пока бьется сердце.

Я подошла к двери. Старик медленно удалялся, ступая осторожно, экономно расходуя силы, как бегун на длинную дистанцию, рассчитавший, что остаток сил он выложит на финише.

Я долго смотрела на его согбенную спину... Он нес свою жизнь на алтарь. Он стал еле различим. Барышня... извиняйте...

* Que bella — какая красивая (итал.).

На афишах концертных сезонов последних лет рядом со всемирно известным именем Святослава Рихтера не раз появлялись имена начинающих музыкантов — студентов и аспирантов Московской государственной консерватории.

Для учащихся творческих вузов выступление на профессиональной сцене — явление в общем-то обычное. Как правило, они либо дополняют «взрослый» коллектив, либо дают совершенно самостоятельные концерты, отношение к которым взыскательное и серьезное, но все же не свободное от некоторой, хотя бы малой доли снисхождения. Но когда молодые, еще «недипломированные» исполнители выступают вместе с выдающимися музыкантами, то никаких скидок на неопытность

— Пять-шесть репетиций — и выход на публику. А тут десятки и десятки репетиций еще до встречи с Рихтером, — говорит мне Толя Камышев, один из участников оркестра, в фойе зала Чайковского и поглядывает на часы: как бы не опоздать. Он из тех называемых «играющих» студентов, то есть тех, кто уже выступает на профессиональной сцене. Когда стоял вопрос, кого включить в организовывающийся оркестр, предпочтение отдавалось этим студентам.

Но «опытные» музыканты почувствовали себя растерянными и, пожалуй, беспомощными, начав работать над сложным концертом. Ансамблевые трудности казались непреодолимыми. Каждый инструмент — солирующий! Ни одна партия не повторяется! Терпеливо и чутко повел свою работу с молодыми музыкантами руководитель ансамбля Николаевский. Сочетание академичности и непосредственности создает в этом всегда подтянутом, строго выглядящем человеке удивительную привлекательность и обаяние. Репетиции с ним приучали студентов к тому деловому и свободному стилю

Конечно, никто не обольщался. Каким бы первоклассным ни был уровень подготовки студентов, играть на равных с Рихтером — это все же оказаться выше достигнутого на занятиях предела. Выйти за него молодые музыканты смогли благодаря урокам Святослава Теофиловича. Его влияние на партнеров поразительно не подавляющей, а одаривающей силой. Умение Рихтера работать с ансамблем почти волшебное: каждый из оркестрантов получал от него как бы дополнительную силу, и оркестр превращался в одно могучее существо. Недаром ребята говорят, что расслаживаются они обязательно так, чтобы видеть глаза Святослава Теофиловича.

Концерт Берга был разумен к приходу Рихтера очень тщательно. Однако вся работа, казалось, началась заново. Но на ином уровне. Технической стороны исполнения почти не касались. Теперь их игра должна была пройти как бы «крещение» гением Рихтера.

Начало репетиций с Рихтером — начало «оживления» той звуковой плоти, которую уже обрел концерт Берга в игре ансамбля. «Оживить» своим

ЧАС МАСТЕРА

делаться не может. Удачен или неудачен бывает такой союз, во многом зависит от той роли, которую берет на себя мастер по отношению к молодым партнерам. Если, помимо прочих высоких дарований, в нем есть дар наставничества, то наша музыкальная жизнь обогащается еще одним замечательным событием, а начинающие музыканты приобретают неоценимый опыт и знания, которые сумел передать их наставник.

О студенческом коллективе, работающем вместе со Святославом Рихтером, пойдет речь здесь.

Лет пять назад в Московской государственной консерватории произошло событие исключительное и необычайное. Святослав Рихтер предложил организовать ансамбль студентов и аспирантов, который мог бы сыграть с ним и скрипачом Олегом Каганом концерт австрийского композитора Альбана Берга, сочинение уникальное по трудности исполнения и по сложности образного строя.

Уже давно были оставлены надежды, что когда-нибудь Рихтер решит заняться педагогической деятельностью и среди музыкантов появятся его ученики. И вдруг... Но предложение Рихтера не означало открытие нового класса в консерватории; должна была начаться работа, требующая отнюдь не ученического уровня мастерства, а самого высокого профессионализма. Работа, которая, по словам декана факультета Татьяны Алексеевны Гайдамович, означала бы примерно то же самое, что и восхождение на самую труднодоступную вершину сразу же после тренировочных походов по холмам. «Концерт для фортепиано, скрипки и тринадцати духовых» Альбана Берга — это и была та вершина, на которую Рихтер решил повести тринадцать студентов Московской консерватории.

Еще одна необычная деталь этого события — избранныками оказались духовики. Обычно они бывают как бы на вторых ролях. Музыканты почти без сольных концертов, без ведущих партий в ансамблях, да и сидят всегда в задних рядах оркестра. И вот поворот судьбы, высоко поднявший авторитет духового отделения. Но избранныкам выпала стезя хоть и почетная, но тяжелая. Предстояло одолеть произведение столь трудное, что среди музыкантов всего мира мало кто решался взяться за его исполнение, и еще меньше бывало случаев, когда его играли хорошо.

Наконец ноты партий этого концерта, в котором использовалась непривычная даже для опытных музыкантов серийная техника, оказались на попирках студентов, и работа началась. Интенсивность и продолжительность репетиций, проходивших под руководством Юрия Ильича Николаевского, дирижера и руководителя ансамбля, могли выдержать, вероятно, только студенты. Как обычно готовят произведения в профессиональных оркестрах?

общения, с которым студентам предстояло столкнуться в работе с Рихтером.

Но встреча с ним все еще продолжала оставаться далекой. Казалось, репетициям не будет конца. Некоторые не выдерживали. И тогда, прибегая к привычным методам воспитания, им напоминали, что они как-никак студенты, и белая дверь с табличкой «Деканат» начинала тревожно мерцать перед усталым взором отчаявшихся. Там, за этой дверью, конечно, понимали, как трудно приходится ребятам. Одно дело — учебные тревоги и трудности, работа, пусть тяжелая, но все же в пределах учебной программы, а другое — работа вне расписания, за пределами привычных музыкальных форм, без прецедентов и без твердой уверенности в возможности задуманного. И все-таки расчет Николаевского на принцип «количество в качество» оправдался, и на четвертом десятке репетиций оркестр зазвучал.

Настал день, когда должен был прийти Рихтер. Ждали его появления настороженно. В комнате царил непривычная тишина. Разговаривать друг с другом не было ни сил, ни желания. Ступали даже как-то намеренно бесшумно. Но вот отворилась дверь, и вошел Рихтер. Раздались твердые, но легкие шаги. Ребята задвигались, тишина была нарушена сердечными приветствиями и первыми добрыми словами знакомства. Но все же состояние напряженности и скованности сохранилось до конца репетиции.

Видимо, поэтому играли невпопад, держали себя даже испуганно. Но Рихтер был мягок и спокоен, словно заранее знал, что ребята смогут хорошо сыграть то, что сейчас так досадно не получается.

Волнение притупляло остроту восприятия в первый день встречи с великим мастером. Но уже тогда студенты поняли, что работа с Рихтером даст ту силу и знания, которые будут питать их всю творческую жизнь.

Трудное и серьезное испытание для человеческой личности — каждодневность общения с большими мастерами, необходимость работать с ними на равных. Здесь таится опасность потерять свою еще не окрепшую индивидуальность, оказаться раздавленным чужим авторитетом. Такая опасность вполне реальна, и все же она не грозит тем, кто встретился с Рихтером.

— В Святославе Теофиловиче нас поразило то, — говорит Володя Зыков, — с каким тактом и пониманием он повел себя с нами, начинающими музыкантами, терявшимися и перед невероятно трудной работой и перед ним самим. И это не было даже отношение доброго, снисходительного мэтра к робеющим ученикам. Так относится музыкант к равноправным партнерам. Он даже может спросить совета, прямо сказать, что у него не получилось что-то, а вот у вас, добавит, все выходит гораздо лучше.

чувством, своими мыслями подобное произведение — задача для музыканта очень трудная. Необычное по своей музыкальной структуре, изобилующее диссонансами, оно не позволяет исполнителям легко и свободно войти в мир его образов. Нужен большой опыт, особое музыкальное чутье и высокой силы воображение, чтобы воссоздать в концерте Берга жизнь человеческих чувств и мыслей. Сделать это помогла участникам ансамбля редкая способность Рихтера находить даже самым трудным для восприятия музыкальным моментам реальные и точные образы. Будь то выражение какого-то определенного состояния души или зарисовка природы — это всегда помогало ребятам обрести нужный эмоциональный настрой, и уже дело каждого из них, как передать его на языке своего инструмента.

Однажды на репетиции Рихтер в отчаянном порыве помочь Олегу Карпову, застрявшему на одном, никак не получившемся месте, вдруг вскочил из-за рояля, проделал несколько стремительных разудалых па и добавил: «Вот что здесь нужно».

— И действительно, — признается Олег, — мне все стало ясно. До этого говорили: усиль звук, а я боюсь, знаю, что уже предел, дальше тромбон начнет трещать. Оказалось, что как раз и надо преодолеть этот установленный предел, и тогда выйдет именно то, что нужно.

Репетиции продолжались. Теперь даже те, что проходили с Рихтером, исчислялись третьим десятком. Степень слаженности и наполненности, на которой другие бы давно остановились, была уже позади, а Рихтер вел все дальше. Над одним только местом в несколько нот, случалось, бились два дня. Его работоспособность изматывала молодых, но они тянулись за ним, перенимая его неутомимость и настойчивость. Дыхания не хватало даже в прямом смысле: ведь инструменты у ребят духовые. Губы распухали, становилось больно дышать... Рихтер это понимал и умерял свой шаг.

В перерывах шли разговоры на самые разные темы. Ребята не боялись показаться перед ним невеждами. Они знали, что эрудиция этого музыканта огромна и он, находя неожиданные яркие ассоциации и сопоставления, вовлекает в беседу необычайно широкий круг вопросов, отчего разговор разветвляется и нужно обладать богатой памятью, сильной логикой и воображением, чтобы не потеряться. Но студенты знали также, что в такие «критические» моменты Рихтер сам приходит на выручку заблудившемуся, выводя его на знакомый путь. Поэтому молодые люди решительно бросались в разговор. Непосредственность и чуткость в общении делали Святослава Теофиловича желанным, располагающим к себе собеседником.

Боясь показать большого мастера неправдоподобно чутким и щедрым в работе с молодыми музыкантами, все же невозможно удержаться от

Каждое мгновение работы с Рихтером — и школа и радость.

упоминания еще об одной подробности из жизни ансамбля.

Все знают, что трудовой день артиста кончается довольно поздно, и естественно, что утренние часы особенно дороги ему для отдыха. И тем не менее, когда студенты не могли прийти на репетицию из-за занятий или по другой серьезной причине, Рихтер приглашал их репетировать у себя дома в половине восьмого утра! И он встречал их, как всегда, подтянутым и полным энергии, как будто этот ранний утренний час для репетиции самый привычный и естественный.

То, как строились отношения Рихтера с молодыми партнерами, не только приучало их к высокому стилю общения, но и заставляло по-новому, с большим вниманием и взыскательностью относиться к самим себе. Стали замечать, что у них изменилась даже манера держать себя: не стало студенческой суетливости, появилась определенная изыс-

Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ

СТВА

канность, спокойная, без рисовки. И что интересно: к этим «избранникам» со стороны других студентов не возникало ни зависти, ни враждебности. Все понимали, что к удаче этих счастливицков привел упорный и тяжелый труд.

— Создание этого оркестра, — говорит декан факультета Татьяна Алексеевна Гайдамович, — оказало удивительно благотворное влияние не только на его участников, но и на жизнь всего факультета. Ощущение близости к настоящему творческому делу, как крути по воде, расходилось среди других студентов и создавало благодатную атмосферу для нашей работы.

Но вот настал момент, когда в жизни оркестра должно было появиться новое и самое важное лицо — публика. Рихтер не раз говорил ребятам, что это неразличимое в полумраке зала собрание людей — самый верный для музыканта критик. Такая позиция не оставляет для исполнителя в случае неудачи никакого прикрытия. Чтобы ее придерживаться, надо обладать большой стойкостью духа, высочайшей требовательностью к своему мастерству и огромной силой убеждения. Этими качествами еще только предстояло овладеть молодым участникам оркестра.

И вот дверь на сцену уже распахнута, и надо выходить на залитую светом площадку. Что предстоит? Повторение того, что уже было за закрытыми дверями репетиционной комнаты, лишь только четвертая стена, та, что перед их лицом, раздвинется и выпустит несколько сот свидетелей?

Нет, слушателей, соучастников. Ведь именно их энергия сопереживания должна придать исполнению тот высокий накал, принять который столь долго и упорно готовились музыканты. Звуки, отшлифованные бесконечными повторами, проигрываниями, уже начинавшие отливать холодным блеском металла, теперь оказались под таким напряжением человеческих эмоций, что в них заиграли токи новой жизни. В этом, быть может, и есть секрет исполнительского творчества. Поразительная способность Рихтера вносить страстность и непосредственность импровизации, завораживающий момент сиюминутности великого открытия в исполнении досконально продуманных, сотни раз проигранных вещей передавалась и его молодым партнерам.

Однако первые публичные выступления оркестра состоялись не на основных московских сценах. Рихтер не торопился. Он имел возможность и право это делать. Студенты же приучались к самокритичности и терпению. Удача не портила их.

Сначала концерт обкатывался на небольшой аудитории: в Музее имени Пушкина, в музыкальных школах... Только после этого они вышли на сцену Большого зала консерватории.

А вскоре состоялись первые гастролы — в Чехословакии.

Стояла страшная жара. Тридцать шесть градусов в тени. В такую пору заниматься делами трудно. Это естественно. Город замирает. Но в одном из залов Пражской филармонии идет интенсивная работа. Звучат тринадцать духовых, рояль и скрипка. Рихтер, Олег Каган и студенты Московской консерватории готовятся к выступлению. И опять молодые из последних сил стараются не отстать от сильного, хотя и не молодого мастера. Его трудолюбие и выносливость поражали, но не отдаляли их от великого музыканта, ведь они сами были участниками этой напряженнейшей творческой деятельности.

Толе Камышеву запомнилась одна деталь: во время игры с клавиатуры летели капли влаги, но пальцы пианиста как будто и не ощущали этого.

Успешные гастролы в Чехословакии еще больше укрепили уверенность в возможности и необходимости совместной работы ведущего музыканта и студентов консерватории. Рихтер решил не расставаться с ансамблем, созданным специально для исполнения концерта. Теперь возникла мысль о подготовке нового произведения — камерного концерта Хиндемита. Опять потянулись многочасовые сложнейшие репетиции. Опять они начинали уже исчисляться десятками... Но первоначального изнеможения и отчаяния не наступало. Ребята закалились.

Премьера состоялась в 1977 году в Дрездене. Потом Герлиц, Бланк-Бург, Берлин. Особенно ярким был концерт в курортном городе Бланк-Бурге. Величественная и мягкая красота древних гор и освещенный свечами готический зал монастыря, где происходил концерт, вводили слушателей от суеты и делового настроения городской жизни, и приехавшие на концерт, как нигде, становились здесь чуткой и отзывчивой аудиторией.

А прошлым летом Рихтер с учащимися консерватории выступил на международном фестивале искусств в Афинах.

Многотысячная аудитория, собравшаяся в древнем здании театра у подножия Акрополя, запомнилась ребятам тишиной и эмоциональной напряженностью, настроенными в лад с их игрой. И опять успех. Но молодые музыканты понимали, что он пришел к ним в основном благодаря тем усилиям и тем открытиям, которые сделал для них Рихтер. Они также знали, что Святослав Теофилович готов с ними работать и дальше. Значит, их молодые силы тоже нужны ему. И пожалуй, сознание этой своей необходимости особенно взросло и укрепило их творческую личность.

Я спросила ребят: «Неужели Рихтер никогда не проявлял недовольства вами, никогда не раздражался и не сердился, что было бы вполне понятно, простительно и даже естественно для музыканта, жизнь которого до предела полна работой, успехами, гастроллами и прочими большими и малыми

беспокойствами?» В ответ получила короткое «нет», правда, произнесенное с некоторым смущением, наверное, и для них самих это было до сих пор непонятным и невероятным.

Вряд ли в этом проявлялась снисходительность по отношению к студентам. Скорее Рихтер привык принимать огонь на себя. Если Святослав Теофилович находил в своей игре что-то не то, то это «не то», пояснил мне один из студентов, с откровенным восхищением, совсем иного, высшего порядка, чем у других.

И последний мой вопрос: «Что же будет дальше?» Последовал завидный перечень, в котором были произведения Шнитке, Стравинского, Яначека, Пуленка. Но при той требовательности, с которой в оркестре приучились относиться к своей работе, на их подготовку уйдет два-три года.

— К тому времени вы уже окончите консерваторию, — сказала я одному из студентов, — и должны будете работать в каком-нибудь профессиональном ансамбле. Тогда вам уже будет трудно участвовать в ансамбле, а состав его пополнится новыми студентами.

— Если так случится, — воскликнул мой собеседник, — то для меня закончится, наверное, самая прекрасная пора жизни!

И тут мне вспоминаются слова другого студента: «Такого огромного события у меня больше никогда не будет».

Рихтер, по словам многих, кто с ним работал, не признает в себе дар педагога. Систематические занятия по общей для всех программе, довольно замкнутый мир учебного заведения — наверное, все это далеко от жизни Святослава Теофиловича, так же как это было далеко от него в детстве и юности. В те годы музыка познавалась им во всем: в чтении клавиров и импровизации, в аккомпаниаторстве и сочинительстве, но только не в учебных классах. Конечно, такое становление личности в какой-то степени уникально. Но в каждом уникальном явлении есть зерно общей для всех закономерности. Жизнь — самый первый учитель. Этим верным учителем была для Рихтера разнообразная музыкальная жизнь, которую он вел в пору своей юности, работая аккомпаниатором в музыкальном кружке при Одесском Доме моряка, концертмейстером в городской филармонии, в концертных бригадах, в театре оперы и балета. И вот теперь его собственное искусство стало школой для начинающих музыкантов.

«Для подлинного искусства не существует подготовительной школы, существуют лишь подготовительные работы: лучшая из них — это участие ученика в деле мастера. Из мальчиков, растиравших краски, выходили превосходные художники».

ГЕТЕ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Игрушечный самолетик, освещая себе дорогу слабыми фарами, шел на посадку. Вот он коснулся земли.

Высокий американский сержант в каске, покрытой веревочной сеткой, и в масккомбинезоне озабоченно говорил в уоки-токи:

— Да я и сам не понимаю, откуда тут мог взяться самолет. Что?.. Да, сэр... Слушаю, сэр!

И, сделав знак солдатам следовать за ним, побежал к месту посадки.

Самолет все медленнее и медленнее катился по земле, освещая себе дорогу фарами, и когда остановился, то на самом краю темноты перед ним вдруг выросли фигуры солдат, наставившие на него автоматы.

— Вот оно, началось, — сказал пилот тихо.

— Мятаж? — захохотался Морр.

— Какой мятаж! Разве не видите? Иностранцы. — Пилот вынул из заднего кармана пистолет. — Американский десант.

— Спрячьте, — scomандовал ему Кларк. Вглядевшись в солдат, которые, не опуская автоматов, приближались к самолету, он сказал: — По-моему, это то самое, о чем говорилось в Совете Безопасности. Хольц, снимайте.

Хольц молча щелкнул затвором фотокамеры — раз, другой, третий.

— Эй, в самолете, — раздалась снизу команда. — Руки на затылок, и по одному спускаться!

— Если вы действительно честные люди, — сказал пилот, — вы немедленно сообщите об этом в свои газеты... Сообщите!

Ему никто не ответил.

Журналисты стояли на поле под дождем, окруженные автоматчиками. С ними стоял и пилот.

— Кто такие? — спросил давешний сержант и повел по лицам лучиком света от карманного фонаря. Журналисты стояли, как и было приказано, с руками на затылке. Вместе с ними стоял пилот. Наконец лучик уперся в лицо Кларка.

— Постояйте, это же... — пробормотал сержант удивленно.

— Ну, ну, смелей, — сказал Кларк, — кто я?

— Фрэнди Кларк, — выпалил сержант радостно и тут же спохватился: — То есть нет, я не знаю... кто такие?

— Узнал, — сказал Кларк. — И я тебя узнал, дорогой мой соотечественник... — И уже властным тоном продолжал: — В общем, так, ты меня знаешь, мы журналисты. Посланы сюда с важной миссией, веди нас немедленно на телеграф.

— Но я...

— Никаких но. Ты что, не видишь, кто я?

— Вижу.

— Веди.

— А эти? — показал он автоматом на других.

— Со мной, — сказал Кларк. — Журналисты.

— Все?

— Все.

Под дулами автоматов они пошли к зданию аэропорта.

— Смотри ты, — сказал один из американских солдат другому. — Сам Фрэнди Кларк с нами.

— А говорили — полная секретность, — пожал плечами другой.

— Значит, так задумано... — многозначительно сказал третий.

Отставший сержант говорил в уоки-токи:

— Или я сошел с ума, или к нам прилетел Фрэнди Кларк, ну, этот... телевизионный... знаменитый... Морр незаметно толкнул в бок Максвелла.

— Надо с ним что-то делать, — шепнул он, показывая глазами на пилота, который шел вместе с ними.

— Молчи, иначе его убьют, — одними губами ответил Максвелл.

— Ты посмотри на него, — не унимался Морр. — Если он вдруг начнет стрелять — нам всем каюк.

Он поотстал немного от Максвелла, приблизился к пилоту и сделал чуть заметный знак рукой — беги, мол.

У самого здания аэропорта пилот вдруг резко прыгнул в сторону и побежал.

Сержант, выхватив пистолет, выстрелил несколько раз вслед.

Один из солдат побежал за пилотом. Но, сообразив, что догонять в этой стене проливного дождя бессмысленно, остановился и с остервенением принялся нажимать курок автомата, посылая в дождь очередь за очередью, пока там впереди не раздался человеческий крик...

В салоне крейсера Седьмой кричал в трубку телефона:

— Да вы понимаете, что говорите?! Я же спрашивал — проверили или нет?! Из всего, что могло случиться, это самое страшное. Что я теперь скажу Первому?!

Он положил трубку и сказал тихо самому себе:

— Как я доложу об этом Первому?..

В кабинет к директору ЦРУ вошел шифровальщик и протянул телеграмму.

— Давайте, — сказал директор. Он быстро прочел шифровку и отдал Третьему, сидевшему напротив него: — Седьмой предлагает радикальное решение. Он не видит другого выхода. Он предлагает пустить слух, что они разбились во время грозы...

— М-да, — сказал Третий, в свою очередь, просматривая телеграмму. — А может быть, действительно это тяжелый, но единственный выход?

Директор откинулся в кресле, закрыл глаза и набрал в рот воздух, будто перед прыжком.

— Запишите ответ, — кивнул он стенографисту. Тот приготовил ручку.

— Высшая секретность. Только для глаз адресата. По прочтении уничтожить. — Затем сделал паузу и, глядя на Третьего в упор, начал диктовать: — Вы идиот — да, да, так и пишете, — подтвердил он, все не отводя глаз от Третьего. — Вы идиот! Вослицательный. Нет, лучше точка. Точка спокойнее. Точка. Журналистов изолировать. Точка. В местном отеле, по возможности в хорошем. Точка. А то ведь в волчью яму бросят — это не пишете. Дальше. Охрану поставить из местных. Точка. Ничего не предпринимать. К вам вылетает Питер Калишер. Он займется корреспондентами. Слушаться всех его указаний. Операцию продолжать максимальными темпами. Подпись. Все.

Директор откинулся в кресле и закрыл глаза. Шифровальщик был уже у двери.

— Стойте, — директор говорил, не открывая глаз, — вычеркните там насчет идиота. Ему еще работать. Я скажу ему об этом сам. Позже.

Шифровальщик вышел.

— Радикальное решение с Кларком! — Директор покачал головой. — Растерялся... Надо бы менять Седьмого. Но сменить сейчас — значило бы растеряться еще больше. — Директор открыл глаза. — Как он не понимает! Кларка видели десятки наших. Да разве можно предлагать такое?! Наверняка узнали... Радикальное решение! Это бы выплыло, выскочило бы, как шарик пинг-понга из воды. Я все-таки зря вычеркнул насчет идиота...

Директор с раздражением смотрел на Третьего.

— Рассветло.

В холле скромного двухэтажного отеля, в котором по приказанию директора были изолированы журналисты, сидели все они, осунувшиеся, невыспавшиеся, усталые.

Сын управляющего отелем, восемнадцатилетний Игорь, показывал Катлен фотографии острова. Один великолепный пейзаж сменялся другим.

— Боже мой, никогда не видела такой красоты, — сказала Катлен. — Где это?

— В пяти милях отсюда, — ответил Игорь.

— И мы не съездили туда вчера?! — укоризненно посмотрела Катлен на Морра, который стоял рядом.

— Вчера, милая моя, мы были свободными людьми, — ответил тот. — Свободному человеку зачем ездить? Сегодня же мы под арестом, вот тебе и захотелось на природу.

У дверей холла стояли двое часовых, судя по лицам — из местных: распоряжения директора выполнялись с абсолютной точностью.

Максвелл повернул рычажок транзисторного приемника, откуда раздался громкий голос диктора: «Говорит Баланг, говорит Баланг. Революционное восстание, поднятое вчера здесь местным населением, успешно продолжается. Отряды повстанцев движутся в глубь острова. Образовано временное повстанческое правительство во главе с полковником Фарутдином. В обращении премьер-министра к народу Гранатовых островов говорится: «Мы поднимаем наше знамя борьбы в интересах демократии против коммунистов...»

— Это уже было, — сказал Кларк.

Максвелл выключил приемник и спросил у управляющего отелем:

— Откуда они передают?

Управляющий отелем «Лунный свет» кивнул в сторону окна.

— Радиостанция напротив через улицу.

У окна стоял Хольц с фотоаппаратом. Оттуда открывался вид на типичную улицу небольшого зеленого тропического городка, но совершенно пустынную. Несколько одноэтажных домов были разрушены. Вдали показались отряд автоматчиков. Солдаты в американской военной форме, в касках куда-то бежали в сопровождении офицера. В проеме окна сторевшего дома кошка кормила котят. Один лежал недвижимо в стороне. Кошка поднялась, ткнулась мордой в него, попробовала растоптать лапкой.

Где-то неподалеку раздалась автоматная очередь. Кошка бросилась с окна, за ней попрыгали котятки. Через мгновение она вернулась к тому, что лежал неподвижно, взяла его в зубы и исчезла...

— Почему не снимаешь? Снимай! — тихо сказал Морр.

Хольц поднял фотоаппарат, висевший на груди. — Адан! — закричал один из часовых в холле и наставил на Хольца автомат. Хольц отскочил от окна. Плюнул с досадой, сел в кресло. Часовой занял прежнее место у двери.

— Чарлики! — вполголоса сказал Хольц.

— Н-да, — покачал головой Морр.

Кларк уже в который раз снимал трубку телефона. Она безмолствовала. Постучал по рычажку — никакого результата.

— Отрезаны по всем линиям, — сказал Максвелл.

— Шесть утра, — посмотрел на часы Морр, — сколько же это еще будет продолжаться?

— Хотите, я проведу вас на чердак? — предложил Игорь Хольцу. — Оттуда весь город видно.

— Бесплезно, наверное, — сказал Хольц.

На него с удивлением посмотрел Морр.

— Ну хорошо, ведите, — нехотя поднялся с кресла фотограф.

Откинув люк в потолке, Игорь и Хольц поднялись по деревянной скрипучей лестнице на чердак.

— Чистенько у вас тут, танцевать можно, — сказал Хольц.

— Недавно выбросили весь хлам.

Они прошли к маленькому чердачному оконцу. Хольц осторожно выглянул из него. Но сразу увидел два автомата, направленные на него снизу часовыми. Те не кричали, просто целились. Похоже, ждали его.

Хольц отпрянул, как от выстрела, перевел дух.

— Под прицелом, — объяснил он и махнул рукой. — Да ну их, пошли...

На мокрой от дождя палубе военного корабля несколько человек в плащах встречали спускавшийся на посадочную площадку большой военный вертолет. Вот он мягко дотронулся «лыжами» до корабельного металла, и сразу же в открывшейся двери показалась фигура громоздкого толстого человека в шортах и в курточке с короткими рукавами. Помахав рукой встречавшим, он стал спускаться по металлической лесенке.

Солдат в форме морского пехотинца подбежал к нему с зонтом, но человек обернулся, и из чрева вертолета ему подали его собственный зонт — черный, огромных размеров. Открыв его, Калишер двинулся навстречу Седьмому и командиру крейсера.

Они поздоровались за руку, что-то покричали друг другу — слов не было слышно из-за грохота мотора — и быстро пошли по палубе корабля. Ветер с дождем бил по их лицам, облепляя тела мокрыми плащами. Над ними рвались из рук и пыгались улететь большие зонты...

Через несколько минут толстый Калишер, успешный уже переодеться и даже принять душ, входил в салон командира крейсера, на ходу заглатывая какие-то таблетки.

Седьмой и двое его подчиненных поднялись навстречу вошедшему.

— Нет, такие перелеты больше не для меня, — ворчал Калишер. — Стар. Водички можно какой-нибудь? Запить эту гадость.

Седьмой сам налил содовой воды в стакан и протянул Калишеру.

— Рад, что вы согласились приехать.
— «Согласился!» Прибежал кто-то из ваших, вытащил меня из сухой постели, пинком в зад толкнул в самолет, потом в вертолет — и это называется «согласился»?

Говоря это, Калишер с трудом устроил свое грузное тело в кресле за столом и вопросительно посмотрел на Седьмого.

— Значит, так... — начал было тот, но Калишер перебил:

— В общих чертах ситуацию знаю. Меня просветили. Значит, так. — Его заплывшие глазки смотрели на Седьмого серьезно и внимательно. — Затребуйте досье из центра — все, что есть, о каждом из них: привычки, любимые блюда, у кого что болит, какие женщины нравятся и так далее. Немедленно. Это раз. Мне нужен умный помощник из местных. Это два. Пока все.

— Умный? — переспросил Седьмой.

— Понимаю. Ваши местные союзники не гении. Но одного-то способного парня достать можно?

— Хорошо, — сказал Седьмой.

— Еще. Каждый день свежие газеты из Нью-Йорка, Вашингтона, Парижа, Лондона.

— Но для этого нужен реактивный самолет, — возразил Седьмой. — Это обойдется...

— Если операция провалится, это обойдется еще дороже, — перебил Калишер и посмотрел на часы. — Сейчас семь утра. До девяти я попробую поспать. В девять у меня должны быть досье и помощник. До одиннадцати я буду думать.

— До одиннадцати?! — почти возмущенно произнес Седьмой. — А поскорее?

— Когда меня торопят, — сказал Калишер ласково, — я обычно говорю: милые мои, в моем механизме есть еще одна скорость, но она медленнее.

— Хорошо, — с усилием согласился Седьмой.

— Да, вот еще, — вспомнил Калишер. — Пусть мне кто-нибудь расскажет все о хозяйне отеля, прислуге и так далее.

— Хозяина здесь нет, только управляющий с сыном и какой-то дамой. Местная прислуга убежала в джунгли, как и все население города, — ответил один из подчиненных Седьмого.

— Как убежали? А кто же приветствует вас, освободителей? — весело спросил Калишер.

Собеседники игнорировали вопрос.

Толстик рассмеялся.

— Это была шутка. Шутка старого циника. Кстати, в семь утра циник привык завтракать.

— Не знаю, чем кормить вас, господа, — сказал Астахов, управляющий отелем, журналистам. — Последние продукты кончились вчера. Я как раз сегодня собирался делать закупки, но вот видите... Только вино и бананы. Банановые лепешки, если хотите...

— Разве, господин управляющий, у вас не было других постояльцев? — спросил Максвелл.

— Какие тут постояльцы!

— Только я приехала два месяца назад на неделю, — сказала Мэри, — да застряла. Дура.

— Надолго? — спросил Стэннард равнодушно.

Мэри мельком взглянула на Астахова:

— Кабы знать...

— В порядочном отеле запасы не кончаются... — сказал Морр, — поищите там у себя.

— Сдается, это не отель, а скорее тюрьма, — ответил Астахов сухо.

— Он же вам говорит: запасы кончились, — вскипела Мэри. — Часовой не пускает в город. Ничего, посидите на диете.

— Диета, мадам, — сказал Стэннард, — это, как известно, победа силы воли над размером задницы. Но собственной воли. В данном же случае речь идет о чужой. Что не одно и то же.

— Господин Астахов, судя по фамилии, вы русский? — спросил Кларк.

— Я родился в России, — ответил управляющий. — Родители увезли меня ребенком после революции.

— Как же вас занесли сюда?

— Долгая история...

— Есть такое прекрасное русское блюдо: чачлык, — мечтательно произнес Стэннард.

— Грузинское, — поправил Кларк.

— Вы бывали в России, мистер Кларк? — удивился Астахов.

— Я работал там корреспондентом сразу после войны. Между прочим, русские спасли мою жену.

— Она русская? — еще более удивился Астахов.

— Немка.

— Русские спасли немку? — поднял голову от фотоаппарата Хольц.

— Они освободили Ингу из лагеря в Германии.

— Ну, так банановые лепешки или что? — спросила Мэри нетерпеливо.

— Слушайте, мисс Мэри, а почему вы всех нас ненавидите? — любопытствовал Стэннард.

— Ненавижу? В тропиках нельзя ненавидеть, это отнимает силы. Так мне объяснил мистер Астахов.

— А любить? — спросила Катлен. — Любить в тропиках можно?

Мэри не удостоила ее ответом и ушла на кухню.

— Партию в пинг-понг, молодой человек? Перед завтраком, а? — предложила Катлен Игорю.

Калишер лежал на диване в своей каюте и просматривал машинописные тексты, телеграммы, рудончики телексов. На диване, на полу и даже на его груди в беспорядке валялось множество прочего бумажного хлама.

— «Совесь мира», — пробормотал Калишер, переворачивая какую-то страницу. — Странные же нынче представления о совести.

Раздался стук в дверь.

— Да.

В каюту вошел Фаррадж.

— Мне было приказано явиться к вам, господин Калишер.

— Зачем?

— Я ваш помощник.

— Ах, помощник! — обрадовался Калишер. — Умный помощник. Да, да. Как зовут?

— Билл Фаррадж Хуа.

Калишер вскинул голову.

— Билл Фаррадж Хуа? — произнес он медленно, будто рассматривая странное имя со всех сторон. — Это что же — продукт любви разных континентов? Я ведь просил местного.

— Мать местная.

Отец — китаец.

— Пекинский?

— Он умер, — уклонился от ответа Фаррадж.

— А Билл — это, значит, просто тяга к американским джинсам?

Помощник молчал.

— Ну ладно, на худой конец сойдет. Только так, Хуа мы опустим, Билла забудь, оставим одного Фарраджа. Это тебе будет и имя и фамилия.

— Да, сэр.

— Ну, садись, Фаррадж, — сказал Калишер. Он поднялся с дивана и пошел к столу плеснуть себе содовой. — Нам, видишь ли, предстоит разыграть с тобой один небольшой, но весьма своеобразный психологический этюд...

Морр некоторое время мрачно наблюдал за игрой Катлен и Игоря в пинг-понг, затем вдруг резко поднялся и приблизился к часовым, неподвижно стоявшим у двери, ведущей к выходу.

— Ну что вы здесь стоите? Мы свободные люди, понимаете? Не граждане этой страны. Делегация ООН. Ты слышал, что такое ООН?!

Часовые стояли неподвижно.

Все оторвались от своих занятий, следя за этой сценой.

— Ну, отвечай!..

— Вы в десятый раз уже спрашиваете, Эдвард. Он же не понимает, — урезонил Кларк Морра.

— Или делает вид, — возразил Морр. Теперь он обращался ко всем: — Вас будто выжали! Шашлык, пинг-понг, картиночки. Фрэдди! Гарри! Вы были героями этих самых джунглей, выбирались из невероятных ситуаций! А теперь висим, как куклы на гвоздике.

Кларк ответил без раздражения:

— За дверью еще четверо солдат. И под каждым окном по одному. У вас есть что предложить?

Морр махнул рукой и сел к столу.

Возобновилась игра в пинг-понг.

— Что это за история в джунглях? — спросил Игорь Катлен между двумя ударами.

— Неужели не знаете? — удивилась она. — Ваша

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

подача... Во время второй мировой войны над этими самыми Гранатовыми островами японцы сбили самолет, в котором летел Кларк. Он был тогда начинающим радиореporterом, но уже очень популярным. Все погибли, а он остался жив. И месяц выбирался из джунглей. Под звуки танго — его магнитофон уцелел. Когда решил, что ему не выбраться, записал на пленку послание к человечеству... Насчет фашизма, войны и все такое. Ничего, с душой. Но выжил.

Игорь поймал шарик пинг-понга и внимательно слушал Катлен.

— Его подобрали американские солдаты почти мертвым. В роте, которая его спасла, оказался Максвелл. Он и написал о нем первым. Напечатали все газеты. А послание к человечеству гоняли по всем радиостанциям союзников. Вместе с тем танго. Теперь во всех хрестоматиях по журналистике: «Фашизм рождается на маленьких сделках с собственной совестью». Ну и насчет того, конечно, что война — бяка, недостойная человека... Так что, будем играть?

Игорь ударил по мячу ракеткой.

— С тех пор он и стал жутко знаменитым. На все времена. О нем даже фильм сделали. Дерьмовый, правда. Разве его сыграешь — такую глыбу... Оп-па! — Катлен сильно ударила по шару, он, отскочив от стола, попал в Эдварда Морра.

... — Слушай, Фрэдди... — Максвелл положил руку на плечо Кларку. — До операции осталось еще четыре дня... Мы обязательно улетим сегодня. Вот увидишь. Они не посмеют нас держать.

— Русский, который оперировал Ингу в сорок пятом в Москве, сказал, что спас ее я, потому что был с ней...

Кларк снова снял телефонную трубку и принялся стучать по рычагу...

...На операционном столе лежала Инга, обложенная простынями. Глаза закрыты. Вошел Фуллер в зеленом бумажном (на один раз), будто жеваном хирургическом халате и такой же шапочке. Взглянул на экраны мониторов с предоперационными данными, покачал головой. И тут же с радужной улыбкой подошел к столу:

— Здра-авствуйте, моя дорогая. Ну и погодка сегодня, скажу я вам!..

Инга ответила ему подрагиванием век.

— Ну что ж. Начнем, благословясь... Операция сама-то по себе пустячная...

Инга пошевелила губами. Доктор не расслышал, нагнулся к ней.

— Я в вас верю, доктор,— сказала она тихо.— У вас глаза щедрые...

Фуллер выпрямился. Засмеялся трескуче:

— Щедрые? Это еще что за штучки! Хотите всю ответственность — на меня? Не-ет, дорогая, будем вместе бороться! Только вместе! А то видели — глаза щедрые... Ах, хитрющая!

Приговаривая так, доктор уже действовал: кивками и движениями рук отдавал распоряжения.

Анестезиолог поднес к ее лицу маску.

— А Фрэдди... Фрэдди успеет? — спросила Инга.

— Конечно, успеет,— сказал Фуллер веселым голосом, но глаза смотрели жестко.— Что там слышно — вылетел он? — спросил он нарочито громко и бодро, ни к кому не обращаясь.

— Вылетел,— ответила сестра ему в тон бодро и тоже громко.

— Ну вот, видите,— сказал доктор, наклонившись к Инге, затем выпрямился и потребовал властно: — Шприц...

...Морр подошел к Астахову, перетиравшему станы за стойкой бара.

— А вы уверены, мистер Астахов, что ваш Абу передал вчера телеграммы?

— Если с ним ничего не случилось.

Подошедший Игорь подтвердил:

— Абу — честный парень. Мы с ним дружили с детства.

— Серьезная хантяня,— с иронией отозвался Морр.— Почему же он не вернулся?

— Ушел в джунгли,— предположил Игорь,— как весь город.

— А вы что же не ушли? — недобро бросил Морр. Подошел Максвелл.

— Я вот о чем хотел вас спросить, молодой человек. Ведь у вас там есть друзья?..

— В джунглях? Нет,— вместо Игоря ответил Астахов.

— Немного, но есть,— возразил Игорь.

— А связаться с ними?

Игорь не успел ответить.

— Пойди, пожалуйста, помоги Мэри на кухне. Ей трудно одной.

— Сейчас, папа.

— Я говорю, пойди и помоги Мэри,— сказал Астахов тверже.

Холыц, стоявший у окна, произнес спокойно:

— Ну вот, кажется, к нам идет начальство.

В холл гостиницы вошел Фарадж в сопровождении нескольких автоматчиков из местных в маскированных комбинезонах. Часовые отдали ему честь. Автоматчики остались рядом с часовыми, а Фарадж прошел в середину холла. Он был холоден и официален.

— Здравствуйте, господа, мое имя Фарадж. Я сотрудник отдела прессы временного революционного правительства. Пришел к вам по поручению премьеры Фарутдина. Прошу садиться...

— Спасибо,— скривил губы Морр.— Нас посадили еще вчера.

Фарадж не реагировал на шутку.

— Фотоаппараты, магнитофоны убрать,— он небрежно потряс кистью руки, будто отгоняя мух,— лучше и блокноты... Останутся только господа журналисты.

Астахов и Игорь ушли. Мэри замешкалась.

— Вы журналистка? — обратился к ней Фарадж сухо.

— До этого не докатилась... — заверила Мэри и ушла вслед за Астаховым.

Журналисты выжидающе смотрели на гостя. Кларк — набычавшись, Морр — готовый взорваться каждую минуту, Максвелл — с любопытством, Катлен, кажется, без кокетства. Стэннард протирал очки, и определить выражение его близоруких глаз было трудно. Холыц, как всегда, оставался невозмутимым.

Фарадж обвел всех взглядом.

— А где же седьмой ваш коллега?

— Нас шестеро,— сказал Кларк.

— Да? А мне показалось, что...

— Скажите, по какому праву вы держите нас?... — перебил его Кларк.

— Мне поручено,— в свою очередь, перебил Фа-

радж, и голос сотрудника печати звучал властно и недружелюбно,— выразить вам, господа, недоумение правительства республики и лично премьера содержанием телеграмм, которые вы собирались отправить ночью в Нью-Йорк.

— Почему собирались? — вскинул голову Кларк.— Мы отправили их.

— К счастью, нет.

— Перехватили?! — бросил Морр.

— Нет, просто не было связи. Вам повеселилось.

— Нам?!

— Да, потому что в этих телеграммах все ложь — от начала до конца. Наше восстание народное, а вы пишете о каких-то иностранных офицерах, иностранном снаряжении...

— Вот что,— решительно остановил Фараджа Кларк.— Ваш совет министров может недоумевать, сколько ему угодно. Но прежде всего он обязан освободить нас из-под стражи и предоставить нам связь с Нью-Йорком.

— Как раз об этом я пришел с вами говорить,— ответил Фарадж.— Вы получите свободу немедленно, как только исправите свою ошибку и окажете помощь восставшему народу.

— Какую помощь, какому народу? — насмешливо спросил Максвелл.

Из комнаты Астахова донесся звук кларнета.

— Что это? — вздрогнул Фарадж.

— Управляющий,— пояснил Стэннард.— Он у нас музыкант...

— Вы должны подписать коллективное заявление для крупнейших газет мира,— сказал Фарадж.

— О чем заявление? — спросил Морр.

— О том, что в восстании на Баланге участвует только народ этой страны, возглавляемый повстанческим правительством. Никакого иностранного вмешательства нет.

— А если мы не подпишем такого заявления? — спросил Кларк.

— Правительство Фарутдина не отвечает за вашу судьбу.

Раздался звонкий смех Катлен. Она приблизилась к Фараджу.

— Вы наивный человек, наш симпатичный сотрудник отдела прессы. Стоит мистеру Кларку да и всем нам в течение двух дней не передать очередных корреспонденций, наши редакции поднимают такой международный тарарам, что вам и вашему правительству...

— Вы находитесь в центре революционного восстания,— прервал ее Фарадж.— Если народ узнает о содержании клеветнических телеграмм, которые вы собирались послать в свои газеты, никакой тарарам не спасет вас от пули, мадемуазель...

— Да вы понимаете, что говорите? — ужаснулась Катлен.

— Мне приказано передать, что это не касается только одного из вас.

— Кого? — спросил Кларк быстро.

— Мистера Дугласа, Джеймса Дугласа.

Журналисты с удивлением смотрели на Фараджа.

— В его телеграмме ничего не было сказано об иностранных инструкторах.

— Какой Дуглас? Среди нас нет такого,— сказал Морр.

— Есть. Вот его телеграмма.

Фарадж вынул из портфеля два листка бумаги и, посмотрев на них, сказал:

— Судя по шрифту, он печатал ее на машинке мистера Стэннарда. Или мистера Стэннарда — на его.

Все обернулось к Стэннард.

— Ах, это! — неловко засмеялся тот.— Фу ты, я только сейчас сообразил, о чем речь. Ну, это чепуха. Это, так сказать, мой псевдоним. Я пишу под двумя фамилиями — Стэннард и Дуглас.

— Не понимаю,— поднял брови, Кларк.

— Как Стэннард я член нашей группы, корреспондент моего агентства, а как Дуглас я частное лицо, пишу для ряда других газет в разных странах. Свои, так сказать, впечатления, что ли...

— Ну вот, а вы говорили шестеро,— сказал Фарадж.— Теперь все в порядке.

Возникла тяжелая пауза. Стэннард попытался обратить дело в шутку.

— Так я могу собирать его вещички? — Он подмигнул своим коллегам.— Ну, этого... Дугласа... Или уж пусть остается с нами?..

— Ладно. Острий будем позже,— отрезал Кларк.— Подытожим. Вы требуете, чтобы мы все подписали заявление, будто в событиях на острове Баланг не принимают участие иностранцы. Если мы не подпишем, то вы не отвечаете за нашу безопасность. Так?

— Так,— ответил Фарадж.

— Хорошо,— сказал Кларк,— при вас я спрашиваю своих коллег.— И он обернулся к ним.— Кто из нас подпишет такое заявление? Прошу обозначиться.

Молчание.

— Стэннард?

— А почему? — обиделся тот.— Я как все.

— Значит, нет желающих? Ну вот. Что будем делать? — обернулся Кларк к Фараджу.

— Этот вопрос вам надо задать себе самим. Я хотел кончить дело миром. Не получилось.

Фарадж подал знак солдатам. Те направили на журналистов автоматы. Один из них, командир группы, резким голосом подал какую-то команду. Фарадж сделал несколько шагов в сторону, принял стойку «смирно» и объявил официально:

— По поручению революционного правительства вы арестованы за клевету на восставших и будете преданы трибуналу. Вас переводят в полевую тюрьму.

— Руки на шею! — резко закричал командир группы.

Солдаты окружили узников плотным кольцом и принялись подталкивать их к выходу.

— Я никуда не пойду,— сказала Катлен.— Какая тюрьма, какой трибунал! Вы с ума сошли!

Командир автоматчиков замахнулся на нее прикладом.

Из комнаты управляющего выскочил Игорь и бросился на офицера.

Через секунду сын управляющего лежал на полу с завернутой за спину рукой, два солдата навалились на него. Растерянные журналисты стояли вокруг с поднятыми руками. Неизвестно, чем закончилась бы эта сцена, если бы ко входу в отель не подкатил в этот момент «джип», в котором рядом с шофером под большим черным зонтом сидел Питер Калишер. Тормоза резко заверещали.

Вытирая платком дождевые капли со лба и шеи, отдуваясь, толстяк быстро шел короткой аллеей, увитой плющом, ведущей от дороги к зданию отеля.

— Что за самоуправство? — силло кричал он на ходу.— Кто поставил часовых? Отставить! Немедленно все отставить!

— Отставить,— дал Фарадж команду солдатам, и те нехотя освободили Игоря, отошли от журналистов. Игорь поднялся с пола, потирая руку. К нему бросился отец.

— Больно? — спросила Катлен.

Игорь покачал головой.

Калишер приблизился к Фараджу и хрипло спросил:

— Кто поставил часовых?

— Прошу прощения, мистер Калишер,— ответил не на шутку испуганный Фарадж. Он вдруг подумал: может быть, в последний момент кто-то изменил сценарий «психологического этюда» и теперь действительно придется за что-то отвечать.— Вас искали...

— Ну и?..

— Не нашли, поэтому поручили мне.

— Вы больше не работаете в отделе прессы,— сказал Калишер,— вы можете катиться куда угодно.

— Слушаю, сэр! — Фарадж сделал шаг назад.

Прижав руки к сердцу, Калишер с выражением самого искреннего огорчения на лице повернулся к журналистам:

— Не знаю, как мне просить прощения у вас за действия этих ребят.— И снова стремительно к Фараджу: — Немедленно снять часовых! Освободить всех!

— Но это приказ министра внутренних дел,— сказал Фарадж.

— Муина?! — с горькой улыбкой воскликнул Калишер.— Ну вот — Муин! — Он обернулся к журналистам, как бы прося сочувствия.— Человек, кончивший четыре класса миссионерской школы, отдает приказ арестовать кого? Людей, которых знает весь мир! Ну, что с них взять! Таковы, к сожалению, издержки всякой революции. Прошу вас, садитесь, пожалуйста... А вы? — без паузы обратился он к Игорю, Астахову и Мэри.— С кем имею честь?

— Я управляющий,— сказал немного растерянно Астахов.— Это мой сын. Мисс Мэри... Она тоже с нами.

— Прошу прощения, у меня деловая беседа,— сказал Калишер.

Пока Астахов, Мэри и Игорь выходили из холла, Калишер присел к столу, что-то быстро написав на клочке бумаги, протянул Фараджу: — Срочно в канцелярию премьера! — И к журналистам: — Не беспокойтесь, часовые будут сняты немедленно.

Фарадж бросился было к двери, но, сделав несколько шагов, остановился:

— Премьера сейчас нет в городе, сэр.

— Тогда к министру внутренних дел, высокопочтенному мистеру Муину. Быстро! Возьмите мой «джип».

Фарадж убежал в сопровождении одного из солдат.

Рисунки Геннадия СВИДЧЕНКО

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

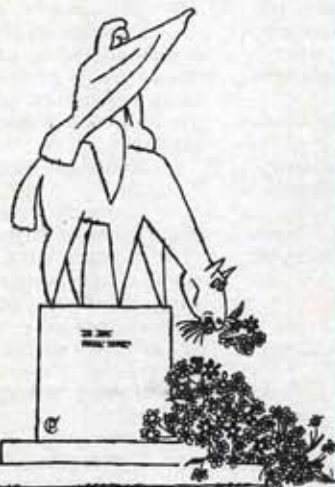
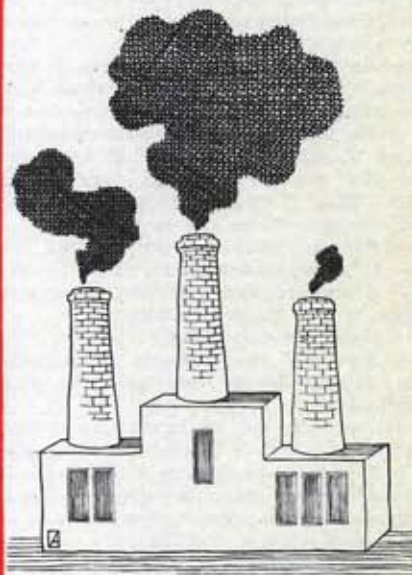

Рисунок Ростислава САМОЙЛОВА

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Начало см. в №№ 11—14, 16—18, 19 и 20 журнала).

ДЕВЯТЫЙ ТУР

Мат в три хода (2 очка).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (3 очка.)

Ход белых. Как должна завершиться борьба при лучших действиях обеих сторон? (3 очка.)
Запомните, пожалуйста, что открытки с ответами на задания девятого тура нужно посылать в адрес нашей редакции в период с 15 декабря 1979-го по 5 января 1980 года.

В ЧЕМПИОНСКОМ СТИЛЕ

Подлинным украшением недавнего шахматного турнира Спартакиады народов СССР, несомненно, явилось участие в нем молодых чемпионов мира Анатолия Карпова и Майи Чибурданидзе, многоопытных экс-чемпионов мира Тиграна Петросяна, Василия Смыслова, Бориса Спасского, Михаила Таля и Ноны Гаприндашвили.

Игровой почерк этих прославленных советских гроссмейстеров наглядно иллюстрируют два фрагмента из спартакиадных баталий, которые мы ниже приводим.

К такому положению пришли после 15-го хода черных А. Карпов

и гроссмейстер Анатолий Лутиков в матче Ленинград—Молдавия. Разменом коней белые, которые были у чемпиона мира, заметно ослабили пешечную группировку партнера, а потом взяли под контроль важную центральную вертикаль.

16. Ke4:f6+! g7:f6 17. Cf1—d3 0—0 18. Lh1—d1 Krc8—c7 19. c2—c3 h7—h5 20. Cd3—f5! Ld8:d2 21. Ld1:d2 Kc6—b8.

Приходится отступать конем, чтобы воспрепятствовать вторжению ладьи в тыл к черным.

22. h2—h4 Cf8—h6 23. Ce3:h6 Lh8:h6 24. a2—a4! Lh6—h8 25. b2—b4! b7—b6 26. b4—b5!

Тонкими маневрами белым удалось максимально стеснить силы противника, у которого вскоре не оказывается ни одного удовлетворительного продолжения. Логичная, полная здравого смысла игра чемпиона мира всегда производит отменное впечатление.

26. ...Lh8—g8 27. Krc1—c2 a6:b5 28. a4:b5 Lg8—e8 29. c3—c4, и черные поздравили партнера с заслуженной победой.

Здесь перед вами позиция, возникшая после 26-го хода белых в партии М. Таля (у него были черные фигуры) с мастером Иво Неем в матче Эстония—Латвия.

Черные смело пожертвовали коня и сконцентрировали тяжелые фигуры для атаки на короля противника.

26. ...Kh6:g4! 27. h3:g4 Fg6:g4+ 28. Ke1—g2 La8—e8 29. Lf1—f2 Le6—e6 30. Fc4—e2 Fg4—h3 31. Kg2—e1.

А теперь не сложным, но изящным тактическим ударом черные восстанавливают материальное равновесие, сохраняя опасные угрозы на своем левом фланге.

31. ...Kd5:f4! 32. e3:f4 Fh3:b3 33. Cd2—c3 Le6—g6+ 34. Ke1—g2 Fb3—d5 35. Kpg1—f1 Lg6—g3 36. Kg2—e3 Fd5—e6 37. f4—f5 Fe6—h6!, и белые сдались ввиду неотвратимого двойного нападения.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.09.79. Подписано к печати 02.10.79. А 07933. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1142000 экз. Изд. № 2532. Заказ № 1278. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПЕСНЯ О ПЕРВЫХ БОЛЬШЕВИКАХ

Музыка Валентина ИВАНОВА

Каменный Островский, каменный Чапаев.
В каменных шинелях прошлое стоит.
А вокруг гуляют парни и девчата,
И поет гитара, и молчит гранит.

Припев:
Неправда! Есть такое чудо —
Приходят мертвые оттуда,
Приходят смерти вопреки.
Приходят юные наркомы
И боевые военкомы,
Приходят первые большевики,
Первые большевики!

Стихи Зиновия САГАЛОВА

Первыми в атаку, первыми под пули,
Первыми, где трудно, первыми, где смерть.
Чуть недолюбили, чуть недотянули,
Чуть на нашу землю им бы поглядеть!

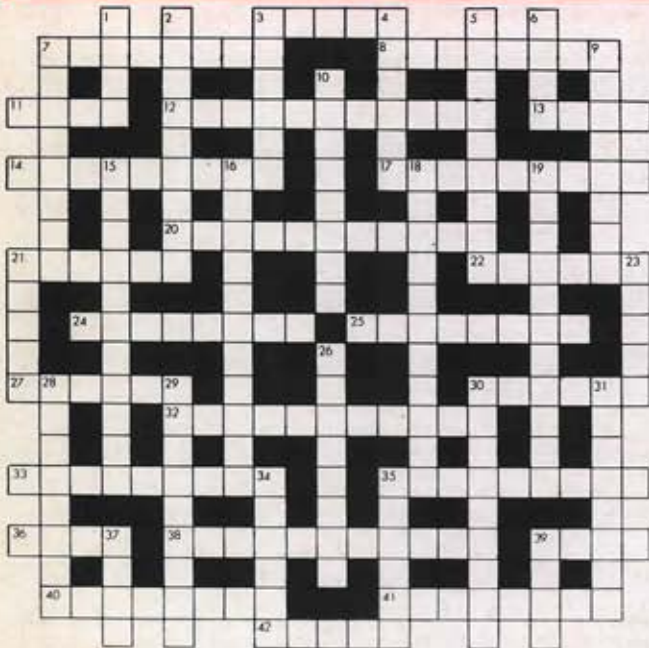
Припев.

К нам они приходят песней и легендой,
Помогая в деле, утверждая суть —
Первых коммунистов пламенные гены
В даль семидесятых правнуки несут!

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. КОРКИН,
гор. Новоалтайск

По горизонтали:

3. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Автор слов «Песни о встречном». 8. Персонаж оперы Ж. Бизе «Кармен». 11. Искусственный водоем. 12. Учение о равновесии газов, воздуха. 13. Роца с аллеями, цветниками. 14. Композитор, автор песни «Главное, ребята, сердцем не стареть!». 17. Птица отряда буревестников. 20. Изучение определенных мест страны. 21. Город в Пакистане. 22. Повесть Б. Л. Горбатова. 24. Разновидность ружья. 25. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 27. Медицинское учреждение. 30. Город в Алтайском крае. 32. Научное мировоззрение. 33. Косточка среднего уха. 35. Советский композитор и дирижер. 36. Представитель коренного населения автономной республики. 38. Литовская партизанка, Герой Советского Союза. 39. Река, вытекающая из Ладожского озера. 40. Город в Черкасской области. 41. Представительница коренного населения автономной республики. 42. Автор повести «Витя Малеев в школе и дома».

По вертикали:

1. Спортивное общество в РСФСР. 2. Часть педагогики. 3. Исторический крейсер. 4. Город, центр туризма в Финляндии. 5. Общее собрание членом международной организации. 6. Опера Д. Энеску. 7. Физик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 9. Разновидность халцедона. 10. Картина Ф. А. Васильева. 15. Часть речи. 16. Краевой центр в РСФСР. 18. Языкознание. 19. Передача изображений на расстояние. 21. Рассказ А. М. Горького. 23. Административно-территориальная единица в МНР. 26. Руководитель небольшого рабочего коллектива. 28. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 29. Прибор для измерения силы электрического тока. 30. Места в зрительном зале. 31. Соединение космических кораблей на орбите. 34. Остров на северо-западе Байкала. 35. Герой романа А. М. Горького «Мать». 37. Надпись в кинофильме. 39. Действующее лицо в балете А. И. Хачатуряна «Гаяз».

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 20**

По горизонтали:

7. Кутузов. 8. Батарея. 10. Аргали. 11. Орина. 12. Амидол. 14. Адонис. 16. Водород. 18. Корунд. 19. Кордебалет. 20. «Бриганттина». 22. Беркут. 24. Сирокко. 27. «Судьба». 31. Амфора. 32. Онега. 33. Прадед. 34. Кабарга. 35. Левитан.

По вертикали:

1. Студия. 2. Плакат. 3. Чулаки. 4. «Хорошо!». 5. Бамако. 6. Мехико. 9. Чирок. 10. Андромеда. 13. Ленинабад. 15. Собат. 16. Вальс. 17. Дриго. 18. Красс. 21. Конев. 23. Удокан. 25. Иволга. 26. Кратер. 28. «Ураган». 29. Гавана. 30. Оптика.

Начало на 15-й стр.

Колонна салютных машин выходит на «боевые» позиции.

В этих шарах дремлют до поры праздничные залпы — «Звездное небо», «Зарница», «Кумач»...

Подготовка к салюту — дело ответственное.

основных сил батареи, разворачивается и командный пункт московского салюта. Кроме 8 салютных установок, в составе колонны 20 зенитных орудий, машины связи и управления.

Только прибыв на место, мы поняли, почему на первую салютную точку колонна выходит с таким запасом времени. На узкой аллее, что тянется от станции метро до смотровой площадки и дальше, невозможен какой бы то ни было маневр машин, и каждое из орудий приходится подгонять одно к другому и разворачивать вручную. В зенитке 4,5 тонны, и меньше чем двум десяткам человек ее с места не сдвинуть. Наверное, можно было бы найти место удобнее в смысле маневра, но уж так повелось многие годы — давать главный

залп отсюда, с самого высокого берега Москвы-реки, откуда виден почти весь город.

Салютную точку окружает оцепление; с деревьев снимают двух последних юных «наблюдателей». Прерывающимися от обиды и слез голосами мальчишки упрямивают солдат не выводить их за оцепление. Оказывается, что ребята сидят на деревьях с двух часов дня в надежде, что им удастся во время стрельбы «увидеть все: и как пушки подпрыгивают, и как шары из труб вылетают». Я вспоминаю себя в этом возрасте, и мне от души жаль мальчишек, к тому же их нельзя не уважать за героическое многочасовое сидение на деревьях. Но оцепление — необходимая мера безопасности в первую очередь для самих зрителей.

К четырем пультам управления подведены кабели от всех мортир. Операторам во время салюта достаточно повернуть ключи на пультах — и раздастся залп. Еще один поворот ключа — следующая. Полная автоматика, которая продублирована аварийной системой включения.

Незадолго до начала салюта полков-

ник Михаил Иосифович Студенков начал проверку готовности орудий и установок всех двадцати точек. В командном пункте — машине, оборудованной радио- и телефонной аппаратурой, раздавались один за другим голоса командиров точек. На столе, перед распахнутым окном, через которое открывался вид на город, кроме электронных часов, стоял небольшой телевизор — для проверки точного времени. Первый залп — на шестой сигнал, ни секундой раньше.

...Мы вышли из командного пункта, чтобы не пропустить самого главного, того, во имя чего Ленинские горы собирают в такие вечера тысячи и тысячи людей.

Первый залп заставил содрогнуться землю под нашими ногами. Но еще не успело стихнуть эхо артиллерийского грома, как в темно-фиолетовом небе над нами вспыхнули и рассыпались тысячами красных огней 310-миллиметровые заряды «Кумача», накрыв огромным полыхающим шатром и смотровую площадку, и склоны берега, и крыши университета. Второй залп рассыпал в небе переливающиеся красно-желто-зе-

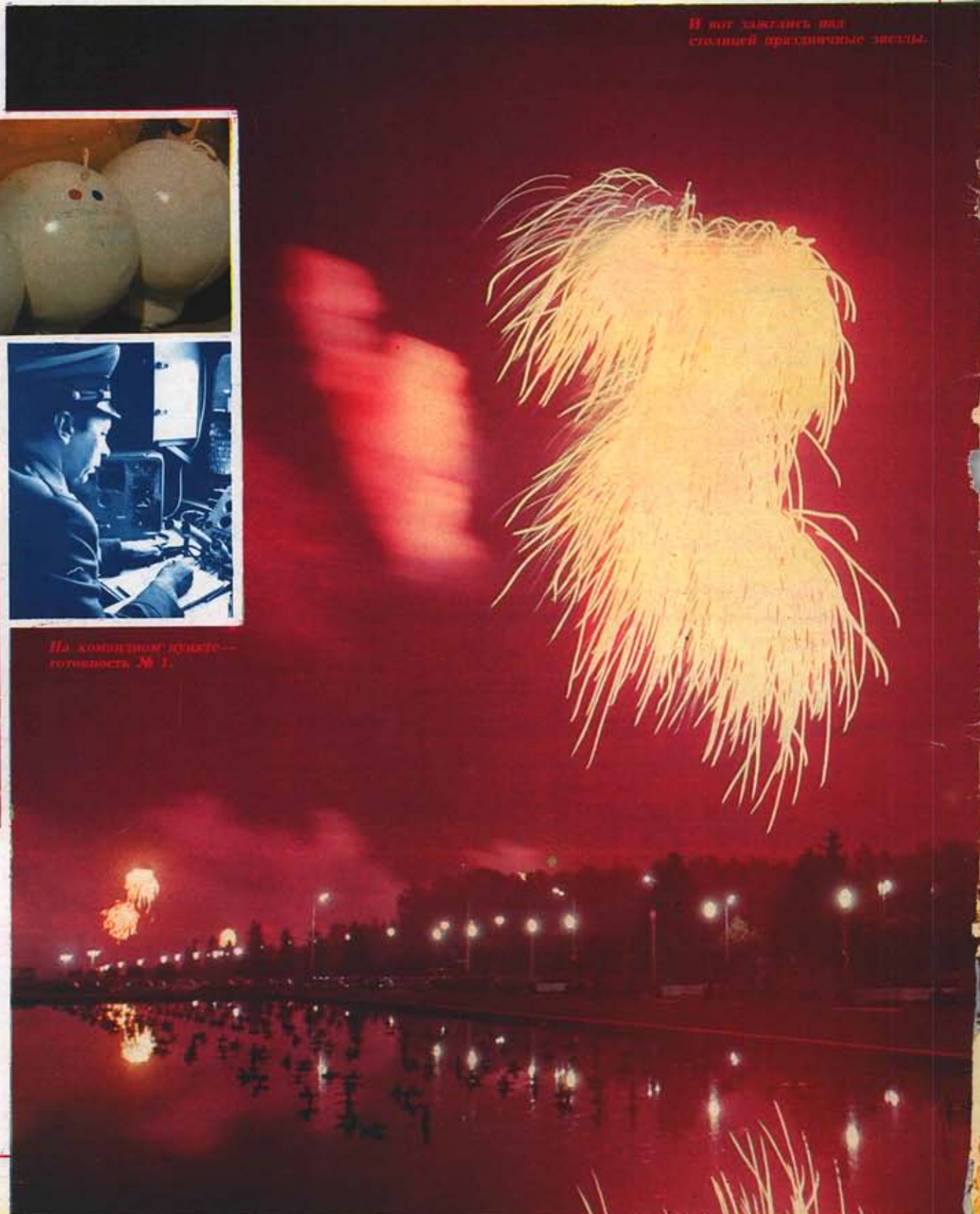
лено-синие россыпи звезд. Они долго вспыхивали, как мерцающие кометы. Это — «Сказка». Потом грянула в небе «Молния», угасая и вновь взрываясь каскадами огней, потом «Орел» — красные и синие всплески; за ними — «Юбилей», «Майские звезды», «Уральский самоцвет»... И, наконец, последний, 30-й залп — «Огни Победы» — общий, единый для города узор, в котором слились все цвета и оттенки, вся музыка и фантазия московского салюта. А мы продолжали стоять, отказываясь верить тому, что все кончилось, все еще чего-то ожидая.

Мы подошли к Тишкину, чтобы проститься. Он стоял возле своих пультов и курил.

— Жаль, что все кончилось так быстро? Десять минут, как положено. Теперь приходите олимпийский салют смотреть, тоже мы будем давать! — Он улыбнулся. — Уж мы постараемся.

Я подумал тогда о том, что счастливый он человек, капитан Тишкин, работа которого — зажигать над Москвой праздничные звезды. Счастливый, несмотря на то, что домой он попадет только к рассвету.

И вот зажглись над столицей праздничные звезды.

На командном пункте — готовность № 1.